

XX 438
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

ЖУРНАЛЬ

802-11

212

**ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И
СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,**

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ЕАДДЕЕМЪ БУЛГАРИНЫМЪ.

ЧАСТЬ СТО ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1825.

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XVII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Изъ жизни Гете, имъ самимъ описанной.

Изъ образа жизни моей во Франкфуртѣ и по роду Наукъ, которыми я занимаюсь, можно заключить, какъ ошлась я отъ новейшей Литтературы. Пребываніе мое въ Стразбургъ ни сколько не подвинудо меня впередъ. Но пріѣхаль Гердеръ, и при своихъ обширныхъ познаніяхъ, привезъ много вспомогательныхъ средствъ, а сверхъ того и разныя, вновь вышедшія сочиненія. Между ними особенно хвалилъ онъ *Вакефильдскаго священника*, и вздумалъ самъ познакомиться съ этимъ превосходнымъ произведеніемъ, читая намъ вслухъ Нѣмецкій переводъ его.

Чтеніе Гердера было совершенно особаго рода; кто слыхалъ, какъ онъ проповѣдуешь, пошь можешь составить себѣ о пошь понятіе. При чтеніи этого Романа, какъ и при всякомъ другомъ, пошь его былъ важень,

*

Печатать позволено,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Августа 19 дня 1825 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

но не зашпйливъ; не заботясь ни сколько о драматическо-мимическомъ выраженіи, избыгала онъ и того разнообразія, какое не только позволительно, но даже требуется въ эпическомъ родѣ чтенія, того измѣненія въ голосъ, когда говорятъ различныя лица, посредствомъ чего распознаешель, кто именно говоришь, и опличаетель лице дѣйствующее отъ рассказывающаго. Не впадаа въ единообразіе, Гердери давала однако всему одинаковую выразительность, какъ бы ничего не существовало въ эту минушу, а все рассказывалось исторически, — какъ будто пѣни воображаемыхъ повѣщическихъ существъ не живо передъ нимъ дѣйствовали, а пролетали мимо въ стройномъ, однообразномъ порядкѣ. За всеи пѣмъ, такой родъ чтенія изъ его устъ, имѣла необыкновенную прелесть: выразумляа все въ самомъ себѣ съ глубокимъ чувствомъ, и умѣя цѣнить многообразность красоту такого опличнаго шворенія, онъ выставлала достоинство его вполне, и пѣмъ ясные, что никакая, сильно произнесенная опдѣльная красота не заземляла чувства, производимаго цѣльмъ.

Пропешаншскій деревенскій проповѣдникъ есть, можешь быть, самый лучший предметъ для новѣйшей Идилліи. Съ непорочнѣйшимъ званіемъ, со званіемъ земледѣльца, имѣешь

онъ много обдаго: свои занятія, свои опношенія семейственныя; онъ опецъ, хозяинъ, селлицы, сѣдовашельно полный членъ общества. На этомъ чистомъ, прекрасномъ земномъ основаніи покоишь его высшее назначеніе; ему предоставлено вводиль людей на поприще жизни, заботишь объ ихъ духовномъ воспитаніи, благословляшь ихъ при каждой важнѣйшей эпохѣ ихъ бытія, научаешь ихъ, укрѣпляешь, утѣшаешь, и если не довольно утѣшенія въ настоящемъ, призываетъ надежду на счастливѣйшую будущность и ругаешь въ ней. Пускай же воображаетъ себя такого человека, съ чисто человеческими понятиями, довольно швердаго, чтобы устоять въ нихъ при каждомъ обстоятельстве, и уже чрезъ то возвышеннаго надъ шодою, отъ которой нельзя ожидать чистоты и швердости; пусть дадутъ ему познанія, пребывающія къ его чину, и припомъ веселую неизмѣнимую дѣятельность, даже спрасциую въ неушомимомъ, ежеминушномъ исканіи добра — тогда будешь онъ имѣть все нужныя принадлежности. Но пусть присовокупяшь и то, чтобы не только постоянно дѣйствовалъ онъ въ небольшомъ кругу, но могъ перейти всегда и въ самый малый; пусть дадутъ ему простосердечіе, самоспательность и все, что характеръ рѣшитель-

ный можешь заключать въ себѣ похвального, а сверхъ всего того радушную уступчивость и щепетивость своихъ и чужихъ недоспащковъ: тогда соснавявъ себѣ довольно вѣрно порптрешь нашего превосходнаго Вакеевльскаго священника.

Представленіе шакого характера на жизненномъ поприщѣ, усѣянномъ радостями и скорбями, безпрерывно возрастающій интересъ повѣсти, посредствомъ соединенія совершенно естественныхъ обстоятельствъ съ необыкновенными и странными, дѣлаешь сей Романъ лучшимъ изъ всѣхъ, какіе были только писаны; а сверхъ того имѣешь онъ и шо преимущество, что исполненъ чистой нравственности, написанъ въ духѣ, совершенно Христіанскомъ, представляешь награду доброй воли и устойчивости въ правомъ дѣлѣ, утверждаешь Вѣру въ Бога и вселяешь довѣренность къ непремьному торжеству добра надъ зломъ, и все это безъ малѣйшаго сабда ханжества или неадашства. Отъ обоихъ предохранить сочинителя высокой умъ его, который здѣсь кой-гдѣ проглядываетъ въ видѣ ироніи, отъ чего это швореніе становится для насъ столько же мудрымъ, какъ и привлекательнымъ. Сочинитель, Докторъ Гольдсмитъ, имѣешь, безъ всякаго сомнѣнія, большія познанія о нравственномъ мирѣ, о

его достоинствѣ и недоспащкахъ; но съ шѣмъ вмѣстѣ ему должно быть признательнымъ къ тому, что онъ Англичанинъ; должно высоко цѣнить преимущества, какія даютъ ему его земля, его нація. Семейство, которое онъ изображаетъ, сполнѣ на послѣдней степеніи гражданскаго благосостоянія, и при всемъ томъ оно не совершенно оппало отъ самаго высшаго; его тѣсный кругъ, который стѣсняется еще болѣе, входитъ однако, посредствомъ естественнаго и гражданскаго порядка вещей, въ права большаго свѣта; на огромной, движущейся волнѣ Англійскаго обществія, плывешь эта маленькая ладья, и въ счастіи или въ напастѣ, должна ожидать бѣды или пособія отъ обширнаго флота, который вкругъ нея на парусахъ своихъ носился.

Я могу предполагать, что читатели мой знаютъ это сочиненіе и помнятъ его; пошѣ же, кпю въ первый разъ здѣсь о немъ узнаешь, или въ комъ возбудишь охота прочесть его снова, конечно будешь мнѣ благодаренъ. Для первыхъ замѣчу однако мимоходомъ, что жена деревенскаго священника принадлежитъ къ роду плѣхъ дѣятельныхъ, добрыхъ существъ, которыя не допускаютъ ни себя, ни своихъ домашнихъ ни въ чемъ нуждаться, но за шо нѣсколько излишне ду-

яюшь о себѣ и о своихъ домашнихъ. Двѣ дочери: Оливія, прекрасна и занята болѣе наружнымъ, — Софія, прелестна и занята болѣе внутреннимъ положеніемъ вещей; нельзя забыть и о прудодобивомъ, по слѣдамъ отца усердно пробивающемся сынѣ Моисей.

Если въ чемъ нибудь можно было упрекнуть Гердера за его чтеніе, такъ это въ неперпѣдивости: онъ не дожидался, пока слушатель въ какую нибудь часпъ сочиненія выскнетъ и сообразитъ ее — хотѣлъ поспѣть видѣть порывъ впечатлѣнія, но и тогда былъ недоволенъ, если кто нибудь его обнаружитъ. Онъ хулилъ излишество чувствъ, которое овладѣвало мною болѣе и болѣе. Я чувствовалъ, какъ человекъ, какъ молодой человекъ; мнѣ все было живо, истинно, присутственно. Онъ же, оцѣняя только составъ и форму, конечно ясно видѣлъ, что я увлекаюсь содержаніемъ, а этого ему и не хотѣлось. Замѣчанія же Пеглова (*), не слышкомъ, правда, шонкія, были принимаемы еще хуже; но всего больше сердился онъ на малую нашу проницательность; на то, что мы не предвидѣли контрастовъ, которые нѣрѣдко употребляетъ Авшоръ, — прога-

лись ими и увлекались, не примѣчая частно повтораемой пош же самой уловки. Когда же дошло до того мѣста, гдѣ Борчель, въ намѣреніи себя обнаружить, переходитъ въ расказъ изъ прешняго лица въ первое — когда мы не только поспѣть не догадались, но даже не предполагали, что онъ и есть пошъ Лордъ, о которомъ самъ расказываешь, Гердеръ никакъ уже не хотѣлъ намъ простить того. И когда мы наконецъ, при открытіи и превращеніи бѣднаго, жалкаго странника въ богатаго, знатнаго барина, радовались, какъ дѣти, онъ прискалъ по мѣсто, которое мы, вопреки намѣренію Авшора, пропустили безъ вниманія, пошомъ побранилъ насъ порядкомъ за наше шупоуміе, и прочишалъ намъ преспргое поученіе. Изъ этого видно, что онъ смотрѣлъ на сочиненіе, какъ на искусственное произведеніе, и требовалъ отъ насъ того же, отъ насъ, бывшихъ еще въ пѣтѣхъ обстоятельстввахъ, въ кошорыхъ очень позволительно искусственныя шворенія принимать за естественныя.

Впрочемъ я не слишкомъ смотрѣлъ на нападки Гердера. Въ молодыхъ людяхъ весьма обыкновенно, что если что нибудь на нихъ пошдѣйствовало, то это дѣйствіе въ нихъ перерабатывается по своему, и ешъ сего по происходитъ много добраго, а иногда и много худа-

(* Русскій, находившійся въ Спразбургѣ, и явившій Гердера еще въ Ригѣ. Пер.

го. Помянутое сочиненіе оспивало во мнѣ весьма большое впечатлѣніе, въ которомъ я самъ себя не могъ дать отчета; но собственно и я чувствовалъ въ себѣ нѣкоторые проническія понятія Автора, которые превъше житейскихъ предметовъ, счастья и несчастья, добра и зла, смерти и жизни, и такимъ образомъ носился уже я въ истинно поэтическомъ мірѣ. Конечно въ то время и познаніе въ самомъ себѣ этого чувства было еще отъ меня скрыто; оно сдѣлалось для меня ясно уже въ послѣдствіи; довольно, что на тошъ разъ оно слишкомъ приводило въ движеніе мысли и мечты мои. Но никакъ не ожидалъ бы я такъ скоро изъ этого мечтательнаго міра, переселишься въ подобный ему сущевный.

Знакомецъ мой Вейландъ, будучи родомъ изъ Эльзаса, при своей скромной, трудолюбивой жизни, находилъ единственное развлеченіе въ посвещеніи время отъ времени родныхъ и друзей, живущихъ въ окрестностяхъ; нерѣдко оказывалъ онъ и мнѣ услуги при моихъ маленькихъ загородныхъ путешествіяхъ: иногда лично, иногда же рекомендабельными письмами знакоилъ меня съ жителями разныхъ окружныхъ мѣстечекъ. И онъ-то говорилъ мнѣ часто объ одномъ деревенскомъ пасторѣ, который, въ шести милехъ отъ

Штразбурга, по близости Друзенгейма, занималъ хорошей приходъ, и жилъ съ умною женою и двумя любезными дочерьми. Вейландъ не могъ нахвалиться гостепріимствомъ и пріятностію этого дома. Такихъ похвалъ было почти слишкомъ много, чтобы возбудить любопытство въ молодомъ рыцарѣ, который привыкъ проводить всѣ праздные дни и часы на конѣ и на свѣжемъ воздухѣ. Мы условились сдѣлать туда повздуку, причемъ пріятель мой долженъ былъ мнѣ обѣщать, что онъ не будетъ говорить обо мнѣ хозяевамъ ничего добраго, ни худаго; и вообще станеть обходиться со мною равнодушно; я вздумалъ даже одѣться, если не совсѣмъ худо, то по крайней мѣрѣ небрежно и бѣдно. Онъ согласился на то, ожидая и для себя не мадо отъ того забавы.

Очень простишельно значительнымъ людямъ скрываетъ иногда свои наружныя преимущества, чтобы нѣмъ сильнѣе и чище заставить дѣйствовать свою внутреннюю челоувѣческую нашуру. Потому-то инкогнито Государей и происходящія отъ того пріключенія имѣють особенную прелесть: являющіяся переодѣтыя высшія существа, которыми все доброе, какъ собственно ихъ лицамъ оказанное, должны вкушать съ сугубымъ удовольствіемъ, а непріятное могутъ или

принимать слегка или отклонять своею властью. Что Юлиеръ у Филемона и Бавкиды, Генрихъ V на охотѣ между своими поселянами, испинно наслаждались принятымъ инкогнипо, это весьма естественное и всякому нравится; но что молодому человеку безъ имени и безъ вѣсу, вздумалось доставить себѣ удовольствіе посредствомъ инкогнипо, это многимъ покажется неприличнымъ высокомѣремъ. Но какъ здѣсь дѣло не о томъ, похвалны или непохвалны намѣренія и пошутки, а какимъ образомъ они развиваются и сбываются; то на этошъ разъ просимъ юношѣ его прихотѣ, для собственной нашей забавы; просимъ шѣмъ болѣе, что съ самаго младенчества возбуждена была во мнѣ страсть переодѣваться моимъ отцемъ, человекомъ впрочемъ очень серьезнымъ.

Частію изъ своего изношеннаго, частію изъ занятаго у другихъ платья, составилъ я свой костюмъ, и причесалъ голову такъ, что если предсказывалъ изъ себя не совершеннаго уroda, то по крайней мѣрѣ самую смѣшную фигуру. Пріятель мой Вейландъ, смотря на меня, хохоталъ во всю дорогу, особливо, когда я, умѣя совершенно подражать такому рода чучеламъ, получившимъ прозванье Лашинскихъ рыцарей держалъ себя,

какъ они, на лошади своей. Прекрасное шоссе, превосходная погода и близость Рейна располагали насъ къ необыкновенной веселости. Въ Друзенгеймѣ мы остановились: онъ, чтобы почистить платье, а я, чтобы припомнить себѣ хорошенько свою роль, съ которой боялся сбиться. Здѣшняя страна имѣетъ характеръ вездѣ открытаго, равнаго Эльзаса. Мы ѣхали по луговой пропикѣ, вскорѣ достигли до Сесенгейма, оставили лошадей своихъ въ шпакширѣ, и пошли, какъ ни въ чемъ не бывали, къ паспортскому дому. — „Не смовири,“ сказалъ мнѣ Вейландъ, указывая издали на домъ: „что это похоже на спарую, дурную крестьянскую избу; внутри найдешь ты иное.“ Мы вошли во дворъ; съ перваго взгляду все мнѣ понравилось, потому что въ цѣломъ представилось взору моему именно то, что называютъ живописнымъ, и что такъ очаровательно казалось мнѣ въ Нидерландскихъ картинахъ. На всемъ замѣтно было всемогущее дѣйствіе времени, которое усиливается разрушать дѣла рукъ человеческихъ. Домъ и сарай и конюшня находились именно въ той степени разрушенія, когда, не рѣшаясь, починить ли, или совершенно передѣлать зданіе, первое упускають, не начиная впрочемъ.

Какъ въ деревнѣ, шакъ и на дворѣ, все было тихо и пусто. Мы нашли отца, небольшого роста, молчаливаго, однако привѣливаго человека, совершенно одного; все семейство его было въ полѣ. Онъ принялъ насъ ласково, предложилъ закуску, но мы отказались. Приятель мой пошелъ искать женщину, а я оспался съ хозяиномъ. — „Вы, можете быть, удивляетесь, “сказалъ онъ: „что въ богатой деревнѣ и при доходномъ мѣстѣ, я занимаю шакую дурную квартиру: это происходитъ отъ нерышительности. Уже давно и онъ прихожанъ и отъ высшихъ мѣстъ присуждено построить мнѣ новый домъ; много уже сдѣлано и плановъ; каждый обзудень, исправлень, дополнень, но ни одинъ не былъ ошвергнушь, и ни одинъ не приняшь. И это продолжается столько времени, что я перако все терпѣннѣ.“ — Считая приличнымъ поддержать въ немъ надежду и ободрить его, я отвѣчала, что ему надобно какъ можно усиленнѣ настаивать. Тутъ съ большею довѣрчивостію началъ онъ мнѣ описывать людей, отъ которыхъ это зависить, и хотя онъ не былъ силенъ въ описаніи характеровъ, однако я понялъ за чѣмъ спало дѣло. Искренность этого человека имѣла что-то особенное; онъ говорилъ со мною, какъ будто бы мы десятишь лѣтъ были

знакомы, и при всемъ томъ во взорѣ его не было ничего такого, изъ чего бы я могъ заключать, что онъ обращаетъ на меня вниманіе. Наконецъ вошелъ мой пріятель съ хозяйкою, которая посмотрѣла на меня со всемъ другими глазами. Она имѣла правильныя черты лица; въ нихъ замѣненъ былъ умъ, равно какъ и признаки большой красоты въ ея молодости. Высокій ростъ и худощавость, хотя и не чрезмѣрная, давали ей сзади видъ молодой, недурной собою женщины. Посомъ въбжала шоропиво старшая дочь; она спросила о Фридерикѣ, о которой спрашивали прежде другъ друга и отецъ съ матерью. Первый увѣрялъ, что не видалъ ея съ пѣтъ поръ, какъ онъ ушли все при вмѣстѣ. Дочь бросилась опять въ дверь искать своей сестры; мать принесла намъ закуску, а Вейландъ продолжалъ вести со стариками разговоръ объ извѣстныхъ имъ лицахъ со всемъ подробностями, какъ обыкновенно бываетъ, когда сходящія давно невидавшіеся знакомцы, осведомляющіяся о людяхъ своего круга и взаимно сообщаютъ о нихъ вѣсти. Между тѣмъ я слушала и соображала, что мнѣ объявляетъ это новое знакомство.

Старшая дочь опять въбжала запыхавшись и въ беспокойствѣ, что не нашла сестры своей. Это беспокойство перешло и

на мать; спали бранишь шу и другую дурную привычку; шолько отецъ былъ покоенъ. „Не заболѣешьшъ шакъ“ — сказалъ онъ: „прійдешь!“ Въ шо же мгновеніе вошла она дѣшпвишительно въ дверь; и въ самомъ дѣлѣ на эшомъ сельскомъ небѣ проглянула прелесшнѣйшая звѣзда. Обѣ сестры одѣшы были, какъ называюшъ, по Нѣмецки, и эша, пошши вовсе уже оставленная одежда, особенно была къ лицу Фридерикъ. — Бѣлая, круглая короткая юбка, не закрывавшая прелесшнѣйшихъ пожекъ; бѣлый же обшянушый корсетъ и черншй плаштинный передникъ — въ шакоемъ нарядѣ казалась она чѣмъ-шо среднимъ между поселанкою и горожанкою. Гибкая и легкая, какъ будшо ничего на себѣ не имѣя, она не шла, а порхала, и гущныя русыя косы, падая съ прелесшнѣйшей головы, казались даже слишкомъ тяжелыми для нѣжной шеи. Веселыми голубыми глазами осмашривалась она быстро, а маленькшй, вздернушый носикъ носился шакъ непринужденно по воздуху, какъ будшо въ свѣшѣ никакихъ заболѣш не бывало. И соломенная шляпка висѣла на рукѣ ея, шакъ что съ перваго раза, имѣла я удовольствіе увидѣшь ее во всей красошѣ и миловидношши.

Тутъ я началъ играть свою роль, но съ умѣренностшю, пополамъ со спыдомъ, упрекая себя, что вздумалъ шушпить шакими добрыми людьми. Наблюдая ихъ было мнѣ довольно времени, пошому, что и дѣвушкы стали продолжашъ пошѣ же разговоръ, съ быспрошою и шушливоспшою. Куча знакомыхъ и сосѣдей опять появились на сценѣ, и моему воображеншо предшавился шаккой рой дядушекъ, шешушекъ, племянниковъ, зяпей, золовокъ, кумовой и гостей, пршѣхавшихъ и уѣхавшихъ, что мнѣ мечталось, будшо я перенесся въ самый многолюднѣйшій мшрь. Каждый изъ членовъ семейсшва не оставилъ сказать мнѣ нѣсколко словъ; машъ посмашривала на меня всякой разъ, когда входила или уходила, но первая Фридерика вешупала со мною въ разговоръ, и когда я спашъ размашривашъ лежавшія на клавикурахъ ноты, спросила, играю ли я. На мой утвердшительный отвѣтъ, попросила она сыграть что-нибудь, но отецъ не допусштилъ меня, утверждая, что приличше напередъ позабавшть гостя какимъ-нибудь вальсомъ или пѣсенкою.

Она играла многое довольно бѣгло, въ шомъ родѣ, какъ обыкновенно играютъ въ деревняхъ, а пришомъ на шакыхъ клавикурахъ, которыя, какъ сказывали, школьный

учитель давно хотѣлъ построить, но все не успѣвалъ за недосугомъ. Наконецъ заставили ее спѣть какую-то помножстрасную пѣсенку; но это совсѣмъ не шло на ладъ. Она всмала и сказала, улыбаясь, или лучше съ веселоснію, неизмѣнною на лицѣ ея: „Если я худо пою, то это ужъ вина не клави-кордовъ и не учителя; но пойдемъ-ше пожа-луйша въ поле; тамъ услышите мои Эльзасскія и Швейцарскія пѣсенки: онѣ какъ-то лучше поюшя.“

И прежде вернула у меня на умъ одна мысль; за ужиномъ она совершенно овла-дела мною: я сидѣлъ нѣмъ и задумчивъ, не смотри на живость старшей сестры и на любезность младшей, которыя довольно ча-сто отвлекали меня отъ моихъ размышле-ній. Мнѣ представлялось, что я нахожусь въ кругу Вакефильдской фамилии, и удивленіе мое не имѣло никакой мѣры. Хотя правда, отецъ никакъ не могъ сравниться съ тѣмъ превосходнымъ человѣкомъ (и гдѣ найши ему подобнаго!), но за то въ хозяйкѣ видѣлъ я всѣ достоинства, какія тамъ представлены въ женѣ священника. Нельзя было смотрѣть на нее, не чувствуя вмѣстѣ и уваженія и какой-то боязни. Въ ней видны были свѣд-ствія хорошаго воспитанія; ея обращеніе

было покойно, свободно, весело и заман-чиво.

Хотя старшая дочь не была такъ пре-красна, какъ Оливія, но все таки имѣла она хорошій станъ, живость, даже пылкость характера; она была первою помощницею мащери, и ни что по хозяйству не укрыва-лось отъ ея дѣятельности. Поставишь Фри-дерика вмѣсто Примрзовой Софіи очень не шрудно; потому что о той ничего не ска-зано, кромѣ того, что она любезна: эта бы-ла любезна дѣйствительно. Одно и то же званіе, одни и тѣ же занятія, вездѣ, гдѣ бы они ни встрѣтились, производятъ подобныя, если не одинаковыя впечатлѣнія; такъ и шупъ: многое было сказано, многое случи-лось. что пошчасъ напоминало о Вакефиль-дѣ. Но когда вошелъ младшій сынъ, о кото-ромъ были мы предувѣдомлены, и котораго отецъ давно ожидалъ съ нетерпѣніемъ — когда онъ, мало обращая вниманія на гостей, сѣлъ безъ околичностей подлѣ насъ, я едва могъ удержаться отъ восклицанія: „какъ, Моисей, и ты здѣсь!“

За столомъ рассказывали разные забав-ныя происшествія, тамъ и самъ случив-шіяся, и это знакомило ближе съ хозяевами и со всѣмъ ихъ окружающимъ. Подлѣ меня сидѣла Фридерика; она воспользовалась слу-

чаемъ описать мнѣ разныя мѣста въ окрестностяхъ, которыхъ сподило видѣть. Между пѣть въ разговорахъ одно приключеніе напоминало о другомъ; невольно вмѣшался и я, и, за стаканомъ добраго деревенскаго вина, котораго не жалѣли хозяева, чуть было не заговорился и не позабылъ своей роли. Къ счастью, предусмотрительный пріятель мой въ пору догадался полюбоваться сіяніемъ луны и предложилъ прогулку, которая съ удовольствіемъ была принята. Онъ подавъ руку старшей дочери, я младшей; мы пошли по обширнымъ лугамъ, обращая болѣе вниманія на небо, нежели на землю, которая вокругъ насъ терялась въ сумракъ. Впрочемъ въ рѣчахъ Фридерики не было ничего луннаго; отъ ясности, съ какою она говорила, и ночь обращалась въ день; шептъ ничто не намѣкало о чувствахъ, ничто не возбуждало ихъ — все относилось только ко мнѣ: свое положеніе, окрестности, знакомыхъ своихъ, описывала она съ той стороны, какъ я долженъ узнать ихъ; „потому что, говорила она, всякой, кто бывалъ у насъ, охотно посѣщаль насъ послѣ опять, и вы, какъ я надѣюсь, не сдѣлаете исключенія изъ правила.“

Мнѣ было очень пріятно слушать въ молчаніи, какъ изображала она маленькій свѣтъ, въ которомъ протекла жизнь ея, и

людей, которыхъ болѣе она уважала. Этимъ дала она мнѣ ясное и восхитительное понятіе о своемъ положеніи — понятіе, которое страннымъ образомъ на меня подѣйствовало: я вдругъ почувствовалъ сильное огорченіе, что не зналъ ея рави, а при томъ самое мучительное чувство зависти ко всемъ, кто наслаждался счастьемъ быть въ близости ея. Какъ будто имѣя какое нибудь право, спалъ я спрашивалъ о мужчинахъ, которые упоминались въ разговорѣ, все равно, подѣ именемъ ли сосѣда, свояка или кума, и даже извѣлялъ иногда свои догадки; но могъ ли я что нибудь открытъ, въ совершенной неизвѣстности всѣхъ отношеній? Она спавилась безпрестанно говорливѣе, а я шиле. Мнѣ слушалось какъ-то отменно хорошо: не видя лица ея, какъ и всѣхъ окружающихъ предметовъ, перявнившихся въ сумракъ, а слыша только ея голосъ, я воображалъ, будто сполрю въ ея душу, которой чистота изумляла меня, потому что изливалась въ совершенно непринужденной болтливости.

Когда я пріиель съ товарищемъ въ отведенную для насъ горенку, онъ потчасъ съ большимъ самодовольствіемъ началъ надо мною подшучивать, видя, что я пораженъ сходствомъ семейства хозяевъ нашихъ съ Примрзовымъ. Я приспалъ къ его шушкамъ

благодаря его искренно за знакомство. „Въ самомъ дѣлѣ!“ воскликнулъ онъ: „вся сказка сбывается у насъ на дѣлѣ! Это семейство во всемъ похоже на Вакефильдское, а эпошъ переодѣтый господчикъ можешь присвоить себѣ честь походить на господина Борчеза; я же — намъ въ житейскомъ быту не такъ нужны злодѣи, какъ въ Романахъ — такъ пусть буду я на эпошъ разъ племянникомъ, только спану весни себя порядочнѣе.“ Какъ ни пріятенъ былъ для меня эпошъ разговоръ, но я прекратилъ его, попросивъ прежде всего Вейланда сказать мнѣ по совѣсти, почто ли онъ не измѣнилъ мнѣ. Онъ клялся, что нѣтъ, и я могъ повѣрить ему. „Напротивъ,“ сказалъ онъ: „меня еще спрашивали, не ты ли пошъ смѣшной поварищъ, кошорый обѣдаешь со мною въ одномъ пансіонѣ, и о кошоромъ насаказали имъ много чудесъ.“ Тутъ спалъ я спрашивать: любила ли она? не любитъ ли шеперь? не помолвлена ли? На все отвѣчалъ онъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!— „Удивительно!“ возразилъ я: „такое веселое расположение духа ошъ природы для меня непоняшно. Если бѣ она любила и разлюбила, или если бѣ шеперь была невѣсткою — тогда другое дѣло: я не спалъ бы удивляясь.“

Такъ разговаривали мы до глубокой ночи, и за всеи пѣль проснулся я на разсвѣтѣ. Желаніе увидѣть ее опять, казалось непреодолимо, но начавъ одѣваться, я ужаснулся проклятаго гардероба, кошорый имѣлъ дерзость для себя выискать. Съ каждою новою частью одежды, казался я гаже въ собственныхъ глазахъ своихъ. Съ волосами могъ бы еще я кое-какъ сладить, но когда наконецъ всунулъ руки свои въ испасканный сѣрый кафшанъ, кошораго корошкіе рукава довершали безвкусіе моего наряда, и когда въ маленькомъ зеркалѣ посмошрѣлъ на себя по часнямъ, и каждая часшица самаго себя показала мнѣ смѣшнѣе другой, шопалъ уже я въ совершенное отчаяніе.

Между пѣль, какъ я наряжался, проснулся Вейландъ и, высунувъ голову изъ подъ шелковаго вапнаго одѣяла, посмашривалъ на меня съ самодовольшвемъ чистой совѣсти и съ чувствомъ радосной надежды на нашупающую день. Я уже давно завидовалъ прекрасному его плашью, висѣвшему на спулѣ, и если бѣ мы были одного роста, шопушались бы его непременно, переодѣлся бы за дверями, и оставивъ ему свою хаамиду, убѣжалъ бы въ садъ; онъ не послѣсивился бы нарядиться въ мое плашье, и еще по ушру, кончилось бы все смѣшнымъ и забавнымъ

образомъ. Однако о томъ нельзя было и подумать; никто изъ домашнихъ также не могъ пособить моему горю. И шакъ мнѣ должно было явиться передъ Фридерикою подъ видомъ, хотя прилежнаго и знакощаго, но бѣднаго студіозуса Богословія, за какого вѣроятно выдалъ меня мой пріятель — передъ Фридерикою, которая наканунѣ вечеромъ говорила мнѣ шакъ по душѣ — нѣтъ, это невозможно! Въ досадѣ и въ размышленіи, сподобъ я и думалъ употребить всю силу творческаго своего дара, чтобы чѣмъ нибудь отвратить бѣду; но и даръ мой меня оставилъ. Наконецъ, когда распянувшійся въ полной нѣтѣ на постелѣ Вейландъ, смотря на меня пристально, вдругъ захохоталъ и воскликнулъ: „ну, въ самомъ дѣлѣ! ты въ этомъ уборѣ настоящее чудело!“ — я возражалъ сгоряча: „знаю, что сдѣлаю, прощай, извини меня передъ хозяевами.“ — „Чѣшты? съ ума сошелъ?“ вскричалъ онъ, и вскочивъ съ постели, хотѣлъ удержатъ меня. Но я уже былъ за дверями, сбѣжалъ съ лѣспницы, изъ дому, со двора и въ пракири. Въ нигъ лошадь моя была осѣлана, и я поскакалъ, какъ неистовый, въ Друзенгеймъ, помошь дальѣ и дальѣ.

Считая себя наконецъ въ безопасности, добѣхалъ я медсаннѣ, и шущъ почувствовалъ,

какъ неохотно удаляюсь. Но предавъ себя судьбѣ своей, припоминалъ я съ большимъ спокойствіемъ духа вчерашнюю прогулку, и лишился крошкою надеждою опять увидѣть Фридерiku. Вскорѣ это смиренное чувство обратилось опять въ неперпнѣе, и я рѣшился повхатъ скорѣе въ городъ, переодѣться и взять хорошую свѣжую лошадь. Возродившаяся во мнѣ спрассъ уже рисовала мнѣ, какъ возвращусь я къ обѣду, или, что было вѣроятнѣе, послѣ обѣда, или къ вечеру, и буду просить о прощеніи.

Уже хотѣлъ я прищпорить лошадь, чтобы привести въ исполненіе планъ свой, какъ вдругъ мелькнула во мнѣ другая мысль гораздо, какъ мнѣ казалось, счастливѣйшая. Еще наканунѣ замѣнилъ я въ Друзенгеймскомъ пракири, очень опрятно одѣтаго хозяйскаго сына, который и сегодня, работая что-то на дворѣ своемъ, привѣщливо мнѣ поклонился. Онъ былъ совершенно моего роста и спана, и мелькомъ напомнилъ мнѣ о самомъ себѣ. Вздумано, сдѣлаю! Поворопивъ лошадь, черезъ нѣсколько минутъ очутился я въ Друзенгеймѣ, и шущъ сдѣлалъ молодому хозяину предложеніе въ корошкихъ словахъ: чшобъ онъ ошдалъ мнѣ свое плашь для шущки, которую намѣрель я сыграть въ Сесенгеймѣ. Едва успѣлъ я договорить,

как онъ съ радостію согласился и похвалилъ меня, что я хочу позабавить паспортскихъ дочерей, которыя, какъ онъ говорилъ, очень добры и милы, а особливо мамзель Фридерика; да и спарики любящъ, чтобъ у нихъ, было весело: Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ вниманіемъ, и какъ по плащю долженъ былъ счесть меня за самаго жалкаго бѣдняка, то сказалъ: „если вы хопише шамъ понравишься, шакъ лучше нельзя было выдумашъ.“ Между шѣмъ я спалъ уже переодѣвшись въ его праздничное плащье, котораго, по настоящему, нельзя было бы дашъ за мое дражное; однако онъ былъ очень добродушенъ, а припомъ и лошадъ моя, вмѣсто залога, оспавалася у него въ конюшнѣ. Вскорѣ принарядился я совсѣмъ, вспрыгнулъ самъ опъ радости, и приятель мой, хозяйскій сынъ, казалось, не безъ удовольствія смотрѣлъ на свое подобіе. — „Послушай, баринъ,“ сказалъ онъ, подавая мнѣ руку, по которой я хлопнулъ своею: „не приходи шамъ близко къ служанкѣ, а шо она, пожалуй, ошибкой примешъ за меня!“

Волосы свои пригладилъ я почти шакъ, какъ было у него, а потомъ, смотря на него безпрестанно, вздумалъ я поддѣлать себѣ и брови на манеръ его же. Жженая пробка помогала мнѣ сдѣлать ихъ погуще и све-

спи въ серединѣ. „Нѣшь ли у васъ, сказала я наконецъ, какой нибудь нужды къ пастору, чтобъ мнѣ было зачѣмъ прійти къ нему?“ — „Хорошо“ отвѣчалъ онъ: — „шолько надобно часа два подождать. У насъ есть родильница; я вызовусь ошнесши пирогъ къ пасторшѣ — тогда вы можете вмѣсто меня исправить эшо.“ И гордость, говоришь пословица, на нужду сдается; стало бытъ шушка и подавно. Я рѣшился дожидаться, но эши два часа показались мнѣ безконечными, и я разрывался опъ неперпнія, когда и прешій прошель, а пирогъ все еще не былъ вынуть изъ печи. Наконецъ мнѣ ошдали его шолько что съ пылу; я взялъ свой кредитивъ и опправился въ пушь. Солнце свѣшило ярко; хозяйскій сынъ, мое подобіе, проводилъ меня нѣсколько, и вызывался было принести мнѣ вечеромъ мое плащье, но я поспѣшилъ опклонишь эшо, сказавъ, что самъ явлюсь къ нему.

Не далеко прошель я съ пирогомъ своимъ, завернутымъ въ чисную салфешку, какъ увидѣлъ издали приятеля Вейланда, который съ обѣими дѣвушками шель ко мнѣ на встрѣчу. Сердце мое зашрепешало, что совсѣмъ не годилось въ моихъ обшпашельсшвахъ. Я оспановился, собрался съ духомъ и сталъ разеуждаться, что мнѣ дѣлать. И

пушь только увидалъ я, что мѣстоположеніе было мнѣ очень благопріятно: они шли по другую сторону ручья, который разделялъ двѣ прошинки, не совсѣмъ по одному направленію ведущія. Когда мы поравнялись, Фридерика, давно уже на меня смотрѣвшая, закричала черезъ ручей: „Георгъ! что ты не сешь?“ Я снялъ потчасъ шляпу и держалъ ее передъ лицомъ, а между тѣмъ поднималъ вверхъ свой узелъ.— „Родильничный пирогъ!“ закричала она тогда: „Здорова ли сестра?“ — „Здорова!“ — отвѣчалъ я, стараясь произносить, если не по Эльзаски, то по крайней мѣрѣ чужимъ голосомъ.— „Неси же,“ сказала старшая: — „и если ты не найдешь машушки, такъ опдай дѣвкѣ; да подожди насъ, мы сей часъ прійдемъ — слышишь ли?“ Я пошелъ впередъ съ радостнымъ чувствомъ, что когда удалось начало, то и все пойдетъ хорошо. Вскорѣ пришелъ я къ пасторскому дому, и не нашелъ никого дома ни на дворѣ, ни въ кухнѣ. Самого пастора, котораго считалъ занятымъ въ его кабинетѣ, не хотѣлъ я превозмочь. И такъ съѣлъ я на скамейкѣ передъ дверями, съ пирогомъ подлѣ себя, и нахлобучивъ на глаза свою шляпу.

Не помню, чтобы когда нибудь имѣлъ я пріятнѣйшія чувства. Сидѣвъ здѣсь, у порога, черезъ котораго не давно пере-

скочилъ въ опчаяніи; наслаждался мыслию, что видѣлъ ее, и слышалъ прелестный голосокъ ея, послѣ того, какъ недавно еще, въ жестокой досадѣ, представлялъ себѣ долгу разлуку; ожидаешь съ каждымъ мгновениемъ ея самой, и открытія, отъ котораго пренемало мое сердце, но которое не могло присыдѣть меня; и при всемъ томъ, казалъ забавная шутка — забавнѣе всѣхъ, какія вчера доставляли удовольствіе! Правда, что любовь и нужда самые лучшіе учителя; они здѣсь дѣйствовали вмѣстѣ, и ученикъ не остался ихъ недоспойнымъ.

Тутъ вышла изъ сарая служанка. „Ну что“ — закричала она — „удались ли пироги? А какова сестра?“ — „Все ладно!“ — отвѣчалъ я, не смотря на нее. Она взяла узелъ и проворчала: „что съ тобой опять сего дня? Вѣрно Варинька на другихъ заглядываетъ. Мы невиноваты. Славная будешь у васъ свадьба, когда все такъ пойдетъ!“ — Она говорила довольно громко; Паспюръ, услышавъ, подошелъ къ окну и спросилъ: что такое? Она указала на меня; я вспалъ и повернулся къ нему, держа однако все предъ лицомъ свою шляпу. Онъ сказалъ мнѣ что-то привѣтливое, и велѣлъ мнѣ отпаться; я пошелъ въ садъ и только хотѣлъ труда войти, какъ закричала на меня хозяй-

ка, пришедшая съ улицы. Солнце свѣсило мнѣ прямо въ глаза, и я могъ упошребить опять прежнее средство: не опнимая осьь глазъ шляпы, шаркнувъ ей вмѣсто поклона. Сказавъ, чшобъ я не уходилъ, не повѣши чего нибудь, она вошла въ домъ, а я поворошилъ опять въ садъ. Все до сихъ поръ шло какъ нельзя лучше, но у меня замирало дыханіе при мысли, чшо молодые люди скоро прійдутъ. Тушь вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подошла ко мнѣ мать и хопила чшо-то сказать, какъ посмотрѣвъ мнѣ въ лице, кошорого не могъ уже я закрытьъ, она оставилась, и слова на языкъ замерам. — „Я искала Георга“ — сказала она помолчавъ — „и кого нахожу? Такъ это вы, сударь? Сколько же лицъ вы на себя принимаете!“ — „На дѣлъ одно: „возразилъ я“ а въ шушкахъ, сколько угодно. — „А! шушкамъ мѣшашъ я не хочу!“ — отвѣчала она, улыбаясь. „Подите же на шощъ лугъ, чшо позади сада, и ждите шамъ, пока ударитъ полдень. Тогда приходите къ обѣду, и я ужъ буду знать, какъ ввести васъ.“ Я пошелъ; но лишь пробрался за заборы, у кошорыхъ начинается лугъ, какъ нѣсколько крестьянъ, шедшихъ по шропинкѣ мнѣ на встрѣчу, испугали меня. Я поворошилъ шощчасъ въ рошщу, кошороая возвышалась не вдалькѣ надъ холмомъ, чшобы

шамъ укрывъся до назначеннаго времени. Но какое странное чувство обьяло меня, когда я вошелъ шуда: мнѣ представилось очень чистое мѣсто, уставленное скамьями, и осьь каждой, превосходнѣйшій видъ въ ошдаленность. Съ одной стороны вся деревня и посреди нея церковь; шамъ Друзенгеймъ съ льсисными позади его оспровами на Рейнъ; здѣсь опять Вогезскія горы, и наконецъ Спразбургская колокольня. Эши различныя прелестнѣйшія картины заключались въ рамкахъ изъ куспарника: ничшо не могло сравниться съ шакою пріятностію мѣстоположенія. Я сѣлъ на одну скамью, и замѣшилъ на самомъ толстомъ деревѣ, маленькую, продолговатую доску съ надписью: „Friedrikens Ruhe (успокоеніе Фридрики). Мнѣ совсѣмъ не приходило на мысль, чшобъ я своимъ присутствіемъ могъ нарушить это успокоеніе: возраждающаяся спрассъ имѣешь шу прелестъ, чшо не зная въ себѣ начала ея, не помышляешь и о концѣ, и когда все представляется глазамъ и душѣ въ радостномъ видѣ, тогда не приходишь на умъ, чшобъ осьь нее могли раждашья и бѣды.

Едва имѣлъ я время осомтрѣться и шолько лишь погрузился въ сладостныя мечпанія, какъ услышала, чшо кто-шо идетъ: это была Фридрика. — „Георгъ, чшо шы

шупъ дѣлаешь?" закричала она еще изда-
 ка. — „Не Георгъ!“ — отвѣчала я, побѣ-
 жавъ къ ней на встрѣчу: „но шопъ, кто
 долженъ просить тысячу разъ извиненія.“
 Она посмопрѣла на меня въ изумленіи, но
 вскорѣ опомнилася, и вбирая въ себя сильно
 дыханіе, сказала: „Несносный человекъ! какъ
 вы меня испугали!“ — „Первая маска довела
 меня до другой!“ вскричалъ я: „та была бы
 непростишительна, если бы я хоть сколько ни-
 будь зналъ, къ кому я иду; эту вы вѣроятно
 мнѣ простите, пошому что она предша-
 вляетъ подобіе людей, которыхъ вы шакъ
 ласкаете.“ — Ея блѣдноватая щеки по-
 крылись прелестнѣйшимъ румянцемъ. „Ну —
 сказала она! — „хуже чѣмъ Георгу, вамъ ко-
 нечно не будешь. Однако садѣмъ ше. Призна-
 юсь, что я и теперь еще дрожу отъ испу-
 га.“ — Я съѣлъ подлѣ нея въ большомъ ду-
 шевномъ движеніи. — „Обо всемъ,“ продолжа-
 ла она: „что было до сегодняшняго утра,
 мы знаемъ отъ вашего друга; прошу же мнѣ
 расказать, что было дальше.“ — Я не за-
 ставилъ ее повторить, и началъ описывать
 свое отращеніе отъ вчерашняго костюма и
 свой побѣгъ изъ дому шакъ забавно, что она
 отъ души смѣялася; пошомъ расказалъ я,
 что было далѣе, хопя довольно скромнымъ,
 но вмѣстѣ и страспнымъ шомомъ, шакъ

что это могло итти за любовное объясне-
 ніе въ исторической формѣ. Наконецъ, выра-
 жая удовольствіе новаго свиданія съ нею,
 напечатлѣлъ я поцѣлуй на рукѣ ея, кош-
 рую она оставила въ моей. Если вчера ве-
 черомъ она одна шрудилася въ разговорѣ, шо
 сегодня я съ избыткомъ заплатилъ за шо
 съ своей стороны. Радость видѣть ее опять,
 возможность все говорить ей, отъ чего на-
 канунъ я удерживался, были шакъ заманчи-
 вы, что я, въ пылу рѣчей своихъ, не замѣ-
 нилъ, какъ она спала задумчива и молчали-
 ва. Нѣсколько разъ вдыхала она сильно въ
 себя воздухъ, нѣсколько разъ просилъ я о
 яшнѣ прощенія, что шакъ испугалъ ее. Какъ
 долго мы шупъ просидѣли, не знаю; но
 вдругъ послышалася зовъ: „Фридерика! Фриде-
 рика!“ Это была голосъ сестры. — „Вотъ
 будешь славная исторія!“ сказала милая дѣ-
 вушка, принявъ на себя опять прежній ве-
 селый видъ. „Она идетъ съ моей стороны,“
 примолвила она, нагнувшись шакъ, чтобы
 меня въ половицу спрятать: „отворшитесь;
 пусть не вдругъ васъ узнаетъ.“ Сестра взо-
 шла на холмъ, но не одна. Вейландъ былъ
 съ нею, и оба, какъ скоро насъ увидѣли,
 остановились, какъ прикованные.

Когда мы вдругъ увидимъ изъ подъ мир-
 ной кровли всплывшее пламя, или когда

внезапно вспрышим чудовище, которого видь столь же отвратительный, как и ужасенъ — мы все еще не столько обомлѣемъ отъ страха, какъ если когда представился неожиданно глазамъ нашимъ что нибудь такое, что почитали мы нравственно невозможнымъ. — „Что это?“ вскричала сестра Фридерика въ испугъ: „что это? ты съ Георгомъ! — рука въ руку! какъ понимать это?“ — „Милая сестра!“ возразила Фридерика съ жалобнымъ видомъ: „бѣдненькій! просишь у меня прощенья; онъ будетъ и у тебя просить, но ты должна простить его напередъ.“ — „Ничего не знаю и не понимаю!“ сказала сестра, качая головою и поглядывая на Вейланда, который, по своему обыкновенію, стоялъ очень покойно и молча, смотрѣлъ на эту сцену. Фридерика вспала и потащила меня за собою: „Не робей!“ — вскричала она: „проси прощенья, и дашся вамъ.“ — „Такъ“ — сказалъ я, подойдя довольно близко къ старшей сестрѣ: „я долженъ просить прощенья!“ — Она отскочила, вскричала, и — по краснѣла, по опять бѣднѣла. Потомъ бросилась на правую, захохотала изо всей силы и, поднимая бока, не могла перестать. Вейландъ улыбался съ довольнымъ видомъ, взялъ меня за руку, и попросиши ее, сказалъ: „ты, братъ, славный

малый!“ Обыкновенно былъ онъ не щедръ на ласкательства; но его пожатіе руки имѣло что-то сердечное, что-то живое, хотя онъ и на это былъ очень бережливъ.

Успокоясь немного и собравшись съ духомъ, пошли мы въ деревню. Дорогой рассказали мнѣ, какъ случилось, что всѣ сошлись на одномъ мѣстѣ. Прежде всего описала отъ другихъ Фридерика, чтобы на любимомъ своемъ мѣстѣ посидѣть сколько нибудь еще передъ обѣдомъ. Когда же сестра ея пришла съ Вейландомъ домой, то мать послала ихъ искать Фридерiku и скорѣе привесни ее къ обѣду.

Старшая сестра хохотала безъ умолку, и узнавъ, что тайна известна въ домъ только одной матери, закричала: „Теперь надобно провести еще бабюшку, брата, рабочника и служанку!“ Когда подошли мы къ садовому забору, то Фридерика и Вейландъ посланы были впередъ. Дѣвка работала что-то въ огородѣ. Оливія (пусть и здѣсь такъ называется старшая сестра) закричала ей: „Подожди, я тебѣ кое-что скажу!“ Меня оставила она у забора, и пошла къ служанкѣ. Я видѣлъ, что онѣ пресерьіозно разговаривали. Оливія говорила ей, что Георгъ разсорился съ Варинькой и, кажется, готовъ жениться на ней. Это очень повра-

видось дѣвкѣ. Туть позвали меня, и я долженъ былъ подтвердити сказанное. Пригожая деревенская нимфа пошупила глаза и оспалась шакъ, пока я не подошелъ къ ней совсѣмъ. Вдругъ, увидѣвъ передъ собою чужое лице, она шакже громко закричала и побѣжала прочь. Оливія велѣла мнѣ догнать ее и удержашъ, чшобъ она не сдѣлала въ домѣ шревоги прежде времени; а сама хопѣла ишши посмошрѣшь, чшо дѣлаешъ ошець. Дорогой, встрѣшила Оливія работника, который былъ очень привязанъ къ служанкѣ. „Подумай-ка!“ закричала Оливія: „какое счастье! вѣдь у Георга совсѣмъ распроилась свадьба съ Варинькой, и онъ женился на Лизѣ.“ — „Я давно эшо говорилъ!“ — ошвѣчала добрякъ съ пасмурнымъ видомъ.

Между шѣмъ я догналъ дѣвку, остано-вилъ ее и увѣрилъ, чшо дѣло шолько въ шомъ, чшобъ обманушь самого хозяина. Мы пошли вмѣстѣ прямо на работника, но онъ отвернулся и хопѣлъ ишши прочь. Лиза вопрошила его однако, и когда онъ былъ разочарованъ, шо спранными гримасами немало повеселилъ насъ. Мы пошли въ комнаты. Спошь былъ уже накрытъ, и Паспоръ ожидалъ насъ. Оливія, которая велѣла мнѣ прятаться за собою, пересшунивъ черезъ порогъ, сказала: „башюшка, вѣдь шы позволишь,

чшобъ Георгъ съ нами обѣдалъ? Только позволь и шо, чшобъ онъ не скидалъ шляпы.“ — „По мнѣ пожалуй!“ — ошвѣчала спарикъ: „Но къ чему жъ эшо? развѣ онъ ушибся?“ — Она вывела меня впередъ, какъ я споэль, со шляпою на голову. „Ншь!“ — сказала она, ведя меня черезъ горницу: „но у него подъ шляпой сидятъ пшички, онъ боишся, чшобъ онъ не вылепѣли и не надѣлали проказъ, пошому чшо эши пшички очень дики.“ Ошець принялъ эшу шушку за шушку, не зная впрочемъ, чшобъ бы шакое шушь разумѣлось. Вдругъ снимаешъ она съ меня шляпу, шаркаешъ ногами передъ ошцемъ, и засшавляетъ меня шо же дѣлаешъ. Спарикъ посмошрѣлъ на меня, и узналъ, но не измѣнилъ своего важнаго вида: „Эй! эй! господинъ кандидатъ!“ вскричалъ онъ, грозя мнѣ пальцемъ: „какъ же вы увершливы? Вдругъ, въ одну ночь, потерялъ я помощника, который вчера съ шакимъ усердіемъ бразя читашъ иногда за меня проповѣди.“ Туть похопшаль онъ ошъ души, поздоровался со мною, и мы съли за спошь. Моисей пришелъ уже гораздо позже: какъ избалованное дитяшко, онъ обыкновенно пропускалъ мимо ушей, когда звонили къ обѣду. Кромѣ шого, онъ обращаль очень мало вниманія на гостей, даже и шогда, когда имъ противорѣчилъ. Чшобъ

лучше обманушь его, посадили меня, не между сеспрами, а на краю сполы, гдѣ иногда саживали Георга. Онъ вошелъ въ дверь, у меня за спиною, и подоиди ко мнѣ, ударилъ меня крѣпко по плечу, воскликнувъ: „Хлѣбъ да соль, Георгъ!“ — „Спасибо!“ отвѣчалъ я. — Чужой голосъ и чужое лице испугали его. — „Что скажешь?“ — „Да“ — возразилъ Моисей, скоро собравшійся съ духомъ: „сади, какъ и на всѣхъ людей.“ Онъ больше на меня и не смотрѣлъ, а спалъ прилежно догоняя насъ, убирая пропущенныя имъ кусанья. Пошомъ вздумалось ему и вспашъ, чшобы прибрать кое-что въ саду или на дворѣ. Къ концу обѣда, явился и настоящій Георгъ, и шѣмъ обществу приобрѣло еще болѣе живосши. Хощли возбудить въ немъ ревность, и браили его, что онъ во мнѣ сдѣлалъ для себя опаснаго соперника. Однако онъ былъ довольно скромень и уверпливъ, и наконецъ своими низко-сладкими оспрошами перепушалъ шакъ и себя, и невѣстну, и свое подобіе, и обвихъ дочерей Пастора, что уже нельзя было разобрать, о комъ идельъ рѣчь, и рады были, когда онъ замолкъ, усѣвшисъ за кускомъ своего же пирога и спяканомъ вина.

Послѣ обѣда, вздумали было прогуляшьяся; но мнѣ, въ моемъ мужицкомъ нарядѣ, не годилось итши съ ними. Еще по упру, когда узнали женщины, кто и зачѣмъ шакъ поспѣшно убрался изъ дому; вспомнили, что у нихъ въ шкапу виситъ прекрасная бекешъ одного родственника, который, бывая здѣсь, надввалъ ее на охоту. Мнѣ предложили ее, однако я отклонилъ это, по наружности, разными шупочными предлогами, но внутренно изъ шщеславія, чшобы лицемъ родственника не разрушилъ хорошаго впечатлѣнія, какое произвелъ я подъ видомъ крестьянина. Между шѣмъ оиецъ пошелъ къ себѣ отдохнушь, а мать занялась, какъ и всегда, хозяйствомъ. Тушь пріѣшелъ мой преддожилъ, чшобы заспавили меня что нибудь расказашъ: на это я шотчасъ согласился. Мы отправились въ садъ и расположились въ бесѣдкѣ, довольно просторной. Я началъ расказывать сказку, которую послѣ написалъ, подъ названіемъ *Новой Мелизины*. Она въ шакомъ же отношеніи къ *Новому Парису*, какъ бы юноша къ мальчику, и я бы помѣстилъ ее здѣсь, если бы не боялся чудесною игрою фантазіи испорчить окружающую насъ здѣсь простоту и привлекательность деревенскаго быта. Довольно шого, что мнѣ удалось приобрѣсти награду, общую изо-

брѣшателямъ и раскащикамъ такихъ произведеній, по есть, возбудить любопытство, оковать внимательность, подспрекнуть къ преждевременнымъ опгядкамъ непроницаемыхъ сокровенностей, непрерывно новыми и сугубыми спранностями запушашъ воображеніе въ лабиринтъ необыкновеннаго, возбудить участіе, соспраданіе и ужась, и наконецъ, посредствомъ превращенія всего, обманчиво важнаго, въ замысловатую и веселую шутку, успокоить умы, дашь воображенію пишу къ новымъ карпинамъ, а разуму къ дальнѣйшему размышленію.

Если кто нибудь со временемъ будешъ чипашъ эту сказку въ печаши, и усумнишся, можешъ ли она произвешти такое дѣйствіе; по пусть подумаешъ, что человекъ дѣйствуешъ только въ настоящемъ. Писашъ есть иногда злоупотребленіе языка, чипашъ про себя — жалкая замѣна рѣчи. Человекъ производить въ человекѣ все, къ чему онъ способенъ своею личностію, наиболѣе юноша въ юношахъ, и здѣсь-то рождаются чистѣйшія впечатлѣнія. Ими-то оживляешся свѣтъ, и вша жизненность поддерживаешся ими нравственно и физически. Отъ отца наследовашъ я нѣкотораго рода поучительную говорливостъ, отъ матери — даръ, все, что можешъ произвешти и обнять воображеніе,

излагашъ весело и сильно, обновляшъ извѣстныя сказки, другія выдумывашъ и расказывашъ, избрѣшашъ даже и во время расказа. Опцовскимъ приданымъ надобдалъ я часто обществу: кому пріятно слушаешъ мнѣнія и шолки другаго, а особливо юноши, котораго сужденіе, при недоспащочной опытности, всегда кажешся неосновательнымъ! Машъ моя, напрошивъ, образовала меня собственно для общественаго круга. И пушѣйшая сказка имѣешъ большую прелестъ для воображенія, и малѣйшая основа цѣлаго принимаешся разумомъ съ благодарностію.

Такими расказами, которыя мнѣ ничего не споили, пріобрѣшашъ я привязанностъ къ себѣ дѣшей, подспрекалъ и забавлялъ юностъ, и обращалъ на себя вниманіе даже пожилыхъ людей. Рано долженъ былъ я прекратишъ такія упражненія въ обществѣ, и приноравливаешся къ его пону, а чрезъ это потерялъ много и жизненнаго наслажденія и свободнаго развитія въ умѣ. Однако оба сіи дара, полученные отъ родителей, въ соединеніи съ шрешьимъ — выражашся фигурно и сравненіями, не покидали меня во все печеніе моея жизни. По симъ-то свойствамъ, которыя узаны во мнѣ были ученымъ и умнымъ Докшоромъ Галломъ посредствомъ его мешоды, утверждадалъ онъ, что я рождень соб-

ственно быть народнымъ ораторомъ. Это ошкрпше очень меня испугало, потому, что если оно было основательно, то въ моемъ опечестивъ, гдѣ лишь нужды въ ораторахъ, все прочее, что бы я ни предпринялъ, было бы, къ сожалѣнію, неудачнымъ, напраснымъ трудомъ.

Съ Нѣм. Вл.

II. НОВАЯ ИСТОРИЯ.

ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

11 Декабря 1790 года.

(Отрывокъ изъ Новой Биографіи Суворова. (*))

Крѣпость Измаиль, лежащая на лѣвомъ берегу Дуная, имѣла въ окружности около десяти верстъ, включая и Молдавское предмѣстіе, находившееся внутри укрѣпленій. Встарину, была она окружена просію каменною стѣною, построенною еще Генуэзцами; но со времени послѣдней войны, по важности своего положенія, была она вновь укрѣплена Европейскими Инженерами. Земляные валы ея, имѣвшіе въ вышину отъ 3

(* Сочиняемой на Нѣмецкомъ языкѣ Г. Смиломъ.

до 4 сажень, являлись еще выше по глубинѣ рововъ, простиравшейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 сажень; впрочемъ она не имѣла внѣшнихъ пристроекъ и покрываго пупи. Валы отъ города поднимался на 40 фуновъ крушой каменный каваліеръ, занятый 22 пушками, и заключавшій въ себѣ до тысячи человекъ. Со стороны рѣки, городъ защищаемъ былъ каменнымъ бастіономъ, имѣвшимъ нѣснѣный входъ и полсныя стѣны, и нѣсколькими башарями.

Ся крѣпость, называвшаяся у Турокъ Ордукалеси, т. е. войсковою крѣпостью, служила имъ средоточіемъ для перехода чрезъ Дунай, и для военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу сей рѣки. Число войска, находившагося въ оной, мало по малу значительно увеличилось прибытіемъ гарнизоновъ всѣхъ взятыхъ Русскими крѣпостей, Хотина, Бендеръ, Акермана, Кишиня и пр.: сіи войска посланы были шуда въ наказаніе. Султанъ запрешилъ, подъ опасеніемъ сильнѣйшаго гнѣва его, сдавать Измаиль: объявлено было фирманомъ, что, въ случаѣ потери сей крѣпости, каждый воинъ, бывшій въ ней, будетъ подлежать, гдѣ бы онъ въ послѣдствіи ни нашелся, неминуемой смершной казни.

Главное въ оной начальство было поручено храброму Сераскиру Аудузлу-Пашѣ, по-

сдѣвшему съ честью во браняхъ. Дважды предлагали ему званіе Великаго Визиря, и дважды онъ опклонялъ сію почестъ. При немъ находился неустрашимый Капланъ-Гирей, братель Крымскаго Хана, прославившійся храбростію въ прежнемъ походѣ. Шестеро сыновей сопровождали отца, горя непереносимой сравниться съ нимъ доблестію. Сверхъ того были въ крѣпости многіе шрехъ и двухъ-бунчужные Паши, воины, оплачившіеся опытностію и мужествомъ въ прежнихъ битвахъ. 38,000 человекъ (въ томъ числѣ 19,000 Янычаръ и 8000 Спаговъ) составляли гарнизонъ. Всѣ они были воины отборные, испытанные. Крѣпость была снабжена военными и съѣсными припасами на долгое время.

Взятіе сего мѣста, защищаемаго многочисленнымъ воинствомъ, подъ начальствомъ храбрыхъ Полководцевъ, представляло не легкую задачу. Прежнія попытки Россіянъ были безуспѣшны. Войска безъ пользы, въ теченіе чешырехъ недѣль, обледали крѣпость. Наснутила глубокая осень: погода и грязь сдѣлались несносными. Послѣдній поискъ 20 Ноября, былъ неудаченъ, и определено было снять осаду. Уже многіе полки оставили осадную армію; часть войска посажена была на суда. Вдругъ привѣяетъ гонецъ — видишь

радость Турокъ, уныніе Русскихъ. Именемъ Князя Пошемкина объявляетъ онъ, что главное начальство надъ осаднымъ корпусомъ предъ Измаиломъ поручено Суворову. Сердца всѣхъ отверзались радости и надеждѣ.

Пошемкинъ коротко писалъ Суворову: „Возьмите Измаилъ, во что бы то ни стало.“

Суворовъ повиновался безпрекословно, хотя и сомнѣвался, можно ли что либо сдѣлать въ такое позднее время года. Онъ немедленно призвалъ войска изъ Галацъ, и отправившимся изъ подъ Измаила полкамъ послалъ повелѣніе возвратиться, бросился на коня, и въ сопровожденіи немногихъ Казаковъ, поспѣшилъ къ осаждаемой крѣпости.

2го Декабря привѣяли въ Русскомъ лагерь двухъ всадниковъ, скачущихъ во всю прыть. Думали, что это Казаки. Всадники приблизились: то былъ Суворовъ съ проводникомъ, у котораго къ сѣду привязанъ былъ узелокъ — весь снарядъ Генерала. Все пришло въ воспоргъ. Пушечный громъ со всѣхъ бапарей привѣтствовалъ героя. Всѣ ожили надеждою. Дѣла приняли другой оборотъ. Ревность Суворова, невѣроятная его дѣятельность, презрѣніе опасностей, увѣренность въ успѣхъ — словомъ, вся душа его вселилась въ воиновъ: всѣ до послѣдняго

воспылали желаніемъ участвовати въ славномъ приступѣ.

Начались пригошвленія. Стали строить лѣстницы для приступа, вѣзати фашины, учить солдатъ употребленію оныхъ. На четвертый день по прѣздѣ Суворова, явились и остальные войска: изъ корпуса, сполваго въ Галацахъ, собственный его, Фанаторійскій гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ Полковника Золотухина, 1200 казаковъ и Арнаушовъ. Адмиралъ Рибасъ остался въ прежней позиціи. Всѣ сухопутныя и морскія войска составляли около 28,000 чел., изъ коихъ половина состояла изъ Казаковъ. Сими силами неустрасимый въ душѣ Суворовъ дерзнулъ на приступъ къ крѣпости, въ коей было 38,000 человекъ гарнизону.

Нѣсколько дней сряду обстрѣвали крѣпость. Самъ Суворовъ, въ сопровожденіи бѣльшей части Генераловъ и многихъ офицеровъ, для сообщенія имъ своихъ намѣреній, приближался къ ней со всѣхъ сторонъ: избиралъ и назначалъ пункты, въ коихъ колонны должны строиться, гдѣ итти на приступъ, гдѣ подавати другъ другу взаимную помощь. Турки сначала спрѣдали въ шолпу сію, пошомъ умолкли.

Въ ночи на 7^е Декабря, построены были на обохъ крылахъ, подъ руководствомъ

Принца де-Линя и Артиллеріи Генерала Ршицева, башарей, чтобы подати видѣ, будто намѣрены начать правильную осаду. По недостатку въ осадной артиллеріи, которая отправлена уже была въ Кляю и Бендеры, употребили полевые орудія, изъ коихъ самыя большія были 12-фунновыя. Въ сію первую ночь Турки вовсе не мѣшали работамъ, но упромъ сильно отвѣчали на огонь, открывшійся съ сихъ башарей.

7го Декабря, Суворовъ отправилъ къ Сераскиру письмо Князя Пошечкина, присовокупивъ къ тому приглашеніе къ сдачѣ, въ немногихъ спрѣкахъ. Отвѣтъ былъ: „совѣтуемъ Русскимъ отойти; наступаетъ зима; у нихъ нѣтъ ничего; у насъ же всего довольно.“ На второе приглашеніе отвѣчали въ восточномъ слогѣ: „Прежде остановитесь Дунай въ шеченіи своемъ, и небо падеть на землю, нежели сдаситъ Измаиль.“ Послѣ прешьяго опыта, щадивъ кровь человеческую (твердый въ своемъ намѣреніи охотно склоняется къ крошости), Суворовъ въ короткой запискѣ уведомилъ Сераскира честнымъ словомъ, что если въ шолъ же день не поднимутъ бѣлаго знамени, крѣпость будетъ взята приступомъ, и никому не будетъ дано пощады. Многіе Полководцы Турецкіе, устрасенные симъ грознымъ обѣ-

помь, хотѣли уступити, но съдвласый Паша пребыль швердь, и опвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ.

Всѣ средства крѣпости были испощены. Суворовъ собралъ военный Совѣтъ. Въ краткихъ, сильныхъ словахъ объявилъ онъ, что дважды Русское воинство осаждало Измаиль, дважды опешупало опъ онаго; нынѣ, въ прешій разъ, остається побѣдить или умереть со славою. Онъ не скрываетъ затрудненій сего предпріянія, но въ то же время указалъ и средства къ преодолѣнію оныхъ: надлежало сломить гордыню Турокъ, почтившихъ сію крѣпость непобѣдимою. Ничто не смѣетъ противиться силѣ и оружію Россіянъ: всего болѣе должно дѣйствовать на души ихъ. — Бригадиръ Платовъ (столько прославившійся въ послѣдствіи), младшій изъ засѣдавшихъ въ Совѣтѣ, первый воскликнулъ: „на приступъ!“ и всѣ повпорили сіе слово. Суворовъ бросился къ нему на шею, и попомъ расцѣловалъ сряду всѣхъ присутствовавшихъ. „Сегодня“ воскликнулъ онъ: „помолимся Богу, завтра поучимся, а послѣ завтра — побѣда или славная смерть!“ Всѣ воспылали ревностію; рѣчь его воспламенила всѣ умы; нѣкоторые проливали въ восторгѣ слезы. Рѣшено было, пойти приступомъ на Измаиль.

Въ это самое время получено было письмо Князя Пошемкина, копорый, какъ казалося, не довѣряя успѣху въ семь дѣлъ, возлагалъ всю опвѣщенность на Суворова, и говорилъ, что предоспавляетъ ему опказаться опъ приступу, если онъ несовершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Суворовъ опвѣчалъ коротко: „дважды Русскіе спояцъ у воропъ Измаила: спыдно будете не войши въ прешій разъ.“

8 и 9го чиселъ, учили и гошовили солдатъ. Суворовъ самъ показывалъ имъ, какъ они должны поступать на приступѣ, какъ бросать фашины, спавишь лѣшницы; училъ молодыхъ солдатъ владѣть штыкомъ: фашины предспавляли Турокъ. Сими личнымъ наспавленіемъ одушевили онъ всѣхъ, и вселилъ въ нихъ пламенное усердіе содѣлашься доспойными уроковъ своего Военачальника.

10 числа поушпру, началась ужаснѣйшая канонада: сорокъ орудій съ берегу, сто съ опстрова на Дунаѣ, и слишкомъ полшораспа съ судовъ флотшпалии производили, въ продолженіе всего дня, непрерывный огонь: болѣе двухъ сощъ пушекъ съ крѣпости опвѣчали столь же сильно. Земля спонала подъ прескомъ орудій. Одинъ Русскій корабль загорься и взлетѣлъ на воздухъ: все сіе было только предвѣстіемъ ужаснѣйшихъ явленій.

Все изгошовилось. Наступила предшествующая кровавому дню таинственная ночь, для многихъ тысячъ послѣдняя. Пальба мало по малу утихла. За грознымъ шумомъ дня, наступило глубокое молчаніе, но никто не предавался сну: безпокойство, ожиданіе, недоумѣніе превозили всѣхъ; всѣ, болѣе или менѣе, предавались надеждѣ. — Въ это самое время, за нѣсколько часовъ до приспуна, Суворовъ получилъ письмо Римскаго Императора Леопольда, и, не читавъ, спряхала въ карманъ: душа его преисполнена была предстоящимъ подвигомъ, и не могла вмѣщать въ себя иного.

Онъ поспѣшилъ къ спорожевымъ огнямъ, чтобы въ послѣдній разъ ободришь своихъ. Офицеры и солдаты грѣлись у огня, въ ожиданіи великаго часа. „Который полкъ?“ спрашивалъ онъ, приближаясь къ пылающему костру, и получивъ отвѣтъ, восклицалъ: „помилуй Богъ, славный полкъ! храбрые люди! съ ними я побѣдилъ непріятеля шамъ-шо, билъ Турокъ шамъ-шо: сегодня надѣлаюшь они чудесь!“ Сии слова воспламенили воиновъ.

И Турки гововились къ бою. Узнавъ отъ переменчиковъ о близкой опасности, приняли они свои мѣры: приготовились къ оппору, и провели ночь безъ сна, на валахъ.

Войско, назначенное на приспунъ, состояло изъ трехъ отдѣленій, каждое изъ трехъ колоннъ: первое или правое крыло было подъ командою Генераль-Лейтенанта Павла Сергѣевича Пошемкина; второе, или лѣвое, Генераль-Лейтенанта Самойлова; третье, или морская сила Конспръ-Адмирала Гибаса.

Первыя три изъ девяти колоннъ были подъ начальствомъ Генераль-Маіора Львова, Лассія и Мекноба; каждая изъ нихъ состояла изъ 150 стрѣлковъ и 4 или 5 баталіоновъ. Двѣ слѣдующія, подъ командою Генераль-Маіора Безбородка, состояли изъ 900 пѣшихъ-Казакъ и Арнаушовъ, предводительствуемыхъ Бригадирами Пашовымъ и Ордовымъ. 2 пѣхотные баталіона составляли ихъ резервъ. Шестая колонна, состоявшая изъ 120 стрѣлковъ и пяти баталіоновъ, была подъ командою Генераль-Маіора Голенищева-Кушужева.

Со стороны Дуная, каждая колонна состояла изъ 1000 и до 2000 Казакъ, подкрѣпляемыхъ шремя баталіонами регулярной пѣхоты. Начальниками оныхъ были Генераль-Маіоръ Арсеньевъ, Ашаманъ Чепѣга и Бригадиръ Марковъ.

Волонтерами при семь шпурмъ были: Принцъ Карлъ де-Линъ, Полковникъ Дюкъ де Фронсакъ, (заслужившій пошомъ, подъ

именем Дюка де Ришелье, благодарность двух народов), Граф Ланжеронъ, Полковники Князя Лобановы-Росповскіе, Валеріанъ Зубовъ и другіе.

Вся конница, регулярная и Казаки, расположена была въ вершиѣ оштуда, чѣмъ подоспѣвъ въ надлежащее время. Самъ Суворовъ избралъ себѣ мѣсто среди колоннъ, чѣмъ легче обозрѣвать цѣлое и распоряжаться всеми частями.

Ударило три часа ночью 11 Декабря — поднялась первая ракета. Всѣ изготавились къ приходу. Въ чѣмъ часа поднялась другая ракета: построились. Съ непервнѣемъ ожидали прѣшней и послѣдней: ровно въ пять часовъ поднялась она — и колонны двинулись.

Ночь была темная. Погода пасмурная; небо покрыто облаками. Въ густомъ шумѣ, видѣнъ былъ только огонь Русскихъ орудій; онъ вскорѣ освѣтилъ горизонтъ, и открылся въ синихъ струяхъ Дуная. Лишь только прошли нѣсколько саженъ за башарей, Турки, неспрѣявшие во всю ночь, спали производивъ съ своей стороны сильный огонь, озарившій остальную часть горизонта. При дальнѣйшемъ шествіи Русскихъ, ружейный огонь заблесталъ на всемъ пространствѣ вала: крѣпость представила зрѣ-

лице огнедышащей горы. Ужасная картина усугублялась общимъ воплемъ: „Алла!“ ошдававшимся въ окрестностяхъ города.

Колонны подошли съ сухого пуши въ величайшемъ порядкѣ и совершенной тишинѣ, быстро спустились во рвы, гдѣ вода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была солдатамъ по плечи, съ неуспрашиваемостью бросили шашины, перешли и подняли лѣстницы къ валу, который былъ такъ высокъ, чѣмъ должно было связывать по двѣ лѣстницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это средство показалось слишкомъ замедлительнымъ: солдаты, горя непервнѣемъ сразившись, взлѣзали на валъ съ короткихъ лѣстницъ, поддерживая другъ друга штыками. Спрѣлки каждой колонны оставались на краю рва, и сбивали защитниковъ вала, конхъ узнавали во шмѣ при блестя въспрѣловъ.

Околѣ шести часовъ, храбрый Генералъ Лассій со второю колонною, первый очутился на валу; первая и прѣшняя, долженствовавшія поддерживать его, наши великія затрудненія, и оспали. Лассій былъ спсненъ: сонмы Турокъ, вооруженныхъ саблями, кинулись на него, чѣмъ ошбросить его въ ровъ: онъ держится съ шрудомъ; опасность возрастаетъ. Но вошь и двѣ остальныя ко-

лонны взобрались на валъ, и спѣшашъ къ нему на помощь.

Особенно велики были затрудненія, которыми должна была преодолѣть первая колонна, составленная изъ храбрыхъ гренадеръ Фанагорійскихъ: переправившись чрезъ первый ровъ, встрѣтили они рядъ палисадъ, которыми должно было обходить по-одиначкѣ, попомъ надлежало перебраться чрезъ другой ровъ, и наконецъ достигли до первого со стороны рѣки баспiона; поставили лѣшницы, ползли на приступъ, поражая всѣхъ, кои дерзали прошивиться; овладѣли баспiономъ, попомъ другимъ; много претерпѣли отъ огня съ кавалiера, который щещно штурмовали, попомъ примкнули къ второй колоннѣ и удержались на валу.

Генераль Мекнобъ мужественно вель прешью: въ то самое время раздробило ему ногу каршечью; онъ упалъ, умирающимъ голосомъ ободряя сподвижниковъ. Мѣсто его занялъ Полковникъ Хвосшовъ, и безпреняшпвенно повелъ вверхъ воиновъ, раздраженныхъ пошерю начальника.

Всѣ спарались превзойши другъ друга храбростiю. Генералы и офицеры первые бросались во рвы, спавили лѣшницы, влѣзали впереди; и воспламеняли солдатъ своимъ призывомъ.

Неустрашимый Купузовъ скоро взошелъ бы на спѣну, если бь 4 и 5 колонны, долженшвовавшія подкрѣплять его, не нашли упорнаго сопротивленія. Сии колонны, состоявшія изъ спѣшенныхъ Арнаушовъ и Казаковъ съ укороченными пиками, пошли было смѣло впередъ, перебрались чрезъ ровъ, наполненный въ семь мѣстъ водою, людямъ по плеча; ползли по лѣшницамъ, но щещно. Число Турокъ въ семь мѣстъ было весьма велико, сопротивленіе ихъ опчаянно. Казаки, избравшіесе на валъ, были обратно повергаемы со спѣнъ. Уже шѣла ихъ начали наполнять рвы, какъ Турки, съ грознымъ воплемъ: „Алла! Алла!“ сдѣлавъ быструю вылазку съ боковыхъ баспiоновъ, кинулись во флангъ и въ пылъ насупавшимъ. Началась ужаснѣйшая сѣча. Всякъ сражался, какъ будто учась того дня отъ него одного зависѣла. По перемежавшимся воплямъ: *Алла!* и *ура!* догадывались, на чью спорону склоняется побѣда. Подполковникъ Яцунскій, съ двумя баталiонами Полоцкаго полка, составлявшими резервъ, бросился на врага. Примкнувъ шпыки, двинулись они впередъ и, поражая всѣхъ сопротивниковъ, спарались подкрѣпить своихъ товарищей. Уже прошли они чрезъ ровъ; вдругъ палъ храбрый Яцунскій: новыя шолпы Турокъ смѣшали ряды без-

спрашнхъ; они поколебались. Въ сіе мгновение подковой Священникъ, поднявъ крестъ со знаменіемъ Спасителя, возгласилъ имъ побѣду именемъ Бога живаго, спалъ впереди рядовъ, и кинулся на Турецкія сабли. Ничто не могло противостоять воспламененнымъ воинамъ: они опрокинули врага, завладѣли рвомъ и валомъ.

Дважды присупала Кушуровъ, дважды былъ онъ отражаемъ: большая часть его офицеровъ, множество солдатъ были побиты. Число Турокъ непрерывно возрастало. Суворовъ видя въ его бѣдствіе, и поспѣшно велѣлъ ему сказать, что назначилъ его Команданшомъ Измаила, и уже послалъ въ Пешербургъ извѣстіе о покореніи сей крѣпости. „Съ нами Богъ!“ восклицаетъ Кушуровъ, и опять бросается впередъ. Нѣкоторые отряды, снесенные внизъ по рѣкѣ, обошли вадъ съ береговой стороны, и отперли Килійскія ворота: наконецъ и Кушуровъ вошелъ въ крѣпость.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило при сухолушнхъ колоннахъ, морскія равномерно двинулись впередъ. Корабли стояли въ двухъ линіяхъ: въ первой находились регулярныя войска, имѣя на флагахъ Казаковъ, во второй плавучія башарей и канонирскіе башы: они шли впередъ на веслахъ, подъ ужаснѣй-

шимъ огнемъ. За нѣсколько сощъ шаговъ отъ берега, вторая линія примкнула къ обшимъ крыламъ первой, и составила большое полукружіе, изъ коего смерть и гибель изрыгались на городъ. Подъ прикрытіемъ сего огня, произведена была высадка: слишкомъ десяти тысячъ Турокъ защищали эту сторону. Сопротивленіе ихъ было щестно: въ 7 часовъ, всѣ сіи войска спали на сушѣ. — Здѣсь Принцъ-де-Линъ былъ раненъ въ колено. Бригадиръ Марковъ велѣлъ вынести его изъ боя, и въ то самое время оторвало у него самого ногу.

Въ 8 часовъ, Россіане овладѣли укрѣпленіями съ суши и съ рѣки. Городъ взявъ, присупъ конченъ: новая, ужасная брань возгарается на всѣхъ улицахъ, площадяхъ, въ мечеяхъ и въ домахъ.

Отчаявался въ спасеніи своей жизни, Турки хотѣли, по крайней мѣрѣ, продать оную какъ можно дороже. Особенно сильно было сопротивленіе въ пѣсныхъ улицахъ и въ ханахъ или восточныхъ гостиницахъ, обширныхъ, каменныхъ зданіяхъ, въ конорыя храбрѣйшіе солдаты удалились съ пушками. Каждый изъ сихъ хановъ сдѣлался новою крѣпостью, конорую надлежало брать прищупомъ.

Одинъ изъ сихъ хановъ, построенный весьма твердо, защищаемъ былъ съ необыкновеннымъ упорствомъ: непреклонный спарецъ Аудузлу-Паша, съ двумя тысячами опборныхъ Янычаръ и съ нѣсколькими пушками, бросился шуда, въ намѣреніи защищаться до послѣдней капли крови. Генераль-Помемкинъ опрядилъ шуда Полковника Золотухина, съ баталіономъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка — храбрыхъ на храбрыхъ. Битва продолжалась здѣсь болѣе двухъ часовъ. Наконецъ пробили ядрами ворота: гренандеры бросились въ домъ; ничто ни могло имъ прошивостоять; большая часть непріятелей пала; осмальные, нѣсколько сотъ человекъ, сдались; въ числѣ ихъ и спарецъ Аудузлу. Они вышли на площадь; мимо-бегущій егеръ увидѣлъ богатый кинжалъ за поясомъ Аудузлу, и хопълъ опнашь; раздраженные сими Янычары, еще небезоруженные, опшполкнули его. Въ эпномъ смятеніи ранили одного Русскаго Капшана. Гивъ солдатъ вспыхнулъ: они бросились на Турокъ, и всѣхъ положили на мѣстѣ. Такимъ образомъ палъ Аудузлу-Паша.

Суворовъ, распоряжая всѣмъ, предвидя все, приказалъ ввезти въ городъ двадцать легкихъ орудій, чшобъ прекратитъ бой на улицахъ и покоритъ ханы. Каршечный огонь

вскоръ очистилъ улицы, и войска, при безпрерывномъ боѣ, мало по малу дошли до срединны города. — Ко всѣмъ бастіонамъ, въ коихъ были пороховые запасы, приказалъ онъ приславить караулы: послѣдствіе оправдало сію предосторожность, ибо Турецкіе опряды неоднократно покушались пробраться въ бастіоны, зажечь порохъ, и собственною смертію купитъ гибель побѣдоносныхъ сопрошивниковъ. Уже солнце поднялось высоко, а бой не прекращался. Почши каждый домъ надлежало брать присшупомъ. Изъ каждаго спрѣляли въ Русскихъ; и женщины, вооруженныя кинжалами и ножами, сражались какъ бышеныя, забывъ страхъ и опасность. Зрѣлище смерши и опустошенія представляется повсюду. Раздраженные солдаты, не внемля гласу Начальниковъ, жадуть крови.

Около полудня, Генераль Лассій, первый изъ восшедшихъ на стѣну, первый вошелъ и въ средину города, и взялъ въ плѣнъ молодаго Сулшана Машсуда-Гирея, которій, съ тысячьо Ташаръ, храбро защищался въ Армянскомъ Монаштырѣ.

Казаки 4 и 5 колоннъ и въ городѣ нашли сильное сопрошивленіе. Капшанъ-Гирей, посщавшій всюду, гдѣ грозила болъшая опасность, и примѣромъ своимъ одушевляв-

ший своих воиновъ, собрали при дальнѣйшемъ вторженіи Россіянъ, нѣсколько тысячъ Ташаръ и Турокъ для послѣдняго опыта, и повелъ ихъ на врага. Сначала встрѣшился онъ съ отрядомъ Казаковъ, своеручно изрубилъ нѣсколько человекъ, и отнялъ у нихъ двѣ пушки. Ободренный симъ успѣхомъ, идетъ онъ впередъ при звукахъ дикой воинственной музыки, выражающей состояніе души его: два баталіона гренадеръ и одинъ егерскій являющіеся на помощь Казакамъ, и начинаются отчаянная сѣча. Каптанъ, забывая самого себя, вездѣ подаетъ примѣръ: пашеро достойныхъ отца сыновей сражающагося подлѣ него; всѣ пашеро падаютъ предъ его глазами. И онъ ищетъ смерти: на приглашеніе къ сдачѣ, ошвѣтшвенъ сабельными ударами, и поразивъ многихъ, покушавшихся взять его живаго, падаетъ мершвъ. Въ сей день ничто не могло противостоять Россіанамъ.

Солдаты, раздраженные сильнымъ сопротивленіемъ, не щадили никого: разразили ужаснѣйшія страсти. Вездѣ убійство и грабежъ; вездѣ поднимаются груды мершвхъ пѣлъ, воиновъ, женъ, дѣшей. Солдаты надѣваютъ на себя одежду богатыхъ Турокъ; склоняются подъ тяжестью драгоценной добычи, серебра, сабель и пистолетовъ. Хозяе-

на богатыхъ лавокъ защищаютъ имущество свое до послѣдняго издыханія. Вездѣ ломаютъ, грабятъ, опустошаютъ дома; владѣльцы ихъ плаваютъ въ крови. Никто не могъ удержать отчаянныхъ.

Въ два часа по полудни, всѣ войска достигли середины города. Суворовъ ввелъ 16 эскадроновъ конницы и 2 полка Казаковъ, чтобы довершить очищеніе улицъ, въ коихъ Турки еще сражались по-одиначкѣ. Нѣсколько тысячъ собрались въ мечети, и отсюда угрожали разсѣяннмъ Россіанамъ. Рибасъ хладнокровно являлся предъ мечею, и гордо приказывалъ имъ положить оружіе, если всѣ они не хотѣли пастъ подъ мечами. Они повинуются.

Еще защищался каменный бастіонъ: тамъ сражался прехъ-бунчужный, сѣдовласый Паша, Губернаторъ города. Ему предлагають капитуляцію. Онъ спрашиваетъ, взяли ли остальную городъ, и узнавъ, что тамъ сопротивление кончилось, отправляетъ парламентера къ Рибасу. Самъ между тѣмъ садится на коверъ, и посреди развалинъ кровоспи, спокойно куритъ трубку, какъ бы во время совершеннаго мира. За симъ сдается онъ въ пѣль, и уступаетъ бастіонъ.

Въ 4 часа по полудни, побѣда была рѣшена, и Измаиль взяли, послѣ самаго кро-

вопролишнаго пристуна изъ всёхъ, извѣстныхъ въ новой Исторіи, послѣ пристуна, въ которомъ 28,000 человекъ напали на 38,000 въ крѣпости, покорили и испребили ихъ.

Каждый офицеръ оказался героемъ; каждый солдатъ сражался какъ левъ, въ продолженіе десяти часовъ сряду, по нападая, по пробиваясь, забывая опасность и гибель. И шъ, которые за 10 часовъ предъ симъ колебались въ успѣхъ, теперь шли побѣдителями въ крови побѣжденныхъ: всё улицы и площади покрыты были Турецкими трупами.

Бывшіе на приступѣ Очаковскомъ, называли оный, въ сравненіи съ Измаильскимъ, дѣвскою игрою: здѣсь надлежало преодолѣть величайшія препятствія; перебраться чрезъ глубокіе рвы, чрезъ высокіе крутые валы, покрытые льдомъ, и побѣдить ошчаянную храбрость многочисленнаго гарнизона, не видѣвшаго середины между побѣдою и смертію. Побѣдители въ послѣдствіи съ изумленіемъ и ужасомъ взирали на шъ опасныя мѣста, по коимъ они взошли на крѣпость въ шемногъ ночной: казалось, что и днемъ тамъ пройши невозможно. Такимъ образомъ опасность и спрасть возвышаютъ человека надъ самимъ собою.

Послѣ шуму, треску и грому, продолжавшихся нѣсколько часовъ, мало по малу настунила тишина. Битва кончилась; улеглись взволнованныя спрасти. Но часные выстрѣлы продолжались во всю ночь: многіе Турки засѣли въ домахъ, погребахъ, сараяхъ и мечетяхъ: нѣкоторые изъ нихъ были побиты; другіе сдались. Многіе Турки скорѣе отдавали жизнь, нежели имущество.

Суворовъ немедленно отправилъ гонца къ Князю Пшемкину, который тогда былъ въ Бендерахъ, и могъ слышать пальбу подъ Измаиломъ. Релиція его состояла въ слѣдующихъ словахъ: „Русскія знамена развѣваются на стѣнахъ Измаила.“ Императрица донесъ оны слѣдующими словами: „Гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества!“

На другой день, 12 Декабря, отправлено было благодарственное Господу Богу молебствіе, при громѣ изъ завоеванныхъ пушекъ. Всѣ Генералы и офицеры присушествовали при ономъ: обнимали и поздравляли другъ друга, проливая радостныя слезы. Жизнь казалась имъ новымъ даромъ небесъ. Многіе, пропавшіе безъ вѣсти, явились, и успокоили друзей и шоварищей. — По совершеніи молебствія, Суворовъ постѣпиль къ главному

караулу, который занимали его храбрые Фалангерійскіе гренадеры; четыреста человекъ изъ нихъ легли на мѣстѣ. Оспалыя удостоились хвалы героя.

Генералъ Кушуровъ назначенъ былъ Командантомъ, какъ обѣщано было на приспущеніи. На вопросъ, сдѣланный Суворову, почему онъ поздравилъ Кушурова съ симъ мѣстомъ, когда дѣло еще не было рѣшено, онъ отвѣчалъ: „Суворова знаешь Кушурова, а Кушуровъ Суворова. Если бѣ Измаилъ не былъ взятъ, то мы оба пали бы подъ развалинами.“ Къ тому прибавилъ онъ: „Кушуровъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.“

Поперя Россіяны были немаловажна, чего и надлежало ожидать при опчаянномъ сопротивленіи. Особенно пало много офицеровъ; почти всѣ они были изрублены саблями и совершенно обезображены. По первой реляціи, показано было убитыми 65 офицеровъ, ранеными 227, солдатъ убитыми 1830, ранеными 2500. Но въ послѣдствіи оказалось убитыхъ болѣе 4000, раненыхъ 6000; изъ 650 офицеровъ ранено было болѣе 400: сіе показаніе не покажется увеличеннымъ, если примемъ въ разсужденіе трудности предпріятія и упорность сопротивленія.

Турокъ испреблено было 33,000 человекъ; въ пѣниъ взято 5,000, не считая множества женщинъ, дѣшей, Жидовъ, Армянъ и Молдаванъ. Въ числѣ пѣнныхъ находился юный Максудъ-Гирей, одинъ изъ семи Султановъ, Губернаторъ Измаилскій и нѣсколько другихъ Пашей. Изъ всего гарнизона ушелъ только одинъ человекъ. Онъ былъ легко раненъ, упалъ въ рѣку, схватилъ плавающую доску, и успѣлъ выйти на другой берегъ: ошпуда видѣлъ паденіе крѣпости, и принесъ первую о томъ вѣсть Великому Визирю.

Пѣнные Турки должны были убраться свои мертвыя тѣла, и побросать оныя въ Дунай; недосугъ было копать могилы. Убитыхъ Россіяны предали землѣ по обряду Церкви. Убитый на приспущеніи Бригадиръ Рибоньеръ былъ погребенъ въ монастырь Св. Іоанна, подлѣ храбраго Вейсмана, павшаго въ прежнюю съ Турками войну.

Добыча была несмѣтная: въ крѣпости взяты 232 пушки, множество ядеръ, великое количество пороху, 345 знаменъ, кои почти всѣ обогрены были кровію защитниковъ, два санджака (Бендерскій и Измаилскій), коихъ во всей Турецкой Имперіи только пять; большое, богатое знамя Тапарскаго Хана, семь бунчуковъ, 250 знаменныхъ

древокъ: знамена изъ богатой матеріи сорваны были солдатами; множество съѣстныхъ припасовъ и разныхъ товаровъ, свезенныхъ сюда изъ сдавшихся прежде того крѣпостей, 10,000 лошадей и пр. и около 10 милліоновъ рублей деньгами. Суворовъ, по обыкновенному своему безкорыстію, отказался отъ участка при раздѣлѣ сей добычи, и удовольствовывался шою, которая не пропадетъ во вѣки — славою.

Такъ кончилось сіе предпріятіе, предъ коимъ смѣлосъ всякаго другаго война оставилась бы въ недоумѣніи. Въ то же время доказано было, сколь важно на войнѣ пользоваться надлежащею минушою: днемъ позже, все покушеніе было бы тщетно; поднялся густой туманъ; земля сдѣлалась столь грязною и слизкою, что невозможно было бы взобраться на валы: сія погода продолжалась во всю зиму.

Черезъ недѣлю послѣ того Суворовъ возвратился въ Галацы. Кузюзовъ осмался въ Измаиль Комендантомъ съ доспашочнымъ гарнизономъ; остальные войска пошли въ Бендеры на зимнія квартиры. Такимъ образомъ, блистательный подвигъ окончилъ знаменитую кампанію того года.

Примѣръ и счастливый успѣхъ Суворова побудили въ послѣдствіи другихъ Гене-

раловъ, неимѣвшихъ его генія, водить солдатъ съяпо, безъ надлежащаго пригошоваенія, на приступъ и на гибель. Дѣло, удавшееся Суворову и одушевленнымъ его воинамъ, конечно будешъ неуспѣшно шамъ, гдѣ нѣтъ сихъ нравственныхъ пружинъ. Приступъ къ Измаилу, предпринятый въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, не долженъ подавашъ повода къ пренебреженію медденнаго, но вѣрнаго и не сподъ кровопролитнаго хода правильной осады.

Впрочемъ сія побѣда, кромѣ другихъ послѣдствій своихъ, произвела два дѣйствія — безусловную довѣренность солдатъ къ побѣдителю, и ужасъ врага при одномъ его имени. Кшо спрашитесь, тошъ уже побѣжденъ вполонину. На войнѣ, какъ и въ мирѣ, рѣшитъ не сполько физическая, какъ нравственная сила: сія послѣдняя должна бытъ возвышена всеми возможными средствами. Солдатъ, почипающій себя непобѣдимымъ, непобѣдимъ въ самомъ дѣлѣ: ужасъ предшествуетъ ему, и гошовитъ побѣду. Къ тому недоспашочно дѣлѣ храбрыхъ, но обыкновенныхъ: нужны подвиги чрезвычайные, изумляющіе, оглашающіе воображеніе. Одинъ подобный ударъ производитъ дѣйствія, продол-

жающіяся цѣлѣе вѣки — и шаковой ударъ былъ приспущъ къ Измаилу.

Перевель В. II—въ.

Вильна, 15 Дек. 1824.

III.

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

I.

РАЗБОРЪ фонъ-дерь-Борговыхъ переводовъ Русскихъ стихотвореній.

Любопытно послушать, какъ иноспранцы, особенно Нѣмцы, ближайшіе сосѣди наши, судящъ о Русской Словесности, съ частію коей Господній фонъ-дерь-Боргъ познакомилъ ихъ въ довольно удачныхъ и близкихъ переводахъ (*). И такъ выпишемъ, что въ 60 нумеръ Липерапурныхъ Нѣмецкихъ Листковъ говорится при случаѣ появленія

(*) Эти переводы не въ примѣръ ближе къ подлинникамъ Французскихъ переложеній С. Мора и переложеній Англійскихъ Боуринга, изъ которыхъ послѣднія однако же заслуживающъ нѣкоторую признательность.

сихъ переводовъ: во 1^{хъ} вообще о духѣ нашей Поэзіи; во 2^{хъ} о нѣкоторыхъ нашихъ Стихотворцахъ въ особенности. Сія сужденія не во всемъ сходны съ шѣми, которыя у насъ повворяются ежедневно, и потому-то показались мнѣ достойными нѣкотораго вниманія.

„Новѣйшая Русская Изящная Словес-
„носшь еще очень зелена: въ какомъ же об-
„разѣ представляется она наблюдателю? Въ
„образѣ вышедшаго изъ опроческихъ лѣтъ
„юноши нашего времени, котораго къ сти-
„хотворству понуждаетъ молодость, а, мо-
„жетъ бышь, и дарованіе; сей юноша по-
„кушается высказашъ поэтическимъ язы-
„комъ чувства свои, но что не совсѣмъ лег-
„ко; посему оны прудное спарается замѣ-
„нить менѣ пруднымъ, и вмѣсто чувствъ
„обрабатываетъ мысли, а какъ глубокое раз-
„мышленіе не есть спяжаніе первой моло-
„доспи, шо сначала довольствуется про-
„нищательностію и оспроуміемъ, способно-
„спіями, которыя въ душѣ человѣческой
„окрѣпаются ранѣ прочихъ. Вошь почему
„въ произведеніяхъ молодыхъ стихотворцевъ
„встрѣчаемъ сполько поучительно-чувстви-
„тельныхъ изрѣченій. Обозрѣвая фонъ-дерь-
„Боргово Собраніе, убѣждаемся, что Русская
„Поэзія есть подобный Повшь-юноша. Сіе

„собрание все почши составлено изъ поучи-
 „пелныхъ Одь, Элегій, Посланій, Сатиръ,
 „многословныхъ Балладъ и Сказокъ, въ конхъ
 „болѣ ума и описаній, нежели смѣлости во-
 „ображенія и шеплоты чувства; кромѣ того
 „сн произведенія вообще между собою до по-
 „го сходны, что Писателей распознаешь
 „только по опшѣнкамъ, а не по мощнымъ
 „какимъ опанціямъ.“ — Далѣ Нѣмецкій Кри-
 „стикъ предупреждаетъ возраженіе, которое
 бы могли ему сдѣлать на счетъ этого по-
 слѣдняго упрека: „Сходство сіе“ — говоритъ
 онъ; „напрасно бы кто вздумалъ приписать
 „самому Ф. д. Боргу: онъ кажется, перево-
 „дилъ добросовѣстно, и сверхъ того вездѣ
 „оказывается челоукомъ искуснымъ, знаю-
 „щимъ.“ — Согласны! Согласны также въ
 „помъ, что много испиннаго въ спрогомъ
 „риговорѣ Кристика: но ужели не вѣишишь
 въ вину Г. Переводчику выборъ подлинни-
 ковъ, чрезвычайно односпорный? выборъ, по
 видимому, только такихъ произведеній, та-
 кихъ Писателей, которые у насъ, за исклю-
 ченіемъ всѣхъ съ ними несходствующихъ, одо-
 бряются извѣстною школою? — Именно со-
 вѣпамъ школы сей, ея, говорю, совѣпамъ
 и мнѣніямъ, которыми Переводчикъ явно ру-
 ководствовалъ при составленіи своего Со-
 бранія, должны мы приписать изобиліе *одя-*

ной, влгой описательной же-Поэзіи, коею
 преисполнены Фонъ-дѣрь-Борговы переложенія.
 Такъ! наша Словесность молода: но и у
 насъ были и есть Поэты (хотя ихъ и не-
 много) съ воображеніемъ неробкимъ, съ сло-
 гомъ немногословнымъ, неразведеннымъ во-
 дою благозвучныхъ, пушыхъ энишешовъ. Не
 говорю уже о Державинѣ! — Но таковъ на-
 прихъ въ нѣкоторыхъ легкихъ своихъ спи-
 ховореніяхъ Кашенинъ, котораго Баллады,
Мстиславъ, Убийца, Наташа, Альшій,
 еще только попышки, однако же (да не
 разсердясь наши весьма хладнокровные,
 весьма оспорожные — Романшики!) по сю
 пору однѣ, можешь бышь, во всей на-
 шей Словесности принадлежать Поэзіи Ро-
 маншической. — Таковъ былъ нѣкогда Бо-
 бровъ, Поэтъ, который, при счастливѣйшихъ
 обстоятельствахъ, былъ бы, можешь бышь,
 украшеніемъ Русскаго слова, который и въ
 помъ видѣ, въ какомъ намъ являлся въ сво-
 ихъ угрюмыхъ, незрѣлыхъ конечно создани-
 яхъ — ознаменованъ нѣкоторымъ дикимъ ве-
 личіемъ. — Такова наконецъ госпожа Буни-
 на, которой *Прогулка болащей* есть произ-
 веденіе, исполненное живой, глубокой скорби;
 Нѣмецкій Кристикъ, прочитавъ оную, согла-
 сился бы, что и у насъ иногда говорить

сильное чувство, незамѣнное ни модными словами, ни описаніями, ни оспроуміемъ.

Изъ *Собранія Образцовыхъ сочиненій въ стихахъ* Переводчикъ (см. 1 часть его переводовъ, 2й мы вовсе не знаемъ и, стало, о ней и не судимъ) извлекаетъ произведенія самыя вычищенные, самыя выглаженные, а посему-то одно съ другимъ споль сходныя! Гдѣ же на Русскомъ, какъ напримѣръ въ Державинѣ или Пепровѣ; и были какія неровности, онъ ихъ щцщательно *выправилъ*, и пѣмъ лишилъ конечно недоспашковъ, но недоспашковъ, иногда неразлучныхъ съ красочами, одному Державину, одному Пепрову свойспвенными! —

Вопъ почему, при всей вѣрности, при всемъ испинномъ достоинствѣ переводовъ г. фонъ-дерь-Борга, они еще однообразіе своихъ подлинниковъ, вопъ почему, ни по пѣмъ, ни по другимъ нельзя и не должно заключашъ о совершенномъ будто бы однообразіи всей нашей Поэзіи! —

„Другое еще сходство представляется въ „сихъ спихотвореніяхъ вообще съ произведеніями молодой Музы: въ бббльшей части ихъ „нѣтъ жизни самобытной; подобно юношѣ, ко„порый, хотя бы и надѣленъ былъ дарованіями, „держится, иногда и самъ не зная того, признан„ныхъ уже образцевъ, сіи спихотворенія всѣ

„почти суть подражанія чужой, а именно Фран„цузской Словесности, а нѣкопорыя, преиму„щественно позднѣйшія, подражанія и Нѣмец„кой. — Господинъ фонъ-дерь-Боргъ, въ двухъ, „довольно толстыхъ книжкахъ, предлагаешъ „намъ примѣры, взятые изъ сочиненій 26-ти „Спихотворцевъ, родившихся между 1711 и „1799 годами, и сѣдовашельно почти совер„шенно исполняющихъ минувшее споль„шіе. — Всѣ они безъ исключенія испытали „рѣшительное на себя дѣйствіе Французской, „классической Словесности вѣка Людовика „XIV, даже касателью наружнаго образа „произведеній своихъ; Переводчикъ передалъ „намъ оный безъ всякаго измѣненія. Многія „изъ сихъ спихотвореній писаны Алексан„дринамъ; Оды Французскимъ, малозмѣняю„щимся элегическимъ размѣромъ (*); Басни „же, совершенно въ родѣ Басенъ Лафоншено„выхъ, спихами вольными. — Позднѣйшіе „Русскіе Спихотворцы конечно обнаружи„вають нѣкопорое знакомство съ Словесно„стію Нѣмецкою, но, кажется, знаютъ ее

(*) Какой это особенный элегическій Французскій размѣръ? Мы его не знаемъ. Въ Одахъ же нашихъ господствовало (и по нѣкогда) десятиспитишная, — каждый спихъ въ чепыре споща — ямбическая спрота, вовсе не элегическая.

„преимущественно въ шомъ видѣ, въ кошопромъ находилась подь многоразличнымъ иноплеменнымъ вліяніемъ, съ половины прошедшаго вѣка до появленія Геше. Сей же послѣдній, по причинѣ поучительнаго напавленія Русской Словесности, по видимоуму, почши не встрѣпшалъ въ оной онгодосковъ пѣснямъ своимъ.“

Крипикъ не говоритъ здѣсь объ удачныхъ и неудачныхъ подражаніяхъ *отдѣльнымъ* стихотвореніямъ Гешевымъ: они у насъ конечно найдутся! Онъ говоритъ о произведеніяхъ, *созданныхъ* нами не по извѣстному какому образцу Геше, а въ духъ его, съ его свободою. Примвры, можетъ бытъ, лучше объяснятъ мысль сію: и такъ положимъ, что ни въ одной Трагедіи Озерова нѣтъ подражанія ни одной въ особенноти Трагедіи Вольперовой (*); но въ нихъ красоти и недоспашки одни и шъ же. Эдипъ и Димитрій, Фингалъ и Поликсена изобрѣтены и обработаны въ духъ Вольпера, какъ бы, вѣрояшно, самъ Вольперъ изобрѣлъ и обработалъ ихъ.— Далѣе, въ Кавказскомъ Пльнникѣ и Бахчисарайскомъ Фоншанѣ, встрѣчаемъ

(*) Чего однако же, нельзя сказать о Димитріи Донскомъ, который, безъ сомнѣнія, подражаніе Танкреду.

мы, кромѣ нѣкоторыхъ явныхъ, довольно близкихъ подражаній Чайльдъ-Гарольду и Абидоской Невѣстѣ, нѣсколько, хоши и не много, мѣстъ, которыя какъ будто вылились изъ пера самаго Бейрона. — Вотъ, что нашъ Крипикъ называетъ онгодосками: признаемся, что и мы не помнимъ въ нашей Словесности пакихъ онгодосковъ швореніямъ Геше.

Крипикъ, похваляя фонъ-дерь-Борга за его извѣстія о жизни Русскихъ Писателей, выписываетъ изъ него нѣкоторыя занимательныя, но въ Россіи вѣсмы извѣстныя приключенія Ломоносова— и продолжаетъ:

„Переводчикъ увѣряетъ, что Ломоносовъ совершенно зналъ языкъ Нѣмецкій, чипаль шого времени Нѣмецкихъ Стихотворцевъ, и рѣшился подражать имъ. Намъ напрошивъ кажется, что онъ болѣе писалъ по образцамъ Французскимъ, нежели Нѣмецкимъ; хоши, можетъ бытъ, и имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ Германцевъ, особенно Геллерта и другихъ, которые съ 1740 года, уже спашли пріобрѣтати извѣстность.“ (См. Ушреннее Размышленіе о Божіемъ величіи.) „Но пусть послушаютъ строфу, съ которой все Собраніе начинается.“

Слѣдуетъ переводъ первой строфы подражанія Іову довольно близкій, однако же

не совершенно равносильный *)), Крипикъ за-
пѣмъ восклицаетъ :

„Здѣсь одежда и выраженіе безъ сомнѣ-
нія Французскія; и невольно вспомнишь Жанъ-
Баптиста Руссо или Ла-Мошпа! — Въ Ве-
чернемъ Размышленіи, мы находимъ болѣе
Германскаго, находимъ что-то похожее на
слозь и мысли Галлера.“

(Слѣдующъ при сиромъ изъ сего Размы-
шленія).

„Оба (и Галлеръ и Ломоносовъ) иногда въ
стихотвореніяхъ своихъ являющся есте-
ство-испытателями: но Переводчикъ правъ,
когда, въ отношеніи къ другимъ, называетъ
Ломоносова высокимъ; для большей части
его преемниковъ недоступны и его сила и
полнота мыслей; онъ, правда, не слишкомъ
богатъ чувствами, но почти въ прочіе
на сей счетъ еще его бѣднѣ.“ —

Здѣсь осмѣлимся спросить: справедливъ
ли сей, столь рѣшительный приговоръ, со-
ставленный по двумъ, шремъ, много чешы-
ремъ или пяти, и (какъ уже замѣчено) не

*) Такъ напр. стихъ:

Durchdröhnt er mit dem Wort die Luft.

(онъ словомъ заставилъ стонать воздухъ) не то,
что:

Словами небо колебалъ —

всегда лучшимъ стихотвореніемъ каждаго
Писателя, удостоившагося перевода Господина
Фонъ-дербурга и сужденій Господина
Крипика? — приговоръ, составленный по
немногимъ сочиненіямъ нѣкоторыхъ только
нашихъ Писателей и, не смотря на то,
простертый на всю Словесность Русскую?

Увѣренъ, что безприсрастные Нѣмцы
онаго не признаютъ безъ дальнѣйшаго из-
слѣдованія: — мы же да воспользуемся пѣмъ,
что есть справедливаго въ сихъ замѣчаніяхъ.
Такъ! въ нашемъ Стихотворствѣ съ одной
спороны слишкомъ много описательнаго,
съ другой слишкомъ мало простоты, слиш-
комъ много умничанья и поученія. — Дадимъ
волю чувству, котораго мы не лишены, но
котораго стыдимся; благодаря привиннымъ
намъ правиламъ Французской Поэтики,
силою составленнымъ изъ приличій, жеман-
ства и принужденія, правиламъ, господствую-
ющимъ еще болѣе въ образѣ мыслей и пред-
разсудкахъ нашихъ свѣтскихъ юношей, не-
жели даже въ книгахъ учебныхъ. У насъ лю-
ди свѣтскіе и понынѣ рабоблвспвуютъ пе-
редъ сими чужезычными законами, вопреки
романтическому лепешанію, коимъ съ нѣко-
норого времени бьютъ въ уши встрѣчному
и поперечному, ибо шеперь конечно быть,
или по крайней мѣрѣ казаться Романшикомъ,

— обязанность всякаго любезника *). Да рѣшатся наши Певцы не украшать чувства своихъ, и чувства вырвущись изъ души ихъ столь же сильными, нѣжными, живыми, пламенными, какими вырывались иногда изъ богатой души Державина? Но послушаемъ, что далѣе говоритъ нашъ Криптикъ. —

„Легкошью, дарованіемъ музыкальнымъ, и лирическимъ, кажется, всѣхъ болѣе надѣленъ Ипполитъ Ѳеодоровичъ Богдановичъ, который, будучи Секретаремъ при Польствѣ въ Дрезденѣ, можешь быть пріобрѣлъ нѣкоторое Германское образованіе, Пѣсенька его: „*Минуло мнѣ пятнадцать*

*) Но что же за по и Романпизмъ всѣхъ ихъ, пишущихъ и непишущихъ? Онъ обыкновенно оснанавливается на Ла Маршинѣ, на Французскомъ переводѣ Бейрона, на Романахъ Вальтера Скотта: нѣкоторые только когда-то и какъ-то заглядывали въ мелкія стихотворенія Шиллера и даже знаютъ, что Гете написалъ Фауста; одни смѣльчаки поговариваютъ иногда о Шекспирѣ, грозясь прочесть его, и охотно бранятъ Расина, ибо не въ силахъ ему просишь, что льшь за 5, буде желали прослыть людьми съ умомъ и со вкусомъ, буде желали участвовать въ свѣдскихъ прѣвняхъ о Словесности, непременно должны были знать наизусть ширады двѣ, три изъ его Федры или Гевелія.

„льть!“ предестина съ перваго стиха до послѣдняго, и выдержишь сравненіе съ самыми „счастливыми бездѣлками, которыя мы (ш. е. Нѣмцы) можемъ предъявить въ семь родѣ!“

Каковы же здѣсь сужденія Господина глубокомысленнаго Нѣмецкаго судьи-словесника? — По одной милой, но ничтожной бездѣлкѣ, онъ Богдановичу передъ всѣми Русскими Писателями, приписываетъ самое большее, не только музыкальное, но и лирическое дарованіе! — Каково его Нѣмецкое ищеславіе? — Всѣмъ, что у насъ есть хорошаго, обязаны мы Господамъ Нѣмцамъ! И послѣ того Нѣмцы же упрекаютъ Французовъ въ надменности! —

„Всѣхъ ближе къ Французамъ Сумароковъ.“ — (ш. е. Сумароковъ), Князь, Крыловъ, Басни коего писаны совершенно по „Лафоншену образцу.“ — Что это значить? И тѣ и другія писаны стихами вольными. Это такъ: не ужели въ произведеніи поэтическомъ нѣтъ ничего важнѣе стихосложенія? — Крыловъ, по духу и слогу Басень своихъ, самый народный изъ всѣхъ нашихъ Писателей: въ нихъ едва ли есть чтонибудь Лафоншеноевскаго, и ровно ничего нѣтъ не Русскаго. —

„Стихотворныя произведенія славнаго „Россійскаго Прозака — Карамзина зара-

„жены вялою нѣсколько сентиментально-„спію. Переводчикъ выхваляеть намъ испин-„но-Русское оспроуміе фонъ-Визина: со-„мнѣваемся однако же, чптобы чипашель со-„гласился съ нимъ, прочипавъ переложенный „имъ разговоръ фонъ-Визина.“ (Ссылка на 273 стр. второй часпи Собранія.)

Не знаемъ, какой эпо разговоръ: но не думаемъ чптобы онъ былъ взятъ изъ Недоросля, а по, надѣмся, Господинъ Кришникъ увѣрился бы въ справедливости похвалъ Переводчика фонъ-Визину.

„Иванъ Ивановичъ Дмишривъ, безъ со-„внѣня, самый счастливый преемникъ, по лег-„кости—Богдановича, а по богашеству мыслей „и величію — Ломоносова. Всѣмъ его стихо-„твореніямъ предпочитаемъ два: *Освобожде-„ніе Москвы и Ермака*. Но индѣ и у него „слишкомъ много словъ, а мѣстами замѣшна „Французская высокопарность (см. къ Вол-„гѣ).“ —

Радуемся, чпто Кришникъ опдаеть полную и должную справедливость почтенному Неспору Стихотворцевъ нашихъ; но какъ, говоря о преемникахъ Ломоносова, забылъ онъ Державина, перваго Русскаго Лирика, генія, котораго одного мы смѣло можемъ противопоставить лирическимъ Поэтамъ

всѣхъ временъ и народовъ! Но мы сами забываемъ, чпто для Г. Кришника — первый нашъ Лирикъ — кто бы кому повѣрилъ? — Богдановичъ! чпто, можете бытъ, онъ и не подозрѣваетъ существованія шоржественныхъ Оды Ломоносова, которыя опдѣльными, разсѣянными въ нихъ красопами не только взвѣшиваютъ, но далеко превосходятъ извѣстныя Кришнику Оды поучительныя; чпто онъ не только здѣсь, но вовсе не упомянулъ о Державинѣ; не упомянулъ также о Пушкинѣ, котораго имя въ 1825 году, кажется, могло бы, должно бы бытъ уже извѣстнымъ всякому, судящему о Русской Словесности!

„Въ Романсахъ и Балладахъ Рускіе „Стихотворцы рѣдко вызывались надъ дан-„ными для оныхъ правилами Сульцера и „надъ сочиненіями въ семь родъ Шибелера „и другихъ Нѣмецкихъ Писателей 18 сто-„лѣтія. Доказательствомъ сему могутъ по-„служить *Свѣтлана* и *Двѣнадцатъ спл-„щихъ Дѣвъ* Жуковскаго. Переводчикъ гово-„ритъ, чпто слогъ Жуковскаго смѣль, кра-„шоекъ, мощень: но шаковымъ по крайней мѣ-„рѣ нельзя назвать слогъ послѣдняго произве-„денія. Лучше — *Пѣвецъ во станіи Рус-„скихъ воиновъ* и *Теонъ и Эскинъ* его же: „здѣсь встрѣаемъ немного болѣе жизни, и

„въ способъ изложенія нѣкоторое сходство съ Балладами Шиллера, коего творенія, „какъ увѣряешь Переводчикъ, Жуковскій хорошо знаетъ. Но самое благодѣтельное дѣйствіе Шиллеръ и вообще Нѣмецкая Словесность оказали на младшемъ изъ всѣхъ здѣсь исчисленныхъ Стихотворцевъ, Кн. Вяземскомъ, который, вопреки Переводчику, отличается болѣе чувствомъ, нежели (какъ увѣряешь насъ Г. Ф.-д.-Боргъ) остроуміемъ и умомъ проницательнымъ. Свихи его: *Къ друзьямъ*, и еще болѣе: *Къ Н. Н. на смерть сына*, подтверждають наше мнѣніе.“ (Выписка изъ послѣдняго стихотворенія.) —

Хотя здѣсь Нѣмецкій Критикъ, по своему обыкновенію, сужденіе свое основываетъ на двухъ, небольшихъ произведеніяхъ Кн. Вяземскаго, однако же на сей разъ мы довольно съ нимъ согласны, и скажемъ любезному намъ Поэту со всею откровенностію, къ которой онъ съ нашей стороны привыкъ: и мы увѣрены, что ему болѣе суждено дѣйствовать на сердце своихъ читателей изліяніемъ собшеннаго сердца, нежели щеголять передъ ними ложнымъ и не рѣдко заимствованнымъ остроуміемъ! —

Въ заключеніе Критикъ желаетъ, чтобы Г. Фольдъ-Боргъ сообщилъ Нѣмцамъ точныя, непоповленные переводы нашихъ сла-

ринныхъ народныхъ Пѣсень, „въ которыхъ“ (будто бы) „говорится о богахъ древнихъ Славянъ, прѣшесвахъ Владиміровыхъ, вѣстияхъ его времени, которыя“ (будто бы) „всѣ дышати глубокою заунывно-стію.“ — Мы не знаемъ Пѣсень, (ни даже Сказокъ), въ коихъ говорилось бы о богахъ Славянскихъ; также можемъ увѣрить Г. Критика и Г. Фольдъ-Борга, что не всѣ наши старинныя Пѣсни заунывны: но раздѣляемъ отъ всего сердца просьбу перваго Г. Фольдъ-Боргу, человѣку съ истиннымъ дарованіемъ, просьбу, передашь своимъ соотечественникамъ лучшія наши Пѣсни и Сказки народныя, особенно же *Слово о плку Игоревѣ*; — присовокупляемъ только желаніе, чтобы, при семъ важномъ трудѣ, пользовался Переводчикъ лучшими совѣтами, нежели какими руководствовался доселѣ!

В. Кюгельбекеръ.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. ПОЛЕВАГО.

Que dites-vous du livre d'Hermolote? — Qu'il est mauvais, répond Anthime; qu'il est mauvais. — Qu'il est tel, continue-t-il, que ce n'est pas un livre, ou qui mérite du moins que le monde en parle. — Mais l'avez-vous lu? — Non, dit Anthime. — Que n'ajoute-t-il que Fulvie et Mélanie l'ont condamné sans l'avoir lu et qu'il est ami de Fulvie et Mélanie.

La Bruyère.

Государь мой!

Будучи совершенно удаленъ по занятіямъ службы и Лихерашуры не только опись журнальныхъ споровъ, но даже и опись чтенія Журналовъ, особенно же вашего Телеграфа, я очень удивился, услышавъ, что вы упомянули въ немъ и обо мнѣ. — Не благодарю васъ за эту честь, коюрой я себя не желалъ, но сдѣлаю вамъ нѣсколько замѣчаній.

М. А. Дмипріевъ, назвавши меня *первымъ* изъ молодыхъ Московскихъ Спихотворцевъ, увлекся своею ко мнѣ дружбою. — Онъ былъ приспращенъ, ошибся; но приспращенія и ошибки такого рода скорѣе прощаются, нежели тѣ, копорыя происходятъ опись *другихъ* побуждений.

Я лучше васъ знаю, что превосходный талантъ Г. Щепкина поддержалъ почти всѣ мои піесы. — Публика Московская также это знаетъ — и такъ не было вамъ нужды говорить это.

Кажется, вамъ хошѣлось похвалить *Лукавина*. Не благодарю васъ, потому, что хорошее въ этой піесѣ принадлежитъ Шеридану, а несовершенство принадлежитъ мнѣ.

Вопреки вашимъ словамъ, я никогда не подражалъ Пикару; хотя, не во гнѣвъ вамъ; Пикарь часто достоинъ подражанія.

Піесъ значительныхъ и оригинальныхъ вы можете *ожидать* опись меня; но *требовать* въ правѣ только мои приятели, а вы никогда не принадлежали и не будете принадлежать къ числу ихъ.

Читая и перечитывая сочиненія Гг. Кн. Шаховскаго, Хмельницкаго, Кокоскина и Загоскина, я всегда спарался приблизиться къ нимъ легкостью и силою слога. — Если бы Гг. Жандръ и Павловъ написали Комедіи также хорошо, какъ написаны ими *Вильцеславъ* и *Мирія Стуртъ*, то я за честь бы поставилъ себя подражать имъ; но они, къ сожалѣнію, не занимались Комедіями. — Г. Дунина-Борковскаго я знаю только по отрывкамъ изъ перевода *Школы мужей*, и право, изъ нихъ нѣчему научиться. Г. Грибовдову я не стану подражать въ слогѣ потому, что нашель себя другіе образцы. —

Люблю и уважаю Г. Раича, какъ Автора и человека; наслаждаюсь его переводомъ *Георгикъ* и отрывками изъ *Освобожденнаго*

Иерусалима, но, къ сожалѣнію моему, нигдѣ не читалъ его *лирическихъ* стихотвореній, и отъ него не слыхивалъ, чшобъ онъ упражнялся въ этомъ родѣ. Ни отъ кого еще, кромѣ васъ, не слыхалъ о успѣхахъ Г. Шевырева въ Поэзіи.

Совершенно согласенъ съ вами, что Водевиль есть бездѣлка; но бездѣлка дѣлающая удовольствіе публикѣ, гораздо лучше и важнѣе сухихъ журнальныхъ статей и плохихъ переводовъ.

Вы сами себя прошиворѣчите, сказавъ сперва, что не знаете, кто *Московскіе* Стихотворцы, а кто *молоды* и кто *стары*, а послѣ называя Подшова, живущихъ въ *Москвѣ* и *недавно* выступившихъ на поприще.

Вы называете мои подражанія Скрибу *вздорными*. Неразборчивость ваша въ выраженіяхъ дала бы и мнѣ право называть *вздорными* вашъ Журналъ, и, можете быть, съ большимъ основаніемъ; но я не хочу подражать вамъ, а только прошу, пока вы волею или неволею не спанете соблюдать приличій, прошу избавить меня отъ помѣщенія имени моего въ Телеграфѣ.

Послѣ сего вы уже догадаетесь, почему и Г. Дмишріевъ не хотѣлъ съ вами соспизаться.

Слуга вашъ

Александръ Писаревъ.

Москва, 30 Іюля 1825.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА.

Прибавленіе къ статьѣ: Еще на одну статью Дамскаго Журнала (См. С. О. 1825, кн. II, стр. 294.)

Защипникъ статьи Г. Воейкова, (подъ заглавіемъ *Образецъ Краснорѣчія*, помѣщенной въ 7 кн. Дамскаго Журнала), подписывающійся *Владиміромъ Елагинымъ*, изъ Пензы, напечаталъ еще статью въ 15 кн. Д. Ж., изъ села *Астафьева*, въ видѣ письма на мое имя. Долгомъ поставляю отвѣчать, но не Г. Елагину, ибо его *существованіе* болѣе нежели сомнительно, а вообще для тѣхъ читателей С. О., которые обращали вниманіе на этотъ споръ.

Защипникъ Г. Воейкова опровергаетъ мое оправданіе Г. Булгарина слѣдующимъ образомъ:

1) „Дѣло шло о Поэзіи Г. Перевощикова а стихъ:

Здѣсь Каллирое съ Корезомъ сномъ покоялся
вѣчнымъ и проч.

есть чужой стихъ. Гдѣ же опроверженіе? гдѣ же правость Фаддея Венедикшовича?“

Вопшь опроверженіе: впошь стихъ (равно какъ и все ашо стихотвореніе), написанъ Г. Перевощиковымъ, кошорый и самъ, молчаніемъ своимъ, подтвердилъ сіе показаніе. Время не ушло: если впошь стихъ чужой, по почтенный Г. Перевощиковъ можешь рѣшить споръ однимъ словомъ.

2) „Для показанія, что во вшоромъ изданіи Образцовыхъ Сочиненій, порядокъ пѣсь перемѣненъ, и много прибавлено новыхъ, напечатано (въ 11 кн. С. О.) оглавленіе пятой части сей книги, а Ѳ. В. произнесъ свой судъ о двухъ первыхъ частяхъ, въ коихъ порядокъ и выборъ стихотвореній остался совершенно пошь, какой находился въ первомъ изданіи. Гдѣ жъ опроверженіе?“

Здѣсь. Въ 7^й книжкѣ Д. Ж. сказано ошнюдь не о первой и о второй частяхъ Образцовыхъ Сочиненій, а обо всемъ Собраніи: „Смѣемъ увѣрить почтенную ошечественную публику, что во второмъ изданіи, порядокъ и выборъ стихотвореній остался прежній, ш. е. совершенно пошь, какой находился въ первомъ, безъ малѣйшей перемѣны и перестановки.“ О первыхъ ли пошько двухъ частяхъ здѣсь говорится?— Сверхъ того и въ первыхъ двухъ частяхъ есть зна-

чительные варианты (*). Слѣдственно, Г. Булгаринъ и въ семь случаевъ былъ совершенно правъ.

(*) Въ изданіи *Образцовыхъ Сочиненій* 1822 года, прошивъ изданія 1816 года, *выпущены* слѣдующія стихотворенія: въ 1 томѣ: 1. Рабство, соч. Капниста. 2. Счастливецъ, Башюшкова. 3. Властителямъ и судьямъ, Державина. 4. Скоропечность юности, Гнѣдича. Во вшоромъ томѣ: 1. Къ Дилъ, Башюшкова. 2. Разлука, Башюшкова. 3. Пѣсня: На листочкѣ нѣжной розы, Кошрова. 4. Пѣсня: Мы желали и свершилось, Карамзина. 5. Пѣсня: Въ чемъ я виненъ предъ шобюю? Мерзлякова. 6. Романсъ: Осень блѣдная въ поляхъ. 7. Мудрость, Давыдова. 8. Веселый часть, Башюшкова. 9. Пѣсня: Ты проходишь, дорогая. — *Прибавлены* слѣдующія: Въ 1-мъ томѣ: 1. Приглашеніе къ обѣду, Державина. 2. Надежда, Башюшкова. 3. Къ кораблю, Милонова. 4. Финляндія, Барашынского. 5. Подражаніе 45 Псалму, Шашрова. 6. Къ судьбѣ, Мерзлякова, 7. Гробница, М. Дмишріева. 8. На коварство, Державина. 9. Прошедшее, М. Дмишріева. 10. Элизіумъ, Жуковскаго. 11. Совѣсть, Плешнева. 12. Подражаніе Псалму XIV, Шашрова. 13. На рожденіе Гремиславы, Державина. 14. Надежда, изъ Шиллера, М. Дмишріева. Во 2-мъ томѣ: 1. Тоска сельской дѣвушки, Мерзлякова. 2. Чувство разлуки, Мерзлякова. 3. Ода на смерть Князя Кушужева, Державина. 4. Богъ въ нравшвенномъ мѣрѣ, Восшокова. 5. Къ наприошамъ,

3) , Я доволен сознаниемъ, что Драмы *Борисъ Годуновъ* не существуетъ (*). Но будете ли имъ довольны Ѳаддей Венедикшовичъ?“

Надюсь. — Одинъ Корреспондентъ въ No 15 Сѣв. Пч. назвалъ Драмою *Борисъ Годуновъ* Драму *Болринъ Матѣевъ*, и самъ чрезъ два дня прислалъ о томъ замѣчаніе, которое напечатано въ 4 кн. С. О. Защитникъ Г. Воейкова вывелъ изъ сего, что Г. Булгаринъ не читаетъ книгъ, которыя кришкуютъ. Забавно!

4. „Я доволенъ сознаниемъ, что Ѳ. В., говоря о спискѣ военныхъ Генераловъ, могъ не *досмотрѣть*, могъ *ошибиться*; ибо онъ *человѣкъ*.“

Точно такъ! Изъ этой ошибки даже (Г. Булгаринъ, вмѣсто того, чшобъ сослаться

Мерзлякова. 6 и 7. 2я и 3я Тиршесевы Оды, Мерзлякова. 8. На переходъ Альпійскихъ горъ, Державина. 9. Спутники жизни, Милонова. 10. Ласочка, Державина. 11. Подражаніе 127 Псалму, Шапрова. — Многіе жалуются, что наша Литература не оригинальна — несправедливо! Спрашиваемъ: гдѣ и когда возможно было такъ смѣло утверждать то, въ опроверженіе чего, довольно сказать нѣсколько словъ! Г.

(*) Но довольна ли Русская Грамматика эшимъ родителнымъ надежемъ?

на 13 страницу, привелъ 5^ю) именно явствуетъ, что Г. Булгаринъ читалъ сей списокъ, и что онъ ошкрь не кришкуютъ книгъ, коихъ не читалъ, какъ сказано въ обвиненіи.

За симъ защитникъ Г. Воейкова весьма невинно и живописно отклоняетъ отъ себя обязанность отвѣчать на остальные пункты моего возраженія: „У насъ-де рабочая пора: удобряемъ землю, пашемъ парь, кодемъ пшеницу и готовимся къ сѣнокосу, а пошому нѣтъ у меня свободнаго времени отвѣчать на другіе пункты ваши; но имѣю честь васъ увѣрить, что ни одной строки не оставлю безъ опроверженія. У насъ въ Ильинъ день престольный праздникъ, и крестьяне при дни не работаютъ: тогда постараюсь удѣлить отъ хозяйственныхъ заботъ своихъ нѣсколько часовъ, для убѣжденія васъ и пр.“

Но уже наступилъ Сентябрь мѣсяць, а доказательствъ нѣтъ! Теперь г. помѣщикъ скажетъ вѣроятно: „наступили упренники, холодно; воображеніе мерзнетъ.“

Для убѣжденія читателей въ томъ, что спорная статья писана именно въ *Пензѣ*, и *Владимиромъ Елагинымъ*, предложилъ я Авшору оной оправдаться, означивъ, въ какомъ ему угодно Журналѣ, свой чинъ, долж-

носшь и мѣсто жительства, какъ сдѣлаю мною. И что онъ отвѣчаетъ на это?

„На изъясляемой вами сомнѣніе о моемъ существованіи, предлагаю неопразимое доказательство: пишу — следовательно существо.“

Доказательство превеликолѣпное! *Иванъ пишетъ*; следовательно *Антипъ существуетъ*! Теперь позволено и мнѣ сказать: я доволенъ вниманіемъ! Теперь можно догадаться, кто пишетъ статьи въ защиту Г. Воейкова. Повторю: двухъ фениксовъ быть не можешь (*).

Николай Гречъ.

Сентября 1. 1825.

Никольское.

(*) Прошу позволенія читателей моихъ выписать окончаніе этой статьи Дамскаго Журнала: оно вовсе не относится къ Литературѣ, но я не могу умолчать объ этомъ: „Теперь остается мнѣ (пишетъ мнимый *Вл. Елагинъ*) поблагодарить васъ, М. Г., за уведомленіе, что вы служили въ Императорской Публичной Библиотекѣ; вопль это для насъ новосиб. Мы, деревенскіе жители все полагали, что вы и нынѣ находитесь при той же должности, при которой находились въ концѣ 1820 года. Зачѣмъ

О статьѣ въ Польской книжкѣ Новостей Литературы, издаваемыхъ Г. Воейковымъ.

О Журналистахъ я не скажу ни слова: это такой народъ, который увѣтъ повертываться на всѣ стороны, особливо шуда, куда въперъ дуешь; словомъ, это живые или ходячіе флюгеры.

Оливъ. Нов. Лип. Авг. 1825, стр. 99.

Въ сей книжкѣ напечатана статья: *О шестомъ путешествіи по Россіи Издателя*

же вы покинули должность, которую отправляли съ такимъ вождѣльнымъ успѣхомъ?.....“ Изъ этихъ спроекъ и шоекъ, иной можеть заключить, что я опспавленъ, исключенъ, изгнанъ изъ службы. Долгомъ пославляю сказать, что я имѣю честь служилъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ съ Мая мѣсяца 1817 года. Онъ должности же, которую отправлялъ въ концѣ 1820 года, уволенъ я по той причинѣ, что самое мѣсто, которое я занималъ, было упразднено. Съ успѣхомъ ли я отправлялъ должность сію, судить не смѣю, но знаю, что за десятимѣсячное прохождение оной, удостоился я получить при увольненіи, весьма значительное Высочайшее награжденіе, и скорѣ зашѣмъ былъ произведенъ за опшчичіе по службѣ въ наспоющій чинъ. — Повторю извиненіе мое предъ читателями, что занимаю ихъ сими подробностями: я при-

Отечественныхъ Записокъ (*), въ коей, между прочимъ выписаны многія мои сужденія о благонамѣренныхъ и общепользанныхъ трудахъ почтеннаго П. П. Свиньина. Мнѣ пришло было видѣть, что мнѣнія мои, выраженные откровенно и безыскусственно, приведены на память отечественной публикѣ. Я коротко знаю П. П. одиннадцатъ лѣтъ, всегда былъ съ нимъ друженъ, всегда спарался способствовать его трудамъ, и съ благодарностью принималъ его любопытныя спашья. Я никогда не писалъ о трудахъ Павла Петровича ничего такого, что могло бы противорѣчить исчисленнымъ въ сей книжкѣ Н. Л. похваламъ, а если помѣщалъ чужія крипическія спашья на его изданіе въ моемъ Журналѣ, то дѣлалъ сіе по обязанности: я и на свои спашья неоднократно печаталъ у себя же возраженія. Мнѣ жалъ и совершенно пошло, что въ 12 кн. С. О. 1821 г. я позволялъ тогдашнему моему сотруднику (А. Θ. Воейкову) напечатать неоснователь-

нужденъ къ тому! *Non eget tantâ pecuniâ dabo!* — Впрочемъ, и эта замашка защитника Г. Воейкова подтверждаетъ мою догадку, *къмъ* пишушя сія спашья Дамскаго Журнала. Н. Г.

(*) Т. е. *О шестомъ путешествіи Издателя О. З. по Россіи.*

ное мнѣніе объ Отечественныхъ Запискахъ; къ счастью, Г. Свиньинъ (въ О. З. 1821 г.) умѣлъ торжественно отразить все несправедливыя нападенія нынѣшняго Г. Издателя *Новостей Литературы*.

Долгъ плащежемъ красенъ! Въ изъявленіе благодарности за семъ ссылокъ на мои сужденія, приведу двѣ ссылки на Г. Воейкова. Вотъ, какъ постоянно и единообразно онъ судилъ о книгахъ:

Русскій Инвалидъ на 1822 годъ, Дамскій Журналъ, No 190 стр. 758. 1825, кн. 7 стр.

Мы пользуемся симъ случаемъ, чтобы оцѣнить полную справедливость сему Журналу, коего богатое, разнообразное и любопытное содержаніе не только оправдало, но даже и превзошло ожиданія наши. *Съверный Архивъ* не принадлежитъ къ числу вѣременныхъ явленій въ ученomъ свѣтѣ, копорыхъ крапковременный блескъ служилъ нерѣдко предвѣшникомъ скорого и всегдашняго забвенія. Съверный Архивъ—Журналъ, копорый, по сущности своего содержанія, дурному слогу и чрезвычайной дороговизнѣ, мало извѣстенъ, еще меньше раскупаешя, и читается только съ прашьями и охотниками до древностей и ли-

нiя. Изданiе Г. Булгарина перашурныхъ пойдешъ на ряду съ Древнею Россiйскою Вивлиоикомъ, и занявъ почешное мѣсто въ Россiйскихъ книгохранилищахъ, приобрѣпешъ себѣ съ лѣшами еще большую и постоянную цѣну.

А. Воейковъ.

Если со временемъ Г. Воейковъ спанешъ еще судишь о Сѣверномъ Архивѣ, шо мы не преминемъ сообщить о шомъ нашимъ члпашелямъ: не знаемъ, на которую спорону ллгутъ будущiя его сужденiя. — Tempora mutantur!

Николай Гречъ.

Сентября 1. 1825

Никольское.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФIЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

53. *Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертiи души, тогда токмо утѣшительномѣ, когда истина онаго утверждается на точномѣ ученiи Вѣры и Церкви. Сочиненiе Евстафiя Станевича. Второе изданiе. По Высочайшему повелѣнiю. С. П. б. 1825, въ шип. Императорской Россiйской Академiи, въ 8, 313 стр.*
54. *Записки о происшествiяхъ, случившихся въ Тамплѣ, съ 13 Августа 1792 по день кончины Дофина, Лудовика XVII. С. П. б. 1823, въ шип. Особ. Канц. М. В. Д., въ 12, 85 стр.*
(См. No 99 Сѣв. Пчелы.)
55. *Два сержанта или великодушные друзья, Драма въ 3 дѣйствiяхъ. Переводъ съ Французскаго А. В. Ивано-*

ва. С. П. б. 1825, въ Театр. лини., въ 8,
107 стр.

(См. No 100 Сѣв. Пчелы.)

56. *Постепенныя занятія переводами съ
Русскаго языка на Французскій и Нѣ-
мецкій.* Двѣ часши. С. П. б. 1825, въ
тип. К. Крайя, въ 8, 117 и 112, и въ
Словарѣ 184 стр.

(См. No 104 Сѣв. Пчелы.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. N° XVIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КВИТАНЦІЯ ПОСЛѢ СМЕРТИ, ПОВѢСТЬ,

РАСКАЗАННАЯ СЛЫШИМЪ СКРИПАЧЕМЪ (*).

(Изъ *Редгонглета*, Романа С. Вальтера Скотта.)

Вы конечно слышали о Сирь-Робертѣ Редгонглеть, который жилъ въ нашей спо-
ронѣ до дорогихъ годовъ? Здѣшній край дол-
го его не забудеть: опцы наши чужь смѣли
дышать, когда слышали его имя. Онъ былъ
вмѣстѣ съ горцами во время Монроза, и его
видѣли еще въ горахъ съ Глинкерномъ въ

(*) Въ сей Повѣсти чипашель увидишь живое
изображеніе стариннаго суевѣрія и раздоровъ въ
Шотландіи. Безпристрастные наблюдатели
нравовъ, сравнивая прошедшее съ настоящимъ,
справедливѣе оцѣнять пользу просвѣщенія, ко-
торое испребляеть ненависть къ людямъ и
вредныя предрассудки. Съ симъ намѣреніемъ на-
писанныя Повѣсти, при всей спрранности ихъ
содержанія, могутъ бысть занимательны. Не
надобно только шеряшь изъ виду цѣли остро-
умнаго Автора.

1652 году: за то, когда Король Карль II возвращался, то кто у него былъ въ болшей милоспи, какъ не Лердъ (*) Редгоншлешъ? Онъ былъ произведенъ въ рыцари при Лондонскомъ Дворѣ, собственною рукою Короля, и бывши изъ самыхъ горячихъ защитниковъ Епископской ереси (**), прибылъ сюда, сердитъ какъ левъ, въ званіи Намѣстника Графства и съ порученіемъ выжить всѣхъ Виговъ и всѣхъ тѣхъ, которые приняли спорону Парламентна (Covenant). Спрашное было тогда время, пошому, что Виги были сполько же безпокойны, сколько Кавалеры (***) упримы, и между ними бывало кто первый напалъ, пошь и правъ. Редгоншлешъ всегда хозѣлъ брашь сплюку; имя его также спало извѣстно въ здѣшней споронѣ, какъ имена Клевергоуза и Тома Далейла. Ни долина, ни ушестъ, ни пещера не спасали бѣдныхъ нашихъ горныхъ жителей. Редгонш-

(*) Лердъ (Laird) у Шотландцевъ значить пошн спю же, что Лордъ у Англичанъ. *Перев.*

(**) Это говоритъ иновѣрецъ, слѣпой музыкантъ, привязанный къ признанной въ Шотландіи Протестантской Пресвитерской Церкви, которая такъ называется въ прошивуположностъ Английской Епископской. *Перев.*

(***) Кавалерами назывались въ Англии дворяне Римско-Католическаго исповѣданія, приверженцы Спугаршова Дома. *Перев.*

лешъ, трубя въ рога, гонялся за ними съ спякою собакою, какъ будто за спадомъ оленьей. И какъ скоро бывало поймаетъ конораго, то ни больше ни меньше съ нимъ чинится, чѣмъ горецъ съ дикою козою. — „Присягнешь ли ты?“ спрашивать онъ; и если пошь мигомъ не повиновался, шакъ: — „слушай! пали!...“ Спошришь — человекъ и свалился.

За то ненависть и спрахъ, внушенный Сиръ-Робертшомъ, очень далеко разнеслись. Думаали, что онъ заключилъ закладную съ дьяволомъ, что его спаль не браа, что пуди отскакивали отъ его колѣпа изъ буйволовоы кожи, какъ градины отъ спѣны; что у него была кобыла, которая оборачивалась въ зайца по шу спорону Герифра-Гауна, и много другаго прочаго, о чѣмъ я вамъ перескажу послѣ. Самое болшее благословеніе ему было: чоршь возьми Редгоншлеша! — А со всѣмъ тѣмъ онъ былъ нехудой господинъ, и арендашоры его любили; что до его солдашь, которые помогали ему въ гоненіяхъ, какъ Виги называли это несподѣе, — то не проходило ни минушы, чшюбъ они не были гошовы до пьла нарѣзаться за его здореве.

Надобно вамъ знать, что дѣдъ мой жилъ въ помѣстьѣ Редгоншлеша, въ усадѣбѣ, назыв-

ваемой Примрозъ-Новъ , и что опцы мои издавна тамъ поселились. Мѣсто было при-вольное, и мнѣ казется, что воздухъ тамъ здоровѣе и свѣжѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ здѣшняго края. Теперь оно брошено и запущено: три дни тому назадъ, сидѣлъ я тамъ на расколотомъ порогѣ дома, и радъ-радъ былъ, что не могу видѣть этого пустыря. . . . Но дѣло не о томъ.

Тамъ-то жилъ мой дѣдъ Спини Спинсонъ, а дѣдъ мой былъ удалой дѣпина, и въ молодые свои годы живалъ не безъ проказъ и порыскалъ по свѣту. Онъ былъ опытной игрокъ на волынкѣ, и славился за пѣсню: *Hoopers and Ginders*; никто въ цѣломъ Кумберлендѣ не равнялся съ нимъ въ игрѣ: *Jackie Lullin*, и шакого, какъ онъ, искусника перебирать пальцами, нельзя было найши ошъ Бервика до Карлейла. Такой человекъ, какъ Спини, былъ не изъ того лѣсу, изъ котораго дѣлають Виговъ; почему онъ и сдѣлался *Тори*, п. е. Якобитомъ, какъ теперь мы ихъ называемъ; а это по нуждѣ, чтобы держаться той или другой стороны. У него не было худаго на мысли прошивъ Виговъ, и человеческой крови проливать онъ не любилъ. Хопя и принужденъ былъ ходить съ Сиръ-Робертномъ на справлю, п. е. на войну; только многое, что видѣлъ, было ему не

по сердцу, а иногда, можешь быть, и самъ шакое жъ дѣлывалъ, когда не могъ того мн-новать.

Дѣдъ Спини былъ, такъ сказать, лю-бимцемъ своего господина; всѣ жившіе въ замкѣ его знали, часто посылали за нимъ, и заспавляли играть на волынкѣ подъ веселый часъ. Старый погребщикъ Дугаль-Макъ-Каллумъ, рыскавшій съ Сиръ-Робертномъ по горамъ и по доламъ, къ худу и къ добру, спра-стно любилъ этошь инструментъ, и при всякомъ случаѣ, не позабывалъ замолвить. Лерду доброе слово за моего дѣдушку, по-тому что дѣлалъ изъ своего господина все, что хотѣлъ.

Наспала наконецъ переменна правленія, и подумалъ бы кто, что она надорвала сердце Дугала и его господина; однако жъ переменна не совсѣмъ такъ была худа, какъ они боя-лись, и какъ всѣ думали. Виги вслухъ крича-ли о томъ, что они сдѣлають съ старин-ными своими врагами; а особливо съ Сиръ-Робертномъ Редгоншлестомъ; только слиш-комъ много было знашныхъ людей, которые около того жъ помазались, и не легко было передѣлать свѣтъ съизнова. По этому Пар-ламентъ, мало по малу, замурилъ глаза на прошлое, и Сиръ-Робертъ оспадся какъ и былъ, съ тою только разницею, что для

попѣхи, ему осмалось шравить однихъ дн-
сиць, вмѣсто сообщниковъ Парламента.
Пирушки его также были шумны, какъ и
прежде; замокъ его былъ освѣщенъ, какъ и
прежде, хотя онъ уже и не бралъ поборовъ
съ оппашихъ (pop-conformistes), у кото-
рыхъ вошло быдо за привычку, наполнивъ
его погребъ и запасный дворъ. Вошь ошъ
моге-шо онъ и началъ получше присмашри-
вашъ за наймами; и если его арендаторы
позабывали явиться въ срочный день, шо
Лердъ былъ недоволенъ. Онъ же такой всѣмъ
страхъ задавалъ, что никому не было охоты
сердить его: но кляшвамъ, гнѣву и грозно-
му его виду иногда невольно всѣмъ казалось,
что онъ самъ сапана въ чедовъчьемъ пѣльѣ.

Дѣдушка мой, сказать правду, былъ не
великой хозяинъ: не шо, чтооь онъ былъ
очень расночипеденъ, да не умѣлъ бере-
гать; ошъ чего и задолжалъ Лерду за два
срока найма. Съ первымъ онъ кое-какъ раз-
дѣлаася, при помощи медовыхъ своихъ словъ
и вольнки; но когда насталъ день Св. Мар-
тина, шо къ нему пришелъ приказъ, или
заплашить за наемъ, или убираться вонъ.
Не легко было Спини раздобыться деньгами;
да какъ у него было не безъ добрыхъ при-
телей, шо пошаривъ у всѣхъ въ карманахъ,
удалось ему собрать должные тысячу мар-

ковъ. Самую большею долею ссудилъ его
одинъ сосѣдъ, по имени Лаури Лепрейкъ,
сущая лиса: у него всегда важивались день-
ги; умѣлъ онъ пуститься и съ собаками въ
гоню, и съ зайцемъ на успехъ, былъ и Вигъ
и Тори, смощря по погоду. Онъ могъ бы
и мастера поучить въ науку превращеностей
сего свѣта; однако жъ подъ часъ любилъ по-
слушать, какъ играютъ пѣсенку на вольн-
кѣ, а больше думалъ, что посѣвъ, скопѣ и
скарбъ Примрозъ-Новской аренды были на-
дежною порукою за его деньги.

Вошь у моего дѣдушки ошъ сердца ошъ-
делго, а въ карманъ пошяжелѣло; онъ и ошъ-
правился въ замокъ Редгонплетшъ, радуясь,
что ему уже нѣчего бояться гнѣва Лердова.
Что жъ? прибывши туда, съ самаго перна
узналъ онъ, что Сиръ-Робертъ раснрево-
дилъ у себя подагру ошъ досады и непернъ-
дивосши, для чего Спини не явился еще въ
полдень; не шо, чтооь онъ очень гнался за
деньгами, — какъ думалъ Дугаль — а боль-
ше, что ему не хотѣлось бы выслать мое-
го дѣда изъ аренды. Дугаль обрадовался, уви-
дѣвши Спини, и ввелъ его въ большую ком-
нату, обншую рѣзбою изъ дубоваго дерева:
знамъ Лердъ сидѣлъ одинъ, кроиъ развѣ, что
съ нимъ была большая, скаредная обезьяна,
его любимица, прокляшая скошннѣ, кошо-

пошѣхи, ему осшалось правдѣть однихъ листицъ, вмѣсто сообщниковъ Парламента. Пирушки его также были шумны, какъ и прежде; замокъ его былъ осдѣченъ, какъ и прежде, хотя онъ уже и не бралъ поборовъ съ ошпадшихъ (non-conformistes), у которыхъ вошло быдо за привычку, наподнятъ его погребъ и запасный дворъ. Вошь ошъ того-то онъ и началъ получше присматривать за наймами; и если его арендаторы позабывали явиться въ срочный день, то Лердъ былъ недоволенъ. Онъ же шаккой всѣмъ спрахъ задалъ, что никому не было охоты сердить его: но кляшамъ, гнѣву и грозному его виду иногда невольню всѣмъ казалось, что онъ самъ сапана въ чедовѣчьемъ шѣвъ.

Дѣдушка мой, сказать правду, былъ не великой хозяинъ: не шю, чтошъ онъ былъ очень расночипеденъ, да не умѣлъ берегать; ошъ чего и задолжалъ Лерду за два срока найма. Съ первымъ онъ кое-какъ раздѣлался, при помощи медовыхъ своихъ словъ и волынки; но когда настала день Св. Мартина, шю къ нему пришелъ приказъ, или заплашитъ за насемъ, или убираться вонъ. Не легко было Спини раздобыться деньгами; да какъ у него было не безъ добрыхъ приятелей, шю поширивъ у всѣхъ въ карманахъ, удалось ему собрать должные шысячу мар-

ковъ. Самою большею долею ссудилъ его одинъ сосѣдъ, по имени Лаури Лепрейкъ, сушая лиса: у него всегда вакивались деньги; умѣлъ онъ пусшиться и съ собаками въ гоню, и съ зайцемъ на ушекъ, былъ и Вигъ и Тори, смощря по погоду. Онъ могъ бы и мастера поучить въ науку превращенношей сего свѣта; однако жъ подъ часъ дѣвиль послушать, какъ играютъ пѣсенку на волынкѣ, а больше думалъ, что посѣвъ, скошь и скарбъ Примрозъ-Новской аренды были надежною порукою за его деньги.

Вошь у моего дѣдушки ошъ сердца ошдѣгло, а въ карманѣ пошяжелѣдо; онъ и ошправился въ замокъ Редгонплетшъ, радуясь, что ему уже нѣчего бояшся гнѣва Лердова. Что жъ? прибывши шуда, съ самага перва узналъ онъ, что Сиръ-Робертъ расшревожилъ у себя подагру ошъ досады и непершдивосши, для чего Спини не явился еще въ полдень; не шю, чтошъ онъ очень гнался за деньгами, — какъ думалъ Дугаль — а больше, что ему не хошѣлось бы выслать моего дѣда изъ аренды. Дугаль обрадовался, увидѣвши Спини, и ввелъ его въ большую комнату, обшую рѣзбою изъ дубоваго дерева: шамъ Лердъ сидѣлъ одинъ, кромѣ развѣ, что съ нимъ была большая, скаредная обезьяна, его любимица, прокляшая скошина, кошо-

рая дѣлала истинно адскія проказы. Угодишь ей было трудно, а бѣсилась она за всякую бездѣлицу; бѣгала по всему замку, визжала, щипала и кусала встрѣчнаго и поперечнаго, особливо передъ худымъ годомъ или какою-либо сумашохою въ Государствѣ. Сирь-Робертъ называлъ ее Маіоромъ Вейрдомъ (*), по имени одного чернокнижника, котораго сожгли; и мало нашлось шакихъ, кому бы по сердцу были имя и повадки этой шварри. Думали, что въ ней что-то было не просто, и дѣдушку моего подрало по кожѣ, когда дверь заперли, и онъ увидѣлъ себя въ комнатѣ глазъ на глазъ только съ Лердомъ, Дугаломъ-Макъ-Каллумомъ и Маіоромъ, чего ему прежде никогда не случалось.

Сирь-Робертъ сидѣлъ, можно почти сказать, лежалъ въ большихъ креслахъ съ ручками, въ бархатномъ своемъ халатѣ, пропянувши ноги на скамеечкѣ, потому что онъ спрдавалъ каменную бользнью, также какъ и подагрю; лице у него было пасмурно и страшно, словно у шапаны. Передъ нимъ сидѣлъ Маіоръ Вейрдъ въ красномъ кафшанѣ съ галунами и съ лердовымъ парикомъ на головѣ; всякой разъ, когда Сирь-Робертъ морщился отъ боли, обезьяна по-

(*) Weird колдунъ.

же дѣлала хари, такъ что гадко и страшно было глядѣть на эту пару. Лердовъ колеть изъ буйволловой кожи висѣлъ у спѣны на крючкѣ, а сабля и пистолетъ его были почши подъ рукою; онъ, видите, держался старинной привычки, имѣть оружіе наготовѣ, а коня подъ сѣдломъ и въ уздѣ денно и ночью, такъ какъ это важивалось, когда онъ былъ въ силахъ вздѣть верхомъ на полѣху, ш. е. выгонялъ изъ норъ бѣдныхъ Виговъ, которыхъ запримѣшилъ. Иные говорятъ, будто бы онъ держалъ при себѣ оружіе для того, что бояся мщенія Виговъ; а я такъ думаю, что это было проспо по привычкѣ: не шакой онъ былъ человекъ, чтобъ бояся кого бы то ни было. Расчетная его книга, въ черномъ сафьянномъ переплетѣ съ мѣдными заспешками, лежала подлѣ него, а между листами вложенъ былъ пѣсенникъ веселыхъ головъ, вмѣсто закладки, чтобъ листы не закрылись на томъ мѣстѣ, гдѣ сказано было: что Спины, арендаторъ Примрозъ-Новскій, состоишь въ недоимкѣ за истекшій срокъ своего найма и оброка.

Сирь-Робертъ взглянулъ на дѣда моего свирѣтымъ взглядомъ. Кешаши вамъ сказать, что у него былъ особый свой манеръ, су-

цать брови такъ, что на лбу его ясно виднѣнъ былъ глубоко врѣзанный знакъ подковы.

„Не съ пускыми ли ты руками пришелъ, вольничкино опродье?“ сказала Сирь-Робертъ: „Прахъ возьми! если такъ . . .“

Дядь мой, спокойнѣе какъ могъ, подвинулъ ногу впередъ и положилъ на сполъ мѣшокъ денегъ съ такою ужимкою, какъ чедовѣкъ, который доволенъ, что ладно спроворилъ свое дѣло.

Лердъ топчась прищипнулъ къ себѣ мѣшокъ: — „Все ли здѣсь, Спини?“

— „Ваша честь увидите, что счесть въ-ренъ!“ отвѣчала дѣдушка. —

„Эй, Дугаль!“ сказала Лердъ: „поди и дай Спини рюмку водки, а я между тѣмъ сосчитаю деньги и напишу квиванцію.“

Но едва они вышли изъ комнаты, какъ Сирь-Робертъ вскрикнулъ не своимъ голосомъ, такъ, что весь замокъ задрожалъ. Дугаль бросился къ нему опроремью. Всѣ слуги сбѣжались, а Лердъ не переставалъ кричать, часъ отъ часу страшнѣе. Дядь мой не зналъ, что дѣлать; наконецъ отважился войти въ комнату, гдѣ все было вверхъ дномъ, — нѣкому сказать: войди, или спупай вонъ. Лердъ ревѣлъ ужасно и просилъ холодной воды на ноги, а вина промочить

горланъ, и — „ады! ады! ады!“ — такія слова были у него безпререстанно на языкѣ.

Ему принесли ушашъ холодной воды, и какъ скоро онъ всунулъ пуда распухшія свои ноги, то мигомъ ихъ ошдернулъ назадъ, вскрикнувъ, что вода его ждесть; многіе люди говорящъ, что она и за правду кипѣла, какъ въ котлѣ на угольяхъ. Онъ пустилъ въ голову Дугалу спаканъ съ виномъ, кошорый пошъ ему подаль, проговоря, что онъ подчиваешъ его кровью, вмѣсто вина; и что вѣрно, что служанка, чистя коверъ на другой день, нашла на немъ запекшуюся кровь. Обезьяна, кошорую онъ называлъ Маіоромъ Вейрдомъ, кричала и кривлялася, какъ будто бы насмѣхался надъ своимъ господиномъ. Дѣдушкѣ моему показалось, что свѣшъ у него кругомъ пошелъ: не думалъ ужъ онъ ни о деньгахъ, ни о квиванціи; побѣжалъ съ дѣстницы слома голову, и когда скакалъ по ступенькамъ, то крикъ Лерда становился слабѣе; дѣду послышался какъ будто вздохъ, и въ пошъ же мигъ по всему замку завопили, что Лердъ скончался.

Вотъ мой дѣдушка и пошелъ домой съ пальцемъ во рпу; одно его ушѣшало, что Дугаль видѣлъ мѣшокъ съ деньгами, и слышалъ, какъ Лердъ обѣщаль заготовить квиванцію. Молодой Лердъ, Сирь-Джонъ, на шу пору

прѣхалъ изъ Эдимбурга, чтобы привести дѣла въ порядокъ. Онъ съ опцемъ своимъ никогда не жилъ въ ладу. Онъ сдѣлался Адвокатомъ, и былъ Членомъ послѣдняго Шотландскаго Парламента, который подалъ голоса на присоединеніе къ Англіи, и за то, какъ говорили, ему было не худо; отецъ его за это поступокъ раздробилъ бы ему голову о свой гробовой камень, если бы могъ выйти изъ могилы. Не мало людей было пѣхъ мыслей, что съ старымъ брюзгою рыцаремъ легче было вести дѣло, чѣмъ съ красноречивомъ, сыномъ его; мы послѣ дойдемъ до этого.

Дугаль Макъ-Каллумъ, бѣднякъ, не вѣлъ и не плакалъ; онъ бѣгалъ взадъ и впередъ по дому, бѣденъ какъ смерть, и дѣлалъ распоряженія къ похоронамъ, потому, что это была его обязанность. Каждый вечеръ, когда ночь наступала, видъ у него становился еще пасмурнѣе, нежели днемъ, и онъ уходилъ всегда послѣдній. Камната его была прямо проптивъ той, которую господинъ его занималъ при жизни, и въ которой тѣло его было положено на парадномъ одрѣ, какъ говорились. Что же? въ ночь наканунѣ погребенія, Дугаль не могъ дольше удержаться, откинулъ свѣсъ въ сторону, и упростилъ старика Гущона прійти на часокъ поси-

дѣть съ нимъ въ комнату. Когда они вошли туда, Дугаль поднесъ ему рюмку водки; налилъ себѣ другую и выпилъ, говоря, что желаешь ему долго жить и въ добромъ здоровьѣ; самъ же онъ не надолго османется на бѣломъ свѣтѣ, потому что всякую ночь, по смерти Сиръ-Роберта, слышитъ онъ въ комнатѣ покойника свистъ на серебряномъ свисткѣ, какъ бывало, когда господинъ его зывалъ къ себѣ живо, чтобы помочь ему перевернуться съ боку на бокъ. Онъ прибавилъ, что находясь одинъ съ мершвецомъ въ этой части замка (никто кромѣ его не отважился проводить ночей у шѣла Сиръ-Роберта Редгонилеша, какъ проводять подлѣ другихъ покойниковъ), не осмѣливался онъ опивчаться на свистокъ; но совѣсть его упрекаетъ за невыполненіе своего долга; „потому что хотя смерть и разрываетъ всѣ обязанности службы“ прибавилъ онъ: „только она не заставитъ меня выйти изъ послушанія къ Сиръ-Роберту; и какъ скоро свистъ раздастся, я пойду къ своей обязанности, Гущонъ, лишь бы ты согласился итти со мною.“

Гущону это было крайне не любо; но какъ онъ вмѣстѣ съ Дугаломъ хаживалъ на войну и дрались они шамъ рука объ руку, то и въ этомъ случаѣ не хотѣлъ онъ его

покинушь. Вопль и остались они вдвоем у стола, а на столъ между ними кружка съ водкой. Гупчонъ былъ опчашни грамошень, и вызвался прочесть главу изъ Библии. Дугалу же хотѣлось только выслушать часничку одной молитвы Давида Линдсея; а это послѣднее было не самое надежное спасенье.

Въ полночь, когда все въ домъ стихло, какъ въ могилѣ, звукъ серебрянаго свистка раздался шакъ звонко, какъ будто бы живой еще Сирь-Робертъ свисталъ въ него. Оба старые служилеля въ минушу вспали и пошли робкимъ шагомъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло ихъ господина. Гупчонъ довольно видѣлъ съ перваго взгляда, что тамъ было, пошому что въ комнатѣ стояли зажженные факелы: ему чудилось, будто нечистый духъ, въ собственномъ своемъ обликѣ, сидѣлъ на гробѣ Лердовомъ. Старикъ упалъ безъ чувствя навзничъ у дверей комнаты, и не могъ расказать, сколько времени лежалъ онъ тамъ. Когда же пришелъ въ себя, то кликнулъ своего шоварища: опвѣна не было; онъ разбудилъ всю дворню; вошли въ комнату и нашли Дугала мершваго, въ двухъ шагахъ отъ одра, на которомъ спялъ гробъ его спараго господина. Свистокъ же пропалъ безъ вѣсти, но его не разъ посатъ того слышали съ кровли замка, вдоль по зубцамъ и

по стѣнамъ, въ трубахъ и на старыхъ башняхъ, гдѣ совы свили себѣ гнѣзда. Сирь-Джонъ замаялъ это дѣло, и похороны были отправлены, шакъ, что ни чершей, ни духовъ при помѣ уже и въ поминъ не было.

Когда же все было кончено, и новый Лердъ началъ приводить свои дѣла въ порядокъ, дано было знать каждому арендатору, чтооь явился для уплаты недоимокъ по своимъ наймамъ. Тогда и у дѣда моего потребовали денегъ за два срока, который съ него причинались по записной книгѣ Сирь-Роберта. Тотчасъ онъ бросился въ замокъ пересказать свой случай; его ввели къ Сирь-Джону, который сидѣлъ въ опцовскихъ креслахъ, въ глубокомъ шраурѣ, съ поспытымъ гааспукомъ на шеѣ и шроэгранною шпаженкою при бедрѣ, въшшо большой старинной сабли его родилеля: эта сабля, съ клинкомъ, рукояшкой и ножами, была по меньшей мѣрѣ въсомъ во сто фуншовъ. — Мнѣ шакъ часто пересказывали ихъ разговоръ, что право кажешся, будто я самъ при помѣ былъ; а я тогда еще и не родился.

(Въ самомъ дѣлѣ, Алень, старый мой спутникъ, презабавно подражалъ льшпивоу, умильному напъву арендатора, и лицемѣрной печали, съ какою Лердъ опвѣчалъ ему. По словамъ сѣпаго музыканта, дѣдъ его,

говоря съ Лердомъ, упилилъ глаза на роковую расчетную книгу, какъ будто бы принялъ ее за *буль-дога*, который рычитъ и мѣшпашъ ухватить его за горло).

„Очень радуюсь, Сиръ-Джонъ, что вижу васъ на прародительскихъ вашихъ креслахъ; поздравляю васъ съ получениемъ богатаго здѣшняго помѣстья, и желаю вамъ блага хлѣба вдоволь. Родитель вашъ былъ добрый господинъ, Сиръ-Джонъ; вы также очень достойны донашивать его башмаки, — должно бы было сказать сапоги, попому что онъ никогда не хаживалъ въ башмакахъ, а только иногда въ мѣховыхъ шубахъ, когда у него была подагра.“

— „Ахъ, Спিনি!“ сказалъ Лердъ со вздохомъ и утеръ себѣ глаза плашкомъ: „ощецъ мой умеръ скороспшижно; здѣшняя спорона его смершью много потеряешь. Нькогда ему было и дѣлъ своихъ устройшь; но я надѣюсь, что онъ хорошо приговорился предстать предъ судомъ Божимъ, а это всего важнѣе, хощь онъ мнѣ и оставилъ много узловъ распушывать. Хмъ! хмъ! пришпунимъ къ дѣлу, Спিনি! Мнѣ нькогда перять времени по пустому.“ —

Съ этою рѣчью раскрылъ онъ проклятую расчетную книгу. Я слыхалъ о какой-то книгѣ Суда, и увѣренъ, что это рас-

сечная книга должниковъ, пропустившихъ сроки.

— „Спিনি,“ сказалъ Сиръ-Джонъ, все тѣмъ же тихимъ, медовымъ голосомъ; „Спিনি Спинеонъ, за побою здѣсь есть дѣлый годъ недоимки по арендѣ, которую ты долженъ былъ уплатить въ минувшій Мартиновъ день.“ —

Спিনি. Не во гнѣвъ вашей чести, Сиръ-Джонъ, я уплатилъ ее покойному вашему батюнкѣ.

Сиръ-Джонъ. У тебя есть конечно въ томъ квинанція, Спিনি, и ты можешь мнѣ показашъ ее?

Спিনি. Мнѣ нькогда было получить ее, ваша честь. Чунъ только положилъ я на эпощъ самый споль деньги, а Сиръ-Робертъ принялся было ихъ считать, чшобъ дать мнѣ въ нихъ расписку, какъ вдругъ сдѣлался ему припадокъ, отъ котораго онъ и умеръ шакъ скороспшижно.

— „Жаль,“ сказалъ Сиръ-Джонъ, съ минуту помолчавши: „но вѣрно былъ же какойнибудь живой чловѣкъ свидѣтелемъ, когда ты плашилъ? Я требую отъ тебя доказательства, *talis qualis*, Спিনি; мнѣ не хотѣлось бы поступить по всей строгости съ добрымъ чловѣкомъ.“ —

Спину. „Право, Сирь-Джонъ, въ комна-
тѣ былъ тогда только Дугаль-Макъ-Кал-
лумъ, погребщикъ; а ваша честь знаете,
что и онъ отправился на ночь свѣсть за
спарымъ своимъ господиномъ.

— „И еще разъ жаль, Спину,“ сказалъ
Сирь-Джонъ, всё шѣмъ же голосомъ безъ
всякой перемѣны: „ночь, кому ты, по сло-
вамъ швоимъ, заплашишь, умеръ; свидѣтель,
на кошораго ты ссылаешься, что былъ при
уплашѣ, поже умеръ; денегъ, которыми
должно же гдѣ нибудь да бышь, никто не
видалъ: какъ же ты хочешь, чтобы я въ-
риль всему этому?“

Спину. Не знаю, ваша честь; поаько
вошь маленькая цыдулка о разныхъ моне-
шахъ, какія были въ мѣшкѣ. Я занялъ эти
деньги у двадцати человекъ, и каждый изъ
нихъ можешь присягнуть, что я ему ска-
залъ, на какую нужду занимаю.

Сирь-Джонъ. Я ни сколько не сомнѣва-
юсь въ томъ, что ты занялъ, Спину, да
дѣло идетъ о плашежѣ: въ немъ-то мнѣ ну-
жно ошь себя какое-либо доказательство.

Спину. Деньгамъ должно быть гдѣ ни-
будь въ домѣ, Сирь-Джонъ; а какъ ваша
честь никогда ихъ не видала, и его честь
покойный Лердъ не могъ унести ихъ съ со-
бою въ могилу; то станется, что изъ лю-

дей вашихъ который нибудь и знаетъ,
гдѣ они.

Сирь-Джонъ. Мы ихъ спросимъ: спра-
ведливость того пребуешь.

Но слуги и служанки, пажы и конюха,
всѣ сказали на ошрѣзъ, что вовсе не вида-
ли шакого мѣшка съ деньгами, о какомъ
рассказывалъ мой дѣдушка. На бѣду еще, онъ
въ шѣ поры ни одному изъ нихъ не сказалъ,
что пришелъ расплашиться за наемъ. Одна
служанка запримѣнила только, что онъ
несъ что-то подъ полюю; и ша подумала,
что это была его волянка.

Сирь-Джонъ Редгоншлешъ велѣлъ лю-
дямъ своимъ выйти, а самъ сказалъ моему
дѣду: „видишь ли, Спину, какъ я охотно
все дѣлаю къ швоему оправданію; но по чи-
стой совѣсти, думаю, что самъ ты луч-
ше всѣхъ знаешь, гдѣ опыскашь деньги.
Такъ совѣшую тебѣ, для совѣстной швоей
пользы, больше не ошѣбкивайся, а запла-
шишь или убираешься вонъ, Спину.“

— „Богъ васъ проспитъ за то, что вы
замышляете!“ ошвѣчалъ Спину, не звавши
болѣе, что сказала: — „я честной человекъ.“

— „И я шаже,“ перервалъ Лердъ: „и на-
дѣюсь, что и всѣ, живущіе въ здѣшнемъ до-
мѣ, поже честные люди.“ Помолчавши съ
полминушы, прибавилъ онъ посуровѣе: „Ес-

ли между нами есть пауза, такъ это долженъ быть шопъ, кшо рассказываетъ о пакомъ дѣлѣ, котораго не можешь доказать. Я тебя понимаю отлично: ты хочешь воспользоваться вздорною молвою, которую разсылали о нашей фамилии, именно о смерти моего отца, и шпѣ думаешь опдѣлаться опъ уплаты за наемъ аренды, а можешь быть, еще и повредишь доброй моей славы, давая через шо разумѣшь, будто бы я получилъ деньги, которыхъ опъ тебя требую. Гдѣ жѣ, по швоему, эти деньги? я хочу знать непременно.“

Дѣдъ мой видѣлъ ясно, что все прилики были противъ него, и чуть ума не ринулся: онъ шо на одной ногѣ стоялъ, шо на другой, озиралъ одинъ за другимъ все углы въ комнатѣ, и не опвѣчалъ ни слова.

„Говори, негодай!“ вскрикнулъ Лердъ, бросивъ на Спини совсемъ особый взглядъ, потому что это былъ взглядъ его отца, когда онъ бывало сердился, и брови его сморщались на лбу почти шою же страшною подковою, которую подъ часъ видали на лбу покойника. „Говори, сударь, подтверждаю тебѣ: я хочу знать твои мысли. Никакъ, ты осмѣливаешься подозревать, что деньги у меня?“

— „Уноси меня, Боже, чпобъ я сказалъ чтонибудь пакое!“ опвѣчалъ Спини. —

„Или думаешь на кого изъ моихъ людей?“ спросилъ Лердъ все шпѣмъ же голосомъ.

— „Я не хочу взводить вины на невиного“, опвѣчалъ мой дѣдушка: „а если кто изъ нихъ въ шопъ и грѣшенъ, такъ мнѣ нѣчьмъ доказать.“ —

„Надобно жѣ деньгамъ быть гдѣнибудь, ежели хочъ слово ешь правды въ швоихъ рассказахъ“, молвилъ Лердъ: „спрашиваю у тебя: гдѣ эти деньги, какъ ты думаешь? и требую рѣшительнаго опвѣща.“

— „Въ аду, если хотите знать, чшо я думаю“, взвопиль дѣдъ, вышедши изъ себя: „въ аду, съ вашимъ банюшкой и серебрянымъ его свискомъ.“ —

Сказавши это, онъ бросился вонъ, очерпилъ голову, и по дѣломъ: послѣ пакихъ рѣчей, комната Лердова была для него ненадежнымъ мѣстомъ. Уходя, онъ слышалъ, что Лердъ клялся такъ громко и пакими клятвами, какихъ и ошечь его съ роду не говаривалъ, и грозилъ наслашь на дѣда моего Балли и всю земскую полицію.

Спини нобжалъ къ главному своему замодавцу, Лаури Лапрейку, опвѣдать, не удалось ли чѣмъ опъ него поживиться; но когда дѣдъ рассказалъ ему про свою кру-

чину, по слова: *воръ, нищій, банкротъ*, были еще самыя привѣтливыя изъ пѣхъ, копорыя градомъ посыпались у него изъ за зубовъ. Поподчивавши моего дѣдушку такими жескими привѣштствами; Лаури вытацилъ изъ подъ спуда спарую погудку и началъ его укорять за то, что онъ обмокнулъ руки въ крови людей; какъ будто бы арендаторъ смѣлъ не послушаться своего Лерда, а особливо такого Лерда, какъ Сиръ-Робертъ Редгоншлемъ. Тогда Стини потерялъ шерпенье: онъ и Лаури чуть не вѣпились другъ другу въ волосы, и шупъ ужъ дѣдушка, на бѣду, вызвездилъ всю подногошную и про самого Лаури, и про погданній его расколь. Ну, словомъ, онъ наговорилъ ему сполько, что морозъ подралъ по кожѣ шого, кто слышалъ. И то правда, что дѣд мой былъ на ту пору самъ не свой, и живалъ когда-то съ людьми, копорые не слишкомъ церемонились и въ словахъ и въ дѣлахъ.

Наконецъ они разшались. Дѣду моему, чтобы воропиться домой, должно было проѣхать Питмаркійскимъ лѣсомъ, въ копоромъ, сказывають, много черной ели. Лѣсъ я знаю; шолько сами вы догадаешесь, что я не могу сказать, черныя ль шамъ ели, или бѣлыя. Подъ самымъ лѣсомъ, естъ обще-

спвенный лугъ, а въ концѣ луга небольшой кабачокъ, копорый тогда содержала женщина, по имени Тибби-Фау. Дѣд мой остано-вился у ворошъ; и спросилъ *мучкинъ* (*) водки, потому что у него во весь пошъ день не было во ршу ни росинки. Тибби уговаривала его сойти съ коня и съѣсть кусокъ чего нибудь; шолько онъ не хошѣлъ даже и ноги приподнять со спремени, и выпилъ *мучкинъ* въ два глотка, съ двумя поспами. Первый былъ: „за память Сиръ-Роберта Редгоншлема! чшобъ ему не было покоя въ могилѣ, покажѣшь не оправдаешъ бѣднаго своего арендатора.“ — А второй: „за здоровье врага человеческого, лишь бы онъ ошдалъ мнѣ мѣшокъ съ деньгами, или сказалъ, гдѣ онъ дѣвался!“ — Дѣд мой видѣлъ впереди, что всѣ спанупъ его считашъ луномъ и обманщикомъ; а это было для него хуже, чѣмъ потерять все, что онъ имѣлъ.

Онъ ѣхалъ впередъ, не забоясь, куда ѣдетъ. Ночь была темна, а отъ деревьевъ казалась еще темнѣе; онъ пустилъ своего коня самого отыскивать дорогу по лѣсу. Вдругъ конь его, усталый до упаду, началъ скакать, лягалъ и поднимашъ на дыбы,

(*) Шопландская мѣра, около полукружки.

шакъ что дѣдушка чунь-чунь держался на сѣдлѣ; шумъ же рядомъ съ нимъ очутился кто-то верхомъ, и сказалъ: „У тебя лихой конь, пріятель; не продашь ли его мнѣ?“

При такихъ словахъ, онъ легонько пронулъ своимъ хлыстикомъ дѣдушкина коня по загривку, и конь мигомъ пошелъ вольною рысью. „Да видно, что у него огонь скоро проспываешь“, продолжалъ незнакомецъ: „шакъ и съ ошвагой многихъ людей: думаютъ, что совершатъ ни въшь какія дѣла, а дойдешь до понынки, шакъ и на попянный дворъ.“

Дѣдъ мой почпи его не слушалъ, прищпорилъ своего коня, и молвилъ: — „добрый вечеръ, пріятель!“ —

Но незнакомецъ, видно, былъ изъ швѣхъ людей, отъ кошорыхъ не скоро ошважешься: напрасно Сшини пукался и вскачь, и рысью, и шагомъ, онъ все видѣлъ знакомаца о спорону себя. Наконецъ дѣдушка, половину съ досадой, а половину со спрахомъ, коли молвишь правду, счелъ за нужное сказаць ему шакія слова:

— „Чего ты отъ меня хочешь, пріятель? Если ты воръ, то у меня взить нѣчего; если ты честной человекъ и любишь побесѣдовать, то у меня на умъ не смѣхъ и не болшанье; а если тебѣ нужно, чтобы тебѣ

указали дорогу, шакъ самъ я почпи не знаю, гдѣ я шенерь.“ —

„Коли ешь у тебя горе“, ошвѣчалъ незнакомецъ: „по раскаи мнѣ: увидишь, что нѣшь мнѣ равнаго на случай, гдѣ нужно помочь въ бѣдѣ своимъ добрымъ пріятелямъ, хотя мнѣ самому и очень солоно приходилось отъ людей на бѣломъ свѣшѣ.“

Дѣдъ мой, не съ шѣмъ, чтобы надѣлся получишь отъ него какую помощь, а больше, чтобы облегчить свое сердце, расказалъ ему свое горе отъ начала до конца.

„Правду сказашь, ты въ худыхъ шскахъ“, молвилъ незнакомецъ: „но кажется, что я могу тебя изъ нихъ высвободить.“

— „Дашь ли ты мнѣ въ займы денегъ на долгой срокъ, милоспивецъ?“ спросилъ Сшини: „иначе я не знаю на свѣшѣ другаго способа выручить меня изъ бѣды.“

„Да, можно для того порыцъсья подъ землею“, ошвѣчалъ незнакомецъ: „Послушай: я сплану съ шбой говоришь ошкровенно. Я могъ бы спудить тебя деньгами, но на шакихъ условіяхъ, кошорыя ты, можешь быть, посовѣшилъ бы принять. Скажу тебѣ, что спарый швой Лердъ не спокоевъ въ могилѣ отъ швоихъ проклятій и жалобъ швоей семьи. Если ты ошважицъсь пойши

съ нимъ повидашься, шо ояъ выдасть тебѣ квишанцію.“

Волосы спаали дыбомъ у моего дѣдушки ояъ этого намѣка; однако жъ ояъ подумаль, что шовариць его какой нибудь весельчакъ, и хочеть надъ нимъ позабавишься, а кончишь шѣмъ, что ссудишь его деньгами. Къ тому жъ и водка придала ему смѣлосни, а печаль свела почти съ ума. Ояъ опъвчалъ незнакомцу, что поидеть за своею квишанцією до самыхъ ворошь ада.

Незнакомецъ разсмѣялся. Они пробирались все далѣе въ глушь лѣса, и вдругъ лошадь ошпановилась у ворошь огромного дома, кошорый Спини принялъ бы за замокъ Редгоншлеть, когда бы не зналъ, что находишь ояъ него миль за десяшь и больше. Они въехали большими со сводомъ ворошами во дворъ, увидѣли, что всѣ комнашы въ домѣ освѣщены, услышали, что шамъ играли на скрипкахъ и волынкахъ, и казалось, пѣсали и веселились, какъ бывало при Сирь-Робершь о праздникъ Рождесшва. Они слѣзли съ лошадей, и дѣдушкъ моему чудилось, что ояъ привязываешь своего коня къ шому самому кольцу, къ кошорому привязываль его за нѣсколько передъ шѣмъ часовъ, когда прѣхаль къ Сирь-Джону.

— „Какъ это?“ сказала Спини: „ужъ не во снѣ ли мнѣ грѣзилось, будто бы Сирь-Робершь умеръ?“

Ояъ постучался въ дверь по своему обычаю, — и старый его знакомецъ Дугаль-Макъ-Каллумъ вышелъ ему опперешъ, шоме по прежнему своему обычаю.

Дѣдушкъ казалось, что все это виднеть во снѣ. Ояъ обернулся, кошѣль взглянушь на незнакомца, — но не шупъ-шо было! его и слѣдъ проспыхъ. Наконецъ дѣдъ опомнился и заговорилъ: — „Такъ шы еще живь, Дугаль? а я право думаль, что шы умеръ.“

„Обо мнѣ тебѣ нѣчего забоишься,“ опъвчалъ Дугаль: „думай больше о себѣ, и шпайрайся ничего и ни ояъ кого здѣсь не принимашь: ни золоташа, ни серебра, ни пишья, ни ѣды; возьми шомько свою квишанцію.“

Съ шакими словами ояъ провель дѣда черезъ сѣни и переднюю, кошорую Спини зналъ, какъ самъ себя, и ввелъ въ старую гопшиную съ дубовою рѣзбою. Тамъ всѣ были за шполомъ: вино лилось рѣкою, кланьвы и заснольные пѣсни раздавались перекашнымъ громомъ, какъ важивалось въ замкъ Редгоншлеть въ старое, лучшее время.

Но что за шпанное сборище гопшей сидѣло за шполомъ! Дѣдъ мой узналъ многихъ, кошорые давнымъ-давно лежали въ мо-

гиль. Онъ увидѣлъ шамъ свирѣпаго Миддлестона, разврачника Ромеса, хищраго Лодердаля; Иршо, у котораго руки еще запыжаны были кровью Камерона; дикаго Боншо, котораго когда-то связали добраго Г. Каргилла такъ, что кровь изъ него брызнула; Домбертона-Дугласа, дважды измѣнившаго Королю и отечеству; кровожаднаго Генераль-Адвоката Маккензи, котораго, по уму и дѣшевой своей мудрости, былъ высшимъ существомъ передъ другими; наконецъ Клевергоуза, такимъ же красавцемъ, какъ и при жизни, съ долгими его черными волосами въ кудряхъ, разсыпанными по колесу изъ буйволловой кожи, съ узорчатымъ шипьемъ: лъвою рукою все еще онъ держался за правое плечо и закрывалъ рану на шомъ мѣсть, гдѣ прошибла его серебряная пуля. Сидѣлъ онъ по-одаль отъ другихъ, и смотрѣлъ на нихъ въ надменной задумчивости, — а шѣ хохотали, пѣли и кричали такъ громко, что слышны прясались. Но ихъ усмѣшка похожа была на спрашную судорогу въ лицѣ, а смѣхъ отзывался такими нелюдскими звуками, что за носшими у дѣдушки по-синѣло, и мозгъ засмылъ у него въ коспяхъ.

Прислуживали у стола слуги и солдаты, которые заживо кровожадно исполняли звѣрскія приказанія господъ своихъ. Тамъ

видны были: Ленгъ-Ледъ Нептербуонскій, могущій схватить Арджилля; шомъ, кого называли шрубою дьявола; дикой Горецъ Аморейшесъ, проливавшій кровь, какъ воду; злобные спражи въ своихъ мундирахъ съ галунами, и многіе надменные служители, съ гордымъ сердцемъ, съ кровавыми руками, когда-то ползавшіе передъ знатными (отъ чего они дѣлались такъ злы, какъ безъ того никогда бы не были), — и шомшавшіе ногами въ пыли бѣдняка, когда богатый смывалъ его съ ногъ. Все они мешались взадъ и впередъ, и служили такъ же проворно, какъ и при жизни своей.

Средь этого ужаснаго пира, Сиръ-Робертъ Редгоншлешъ громовымъ голосомъ велѣлъ Спини подойти къ себѣ. Онъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, прошагнувши ноги, которыя обернушы были фланелью; писюлетны лежали подѣ него, а огромная его сабля прислонена была къ кресламъ, почно такъ, какъ Спини видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ замкѣ. Подушка большой Лердовой обезьяны лежала тоже подѣ него, только самой обезьяны не было, видно чась ея не настала еще, пошому что дѣдушка, при входѣ въ комнапу, слышалъ, какъ кто-шо говорилъ: — „Маіоръ развѣ еще не пришелъ?“ — А другой отвѣчалъ: „онъ въ пору явшисъ къ упру.“ —

Когда же дѣдъ мой подошелъ, то Сирь-Робертъ, или самъ чортъ въ его видѣ, сказали: „ну, чпо, Спини, раздѣлался ли ты съ молнть сыномъ въ уплатѣ годовой пвоей недолики?“

Не легко было моему дѣдушкѣ собраться съ духомъ и дашь отвѣтъ, чпо Сирь-Робертъ и слышать не хотѣлъ ни о какой сѣлкѣ, безъ квисанціи его чеспи Сирь-Роберта.

„Квисанцію получишь, если сыграешь пѣсенку на волюнкѣ, Спини!“ сказалъ Сирь-Робертъ, или то, чпо казалось Сирь-Робертъ оми: „сыграй намъ: *Попляши, моя родная.*“

Этой пѣснѣ дѣдъ мой научился отъ одного колдуна, а пошь слышалъ ее на колдовскомъ шабашѣ. Дѣдъ мой игрывалъ ее подь часъ на пирушкахъ въ замкѣ Редгоннлешъ, полько всегда не по доброй воли. Въ эпошь же разъ кровь у него засмыла въ жилахъ, чуть полько онъ послышалъ о пѣснѣ; чтобъ ошдѣлаться, онъ сказалъ, чпо не принесъ своей волюнки.

„Макъ-Каллумъ, Вельзевуловъ сынъ!“ задричалъ Сирь-Робертъ ужаснымъ голосомъ: „принеси Спини волюнку, копоруюя для него приготошвилъ.“

Дугаль принесъ шакую волюнку, копоралъ шпола бѣ, чнобъ на ней игралъ самъ пѣвецъ.

Дональда острововъ. Когда же подавалъ ее дѣду, то пронуль его локшемъ, и Спини, взглянувши на нее хошь наискось, да смѣшливо, увидѣлъ, чпо дудки въ ней были спальныя, и докрасна раскалены на огнѣ. Онъ смѣкнулъ дѣломъ, чнобъ не обжечь себя пальцевъ, и въ другой разъ отговорился шѣмъ, чпо онъ очень испуганъ и слабъ, и чпо у него не достанешъ духу даже и мѣхъ надушь.

„Такъ надобно тебѣ чго нибудь съешь и выпить, Спини!“ подхватилъ Сирь-Робертъ: „здѣсь у насъ нѣтъ инаго дѣла, а сыпый гододнаго не разумѣешь.“

Такія жъ почши слова говорилъ кроважидный Графъ Дуглашь, чтобъ удержашъ Королевскаго гонца, между шѣмъ какъ по его приказу, опрубили голову Макъ-Леллену де-Бомби, въ замкѣ Тривъ. Спини отъ того и пуще спаль осперегашся. Онъ пріосамился, и молвилъ, чпо пришелъ не ѣсть и не пишь и не играшь на волюнкѣ, а дѣлашь дѣло: узнать, чпо спалось съ его деньгами, и получишь въ нихъ квисанцію. Онъ даже шакъ расхрабрился, чпо сказалъ Сирь-Робертшу, что для облегченія совѣсти и для покоя души своей, онъ долженъ ему ошдашь съдующе, а не заманивать его въ шенета.

Сирь-Робертъ разсмѣлся и заскрежесалъ зубами; однако жъ вынулъ квисанцію изъ

большаго бумажника и подалъ ее Спину.
„Вопль пивоя квишанція, негодный песь!“ ска-
заль онъ: „а денегъ сынъ мой можеть пои-
скашь въ кошачьей колыбелѣ.“

Дядушка поблагодарилъ его, и хотѣлъ
было обратиться, когда Сирь-Робертъ громко
закричалъ: „поспой, винная бочка! я еще съ
побою не кончила. Мы здѣсь ничего даромъ не
дѣлаемъ; должно, чшобъ шы, ровно черезъ годъ,
явился сюда, и принесть нилайшую благодар-
ность господину своему за все его милости.“

Языкъ у Спины мигомъ развязался. —
„Будеть, чшо угодно“ — сказалъ онъ: „не
вамъ, а Богу!“ —

Едва выговорилъ онъ послѣднее слово,
какъ вдругъ очутился въ густомъ сумракѣ,
и такъ со всѣхъ ногъ рухнулъ о землю, чшо
духъ у него заняло, и память опшибло.

Никогда не могъ онъ сказать, сколько вре-
мени такъ пробылъ; когда же пришелъ въ себя,
шо лежалъ на Редгоншлемскомъ приходскомъ
кладбищѣ, у самыхъ дверей склепа, гдѣ по-
гребено семейство Сирь-Роберта; гербъ Ред-
гоншлемовъ сползалъ у него прямо надъ го-
ловою. Вокругъ него справа и могильные кам-
ни смочены были росой, а конь его смирен-
хонько пасся съ двумя коровами священника.
Спины было подумалъ, чшо весь съ нимъ
случай былъ только сонъ; однако жъ онъ

держалъ въ рукѣ квишанцію, написанную и
подписанную старымъ Лердомъ; шолько по-
слѣднія буквы въ его имени были не такою
швердою рукою выведены, какъ остальное;
видно было, чшо его невзначай схватила
боль, когда онъ кончалъ свое рукоприкладство.

Спины вскочилъ на коня, выѣхалъ изъ
этого печальнаго мѣста, и хопъ въ умъ у
него Богъ вѣспъ чшо бродило, шощасъ одна-
ко жъ поскакалъ въ замокъ Редгоншлемъ, гдѣ
не безъ шруда получилъ онъ дошущъ къ
Лерду.

„Ну, чшо? лжець и банкротъ!“ сказалъ
ему Сирь-Джонъ, какъ скоро его увидѣлъ:
„привезъ ли шы мнѣ свой долгъ?“

Спины. Нѣшъ, ваша честь, не привезъ;
а вопль квишанція вашего башюшки.

Сирь-Джонъ. Какъ, плушь, квишанція
моего башюшки? шы мнѣ сказалъ, чшо онъ
тебѣ не давалъ квишанціи.

Спины. Не угодно ли вашей чести ее
прошрившь?

Сирь-Джонъ съ большимъ вниманіемъ раз-
смашривалъ каждую строку и каждое слово;
а прочишавъ наконецъ число, на которое дѣ-
душка мой не взглянулъ, и гдѣ было напи-
сано: *Изъ назначеннаго мнѣ мѣстопрѣ-
быванія, 25 Нолбря*, — онъ вскрикнулъ:

„Что это? вчерашнего числа!... Негодяй! видно ты ходил за нею в адъ.“

Спিনি. Не знаю, в адъ или в другое мѣсто; только я получалъ ее изъ рукъ родилеля вашей чести.

Сиръ-Джонъ. Я донесу на тебя Тайному Совѣту, какъ на колдуна! отправлю тебя къ учителю моему сапанъ, на смоляной бочкѣ съ зажженнымъ фишилемъ. . .

Спিনি. Я самъ хочу донести Пресбитеру о томъ, что видѣлъ в прошлую ночь, Сиръ-Джонъ. Объ эшихъ дѣлахъ онъ лучше умѣешь судить, нежели такой темный человекъ, какъ я.

Сиръ-Джонъ подумалъ съ минушу, сдѣлался помирнѣе, и велѣлъ моему дѣдушкѣ пересказать по порядку, что съ нимъ случилось. Спিনি расказалъ ему все какъ было, отъ начала до конца, какъ я вамъ шеперъ, слово въ слово, ни больше ни меньше.

Сиръ-Джонъ и оная призадумался по долъ, а послѣ сказалъ моему дѣдушкѣ поише прежняго. „Спিনি! сказанное мнѣ шобою касается до чести многихъ благородныхъ фамилій, кромъ моей. Если ты солгалъ, чтобъ отъ меня оидѣааться, то наклечень на себя же бѣду: тебѣ по меньшей мѣрѣ, проколупъ языкъ горячимъ желѣзомъ, а это ничѣмъ не лучше, нежели обжечь себѣ паль-

цы о раскаленную сталь на волюнкѣ. Однако же и по спанешся, что въ расказѣ швоемъ есть правда, Спিনি; и если деньги ошущулся, то я не знаю, что и думать. Но гдѣ жъ искашь кошачьей колыбели? въ замкѣ кошекъ много водится; только думаю, что когда онъ копяшся, то имъ нѣтъ нужды ни въ постели, ни въ колыбели.“

— „Надобно спросить у Гупчона,“ сказала Спিনি: „онъ знаетъ всѣ углы и закоулки здѣшняго дома шакже хорошо, какъ... шакже хорошо, какъ и другой страны служилель вашей фамилии, котораго ужъ нѣтъ на свѣшъ, и котораго мнѣ нѣтъ охоты называть по имени.“ —

Призвали Гупчона. Онъ сказалъ, что есть старинная полуразвалившаяся башенка, гдѣ издавна уже никто не живетъ, а лежишь она подѣль большихъ часовъ; что шуда надобно взлѣзашъ по лѣспницѣ, пошому что входишь въ нее можно только снаружи, надъ самими зубцами; что эта самая башенка когда-то называлась кошачьей колыбелю.

„Я сей часъ шуда взлѣзу,“ сказала Сиръ-Джонъ, взявши, Богъ вѣдаешъ для чего, одинъ изъ пистолешовъ своего опца, которые оспавались на сполъ со дня смерти

покойнаго Лерда. Съ внимъ онь взошелъ на плоскую кровлю замка.

Дѣло было не вовсе безопасное, потому что лѣсница была стара и гнила, и въ ней недоспавало доброй пары сипупекъ. Однако жъ Сиръ-Джонъ взобрался на ней, дошелъ до узкой лазей, служившей входомъ въ башенку, и заслонилъ собою въ ней свѣшь. Вдругъ что-то кинулось на него такъ сильно, какъ будто бы хонѣло сполкнутъ его съ лѣсницы; пистолець пафъ! и Гупчонъ, держа лѣсницу, такъ какъ и мой дѣдушка стоя подлѣ него, услышали громкой крикъ. Минуту спустя, Сиръ-Джонъ сбросилъ къ нимъ убишную большую обезьяну, и закричалъ что деньги опшыкались, и чтобъ они шли къ нему на подмогу. Они влѣзли и нашли не только мѣшокъ съ деньгами, но и много другихъ вещей, которыя не задолго передъ тѣмъ, пропали безъ вѣсти.

Когда Сиръ-Джонъ осмотрѣлъ башенку: то повель моего дѣда въ столовую, взялъ его за руку, поговорилъ съ нимъ милосшиво, сказалъ что самъ досадуешь на себя, что ему не повѣрилъ, и что въ награду за прошлое, будешь къ нему впередъ добрымъ господиномъ.

„А шеперь послунай, Спини,“ прибывалъ овъ: „хоня по сущей правдѣ, видѣние швое

служить къ чести покойнаго моего родителя, потому что доказываетъ, что онь да же и послѣ смерти своей хонѣлъ, какъ честный человекъ, оправдать себя; однако же ны должень поразеудить, что есть такіе злые языки, кошорые могутъ изъ шого вывести недоброхопные намѣки на счетъ спасенія души его. Мнѣ кажется, что лучше всего мы сдѣлаемъ, когда взвернемъ всю бѣду на эту шалостливую шварь, Маіора Вейрда, а не спанемъ вовсе говорить о снѣ швомъ въ лѣсу Пшшмуркійскомъ. Ты хлебнулъ погда лишнее, и потому не можешь ни въ чемъ бытъ увѣренъ, Спини; а что до этой квитанціи... (рука, въ кошорой онь держалъ ее, дрожала), это правда, престранная бумага, и я считаю, что лучшаго мы не можемъ выдумать, какъ пошхоньку бросить ее въ огонь.“

— „Однако жъ, какъ она ни чудна, а это у меня и есть только завѣреньемъ, что я расплатился за свой наемъ.“ сказалъ дѣдушка, боясь, можешь бытъ, чтобъ не вышло чего худаго, когда выпустить изъ рукъ расписку Сиръ-Роберта.

„Я впишу полученные по ней деньги въ книгу,“ молвилъ Сиръ-Джонъ: „а тебѣ дамъ другую расписку, и сей же часъ. Кроме шого, если шы сумѣешь держать языкъ за

зубами, и не спанешь говоришь объ этомъ дѣлѣ, по я сбавлю съ тебя оброка.“

— „Благодарень вашей чеспи,“ отвѣчалъ Спины, смѣкнувши, съ которой стороны дуть въперъ : „я, безъ всякаго противорѣчя, готовъ слушаться всего, что угодно вашей чеспи. Хошѣлось бы мнѣ только погово-ришь объ этомъ съ какимъ нибудь знающимъ Паспоромъ, пошому что мнѣ недюбо это свиданье, которое батюшка вашей чеспи...“ —

„Не называй этого привиднѣя моимъ опцемъ!“ вскрикнулъ Сирь-Джонъ.

— „Ну такъ пощъ,“ подхващилъ Спины: „кто явился въ его образѣ, и сказалъ мнѣ, чтобы прійши съ нимъ свидѣться черезъ годъ; а это гнѣтомъ лежишь у меня на совѣсти.“

„Если это тебя смущаешь,“ молвилъ Сирь-Джонъ : „по можешь переговоришь съ нашимъ приходскимъ Паспоромъ; онъ чловѣкъ умный и просвѣщенный; къ тому жъ онъ дорожишь честию нашей фамили, шымъ больше, что ему нужна мол помощь для повышенія.“

Говоря это, онъ писалъ новую квишанцію; когда же оцдалъ ее моему дѣду, по не было уже препяшствія сечь прежнюю, почему Дедъ и бросилъ ее въ огонь изъ сво-

ихъ рукъ. Только, она и не думала горѣшь, а улетѣла въ трубу съ цѣлою ватагой искръ, и съ такою прескостной, какъ бураки въ потѣшныхъ огняхъ.

Дѣдушка мой пошелъ въ *Мансу* (*), и Паспоръ, выслушавши всю его повѣсть, сказалъ, что онъ попалъ было въ большую бѣду. Но какъ онъ не принялъ задатка опъ нечистаго духа — такъ онъ подковалъ подчиванье пипьемъ и вѣдою — и опказался воздашь ему честь игрою на вольникѣ по его приказанію; по Паспоръ думалъ, что если дѣдъ мой будетъ впередъ весити себя осторожно, такъ саманъ нѣчего будетъ съ него взять за прошлое. И въ самомъ дѣлѣ дѣдушка, по своей доброй волѣ, долго — долго не брался за вольнику и не выпилъ ни глотка водки; а когда уже годъ миновалъ, и черный день прошель по добру по здорovu, тогда онъ снова началъ играть на вольникѣ, и осушанъ по прежнему чару *скибаку* или *типпени* (**).

Сирь-Джонъ рассказывалъ свой случай съ обезьяною, какъ ему хошѣлось; и еслъ люди, которые во всемъ этомъ дѣлѣ видяшь только доказательство воровской повадки

(*) Пресбитерія.

(**) Роды водки, употребляемые въ Шопландіи.

этой швари. Нашлись и шакте, которыхъ не разувѣришь, что Дугаль и Гупчонъ поч-но видѣли закоенлаго врага рода чело-вѣческаго въ комнашъ Сиръ-Роберта, а вѣр-нѣе всего прокляшукъ обезьяну. Что до сви-ска, слышаннаго по смерти Лердовой въ его спальнѣ, — говорять они, — шо эта уродливая живошина умѣла свисашъ такъ же хорошо, какъ и господинъ ея, если еще не дуще. Одному Небу полько известна сушая правда. Жена Пастора первая рас-казала всѣмъ вшу повѣсть, по смерти му-жа своего и Лерда. Тогда двдушка мой, хо-щя старъ былъ годами и слабъ здоровьемъ, однако жъ, по крайней мѣрѣ съ виду, не по-шерялъ ни намаяши, ни разсудка; и онъ при-нужденъ былъ пересказывать добрымъ свои-мъ пріятелиамъ все это дѣло порядкомъ, въ свое оправданіе: иначе того и гледи, чинд его бь ославили коладуномъ.

Съ Фр. Смо.

2.

НЕ О Ж И Д А Н Н О С Т Ь .

Кленвиль было имя молодого человѣка, жившаго въ одномъ незначительномъ городкѣ Франціи. Онъ имѣлъ не прекрасную, но при-

явную наружность: его выразительная фи-зиономія показывала характеръ открытый, благородный, способный ко всему возвышен-ному. И эта физиономія не обманывала: рас-казывалъ ли кто примѣръ безкорыстія и рѣдкой честности — всякій зналъ, о комъшло дѣло, и восклицалъ: о, это сдѣлалъ Клен-виль, мы ужъ знаемъ его! Говорилъ ли кто о благородномъ поступкѣ, и другіе не охоти-по тому вѣрили; ему стоило полько ска-зать, что онъ слышалъ это отъ Кленвиля, и никто уже не сомнѣвался въ истинѣ про-исшествія. Всѣ любили и уважали этого молодого человѣка, не смотря на то, что онъ былъ не богатъ. Тысяча шалеровъ еже-годнаго дохода сославляла все его имуще-ство. — Какъ! воскликнешъ здѣсь ка-койнибудь эгоистъ: не болѣе пысячи шалеровъ! И ими могъ онъ дѣлать мно-го добра? — Безъ сомнѣнія. Но оста-вимъ такого эгоиста: въ рассказъ нашемъ онъ не долженъ и не можешь играть ника-кой роли.

Кленвиль часто навѣщала одну почтен-ную старушку, которая жила въ его сосед-ствѣ весьма уединенно. Госпожъ Мазьеръ было уже восемьдесятъ лѣтъ: съ благородною швердоснію перенесла она несчастія, постиг-шія ее въ прекадныхъ лѣтахъ. Революція

лишила ее большого имѣнія, и сверхъ того похишила сокровище, которое было для нее дороже всѣхъ драгоценностей. Въ несчастнѣйшее время — при началѣ революціи — эта достойная женщина выдала единственную дочь свою за Графа Верлака. Графъ скрылся за границу, увезъ съ собою жену и оставилъ у своей пещи прехвальную дочь. Вскорѣ г-жа Мазерь получила горестное извѣстіе о кончинѣ Графа и Графини Верлакъ, и посвятила себя совершенно воспитанію маленькой Софіи, черны кошорой напоминали ей любимую дочь. На нее обращены были всѣ ея спаранія, потому, что она одна составляла всѣ ея надежды, одна привязывала ее къ жизни. Но глубокая спарость г-жи Мазерь не позволяла долѣе заниматься самой образованіемъ милаго дитяти, и какъ ни больно было для нее, но она увидѣла себя въ необходимости разстаться съ нимъ на нѣкоторое время. „Я должна воспитать ее для нее, а не для себя!“ говорила она, и ввѣрила маленькую Софію надзору одной образованной пріятельницы, жившей въ близлежащемъ большомъ городѣ, гдѣ можно было имѣть болѣе средствъ къ воспитанію. Положеніе доброй г-жи Мазерь не было впрочемъ ни пріятно, ни блистательно; если иногда занимали ее радост-

ныя воспоминанія, по-часто были они прогоняемы воспоминаніями горестными. „Что же дѣлалъ въ ея домѣ Кленвиль?“ спросить меня нѣкоторые чинашели. „Какое удовольствіе могъ находить онъ въ ея сообществѣ?“ — Удовольствіе утѣшашъ почтенную и несчастную женщину, показывая ей, что она не всеми оставлена, что она не одинока въ мѣрѣ, и что есть еще благородные люди, которые уважающъ льща, несчастіе и добродѣтель.

Въ одно время Кленвиль, увлеченный разсѣянностями, почти неизбѣжными въ его льща, провель цѣлую недѣлю, не выдавъ г-жи Мазерь. Вспомнивъ о томъ, поспѣшилъ онъ къ своей спарой, почтенной пріятельницѣ, чтобы загладишь вину свою. Онъ нашелъ г-жу Мазерь въ задумчивости: при его входѣ пробудилась она изъ своихъ мечтаній, привѣтствовала его дружески, и сдѣлала нѣсколько легкихъ упрековъ на счетъ его долговременнаго отсутствія. „Впрочемъ“ — присовокупила она — „намъ нельзя много сердиться на молодыхъ людей, если они насъ позабываютъ. Мы должны быть благодарны и за мгновенія, кошорыя они дарятъ намъ.“

— „Ахъ нѣтъ, сударыня!“ — возразилъ Кленвиль — „я не забылъ васъ.“

„Очень вамъ вѣрю, поному что и я принадлежу къ числу несчастныхъ.“

При сихъ словахъ выступили слезы изъ глазъ ея; Кленвиль смотрѣлъ на нее съ душевнымъ безпокойствомъ. — „Съ вами не случилось однако жъ“ — сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи: — „какого либо новаго, несчастія . . .“ —

— „О нѣшь!“

„Но эти слезы . . .?“

— „Я плачу не о своей участи.“

„Вы пугаете меня! Ваша внучка . . .“

— „Точно: ея участь безпокоитъ меня,

Она будешь очень несчастна, и скоро. Бѣдное, милое дитя! скоро у тебя не будешь машери!“

„Что это значить?“

— „Въ мои лѣта, любезный Кленвиль, не надобно обманывать себя ложными мечтами: черезъ годъ, черезъ мѣсяць, можете быть, черезъ недѣлю, не спанеть меня. Моя внучка, моя милая Софія, будешь тогда одна въ свѣтъ, безъ опоры, безъ покровителя, безъ состоянія. Эша мысль приводитъ меня въ опчаяніе.“

Кленвиль спарался сколько могъ, успокойсь г-жу Мазьеръ. „Небо“ — говорилъ онъ ей: — „не оставишь вашей дочери. Оно пощелеть ей друга . . .“

— „Друга? Добрый Кленвиль! Вы позабыли, что для снисканія друга нужно богатство: вы судите о людяхъ по чувствамъ собственнаго благороднаго сердца. Дочь моя бѣдна, а въ нашемъ вѣкѣ, когда всякій любитъ только одного себя, нѣшь друзей безкорыстныхъ.“

„И это слышу я отъ васъ, сударыня?“

— „По крайней мѣрѣ я не знаю ни одного.“

„Такъ вы позабыли меня!“ воскликнулъ Кленвиль въ сильномъ движеніи, внимая только голосу благороднаго своего сердца: „Вы позабыли меня, или уже сомнѣваетесь и во мнѣ.“

— „Успокойтесь, добрый другъ мой!“ — прервала г-жа Мазьеръ: — „я знаю ваше сердце; но въ двадцать пять лѣтъ, какъ можете вы быть покровителемъ молодой шестнадцатилѣтней дѣвушки?“

„Сдѣлавшись ея супругомъ. Такъ, сударыня; отдайте мнѣ ея руку: я буду ея покровителемъ, и употреблю всѣ спаранія сдѣлать ее счастливою.“

— „Вы просите ея руку, и никогда еще ея не видали?“

„Какая мнѣ до того нужда, если она несчастна, если я могу быть ея опорой?“

— „Но вы знаете, что она не имѣетъ никакого состоянія.“

„Если бы она была богата, она не имѣла бы нужды во мнѣ.“

— „Благородный, любезный молодой человекъ!“ — воскликнула г-жа Мазерь, и слезы радости покапались изъ глазъ ея: — „Такъ, я ошдамъ ее тебѣ; въ свои руки, въ руки добродѣтели передастъ умирающая мать драгоценность, ввѣренную ей Небомъ. Я напишу къ своей внучкѣ, и увѣдомлю, что пришла для нее благороднаго, чувствительнаго, нѣжнаго супруга. Не пройдешь недѣли, и ты увидишь ее, увидишь ту, которую избралъ своею супругою. Безъ тебя, мысль о кончинѣ повергала меня въ отчаяніе; теперь спокойно ожидаю смерти. О, какъ много я одолжена тебѣ! Почему не могу богатыми сокровищами вознаграждать все величіе души твоей, все благородство твоего сердца!“

Кленвилъ оставилъ распробанную мать, чшобы уклониться отъ изліаній ея благодарности. Возвращаясь домой, встрѣшилъ онъ знакомаго, котораго очень уважалъ и часто видалъ у Г-жи Мазерь. Фьерваль — такъ назывался онъ — не имѣлъ никакихъ отличныхъ, блистательныхъ качествъ; но былъ человекъ самыхъ честныхъ правилъ, съ сердцемъ, расположеннымъ къ добру. Онъ очень полюбилъ нашего Кленвила, и увѣрялъ,

что не упуститъ случая, доказать ему на дѣлѣ свою привязанность.

„Смѣю ли спросить, откуда?“ сказала онъ, увидѣвъ Кленвила: „вы кажетесь такъ распробаны!“

— „Ахъ, бѣдная Г-жа Мазерь! Ея положеніе очень горестно!“

„Въ самомъ дѣлѣ?“

— „Она и меня такъ распробала.“

„Это и видно. Впрочемъ — такой бѣдѣ можно скоро помочь. Я поведу васъ въ шумное, блистательное общество; въ большомъ свѣтѣ для насъ всегда готово разсѣваніе — надобно тамъ и искать его.“

— „Я совсѣмъ не расположенъ къ тому.“

„Тѣмъ скорѣе должны вы принять мое предложеніе. Сердитесь, пожалуй, на цѣлый свѣтъ; но отъ этого Г-жа Мазерь не будетъ ни богаче, ни счастливѣе. Право, пойдемъ-ше со мной; если бы даже вы тамъ и соскучились, отъ васъ будетъ зависѣть остаться одному, самому съ собою. Вы знаете, что и въ большомъ свѣтѣ можно пользоваться уединеніемъ, если только захотимъ.“

Кленвилъ согласился. Фьерваль ввелъ его въ домъ Г-жи Вермѣль, у которой разъ въ недѣлю собиралось многочисленное, избранное общество. „Берегите только свое сер-

це, любезный друг!" — говорил ему дорого Фьервиль: „вы увидите сегодня прелестную и премилую дѣвушку; я вамъ покажу ее. Это молодая Адель Жюмильи: мать ея оставила Парижъ, чтобы поселиться въ нашемъ городѣ: въ романтическихъ его окрестностяхъ, намѣрена она купить себѣ помѣстье тысячъ во сто налеровъ. Г-жа Жюмильи очень милая дама, лучшаго тона, и будете здѣсь жить большимъ домомъ. Но — еще повторяю — берегитесь ея прелестной дочери. . . . Это роза въ полной своей красотѣ и свѣжести.“

Кленвиль не обращалъ большого вниманія на слова Фьервиля, и скорѣе потомъ прибыли они въ домъ Г-жи Вершель. Едва показался онъ, какъ всѣ мужчины привѣтствовали его дружески, — съ обыкновенною искренностію и вѣжливостію отвѣчалъ онъ на такой знакъ общей къ нему привязанности.

Взоры Кленвиля блуждали въ кругу молодыхъ, прелестныхъ дамъ, и остановились на одной дѣвушкѣ, которой красота обращала на себя всеобщее вниманіе. Случайно взоры ея встрѣтили взоры Кленвиля, и рѣсницы ея скромно опушились, и на лицѣ выступила краска. Кленвиль замѣнилъ это,

подошелъ къ Фьервалю и спросилъ, кто такова эта дѣвушка.

„Ага!“ — отвѣчалъ Фьерваль: — „вы ужъ опытали ее? Ну, какъва она вамъ кажется?“

— „Очень хороша.“

„О! эта похвала слишкомъ холодна; скажите лучше, что она восхищительно прелестна. Она-то и есть Адель Жюмильи, о которой я давнѣе говорилъ вамъ. Ну, если вы по шому поршпрешу, который начерпалъ я вамъ, не узнали ея съ перваго раза, то я готовъ признашь себя никуда не годнымъ маларомъ. Впрочемъ объ ея умѣ и сердцѣ опзываются съ такою же похвалою, какъ и объ ея наружности. Ей дано превосходное воспитаніе, и какъ ни образованъ ея умъ, она мила и невинна, какъ дитя. Какая скромность!.. Она могла бы блистать рѣдкими дарованіями; но играешь ими, какъ дитя играешь куклою, ни мало шѣмъ не щеславаяся. — Ну? не начинаете ли вы много влюбляться?“

Кленвиль улыбался и молчалъ. Онъ подошелъ къ дамамъ, вѣшался въ ихъ разговоръ, и показавъ въ замѣчаніяхъ своихъ шугибкость ума, которая столько уважается всѣми, шѣмъ больше, что она такъ рѣдка. Чѣмъ болѣе его слушали, шѣмъ болѣе желалъ

ли слушать. Въ особенности, казалось, понравился онъ Г-нѣ Жюмильи, и она воспользовалась первымъ приличнымъ случаемъ, чтобы вступить съ нимъ въ разговоръ. Кленвилъ увлекся споль свойственнымъ его дѣламъ желаніемъ нравиться: и въ самомъ дѣлѣ никогда еще не былъ онъ такъ любезенъ, за всѣмъ тѣмъ, что иногда небольшія невольныя развлеченія прерывали лишь разговоръ, и взоры его обращались на юную Адель. Г-жа Жюмильи была имъ очарована, и шепнула Фьервалю: „этошь молодой человекъ очень уменъ.“

— „Ваша правда“ — отвѣчала Фьерваль: — „но умъ послѣднее въ немъ достоинство; надобно знать его сердце.“

Кленвилъ слышалъ эти похвалы: первая заставила его покраснѣть; послѣдняя приорила его съ нею.

Теперь вѣшался онъ въ кругъ молодыхъ людей, и принималъ участіе въ ихъ играхъ съ удовольствіемъ, какого прежде никогда не чувствовалъ. Стоя подлѣ Адели, могъ онъ наблюдать за каждымъ ея движеніемъ, слышать небесный ея голосъ. Онъ забывался; смотря на нее, и пожиралъ каждое ея слово. Адель принадлежала къ числу женщинъ, которыхъ довольно увидѣшь одинъ разъ, чтобы полюбить навсегда. Лице ея было такъ

открыто, такъ неприхворно, такъ ясно показывало превосходную ея душу, что нельзя было смотрѣть на нее безъ восхищенія. Съ перваго взгляда можно было совершенно узнать ее: долговременное обхожденіе съ нею не раскрыло бы ея болѣе. Сердце Кленвилъ, привыкшее предаваться первому впечатлѣнію, покорилося пріятнѣйшей и могущественнѣйшей спраспи. Онъ любилъ, прежде нежели помыслилъ о томъ, какъ опасна была любовь для обвѣщанія, только предъ тѣмъ имъ даннаго. Подойдя къ Адели, онъ хотѣлъ начать говорить съ нею; но смѣшался, и только взоры его показывали, что происходило въ его сердцѣ.

Въ разсѣяніи пошелъ онъ домой: Адель безпрестанно представлялась ему. Двадцать разъ повпорядъ онъ себя, что она въ этошь вечеръ дѣлала, что говорила; припоминалъ каждое, даже и малѣйшее ея движеніе. Въ такихъ мечтахъ провелъ онъ большую часть ночи; наконецъ заснулъ, и проснулся не ранѣе десяти часовъ утра, когда Фьерваль вошелъ къ нему въ комнату.

„Эй, эй!“ сказала Фьерваль: „еще въ постель?“

— „Я только къ утру заснулъ.“

„Право? Такъ безсонница? Прекрасно; я

Битого ожидалъ, милый другъ. Вы влюблены, какъ только можно быть влюблену!“

— „Я?“

„Да, да, вы, и знаете ли въ кого: въ прелестную Адель.“

— „Я? влюбленъ въ Адель?“ — Эпи слова, казалось, пробудили бѣднаго Кленвилъ изъ его усыпленія. Онъ смѣшался, покраснѣлъ; голосъ его спалъ прерывался. . . — „Почему вы такъ думаете?“

„Ну, шутъ не вижу я еще никакого грѣха!“ — отвѣчалъ Фьерваль.

— „Грѣха конечно нѣтъ, но большое несчастье.“

„О, безъ сомнѣнн, превеликое несчастье влюбиться въ милую дѣвушку, на которой можно жениться, когда только вздумаешь.“

— „Мнѣ на ней жениться? Развѣ вы считали меня совершеннымъ глупцомъ, и думаете, что я могу имѣть подобныя надежды?“

„А вы, любезный Кленвилъ, развѣ думаете, что я въ состоянн насмѣхаться надъ вами? Выслушайте меня. Я знаю Г-жу Жюмильи уже съ давнихъ лѣтъ, имѣлъ случай оказать ей важныя услуги, и долгое время прилежно съ нею переписывался. Безпрестанно писала она ко мнѣ о будущей участи своей дочери, и о своемъ желанн ви-

дѣть ее въ счастливомъ супружествѣ. „Дочь моя“ — повторяла она въ своихъ письмахъ:

— „довольно богата, и можешь вести при- ятную жизнь и съ бѣднымъ мужемъ, а по- тому богатства я вовсе не ищу. Но если бы нашелся молодой человекъ съ благород- нымъ сердцемъ и умомъ образованнымъ — его желала бы я имѣть своимъ зятемъ.“ Въ то же время просила она меня принять участие въ будущей судьбѣ ея дочери. Ну, теперь припомните, Кленвилъ, что я об- щалъ быть вамъ полезнымъ: теперь намѣ- ренъ я сдерживать свое слово. Будьте увре- ны, что я знаю васъ лучше, нежели вы са- ми себя знаете; и безъ сомнѣнн, не упо- преблю во зло довѣренности Г-жи Жюмильи, если васъ предложу ей въ зятя. Она най- дешъ въ васъ всѣ тѣ качества, какихъ толь- ко желала. При томъ же вчера вечеромъ, она съ такимъ восторгомъ говорила мнѣ о васъ, о вашемъ умѣ, о вашемъ характерѣ, что вче- ра же положили мы сдѣлать вамъ предло- женіе, и теперь нужно только ваше согла- сіе.“

— „Какъ? Мое согласіе?“ — восклик- нулъ Кленвилъ: — „о Боже! и я не могу дать его!“

Оба молчали. Фьерваль устремилъ про- ницательный взоръ на молодого человека,

на лицѣ кошораго одна спрассть смѣнялась другою.

„Нѣтъ, нѣтъ!“ повторилъ Кленвиль, въ сильномъ волненіи, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнаѣ: „я не могу дать своего согласія. Я люблю Адель; но навсегда ошъ нее опречаюсь.“

Тутъ расказалъ онъ доброму Фьервалю, какъ принялъ на себя обязанность въ отношеніи къ г-жи Мазьеръ. „Я не могъ“ — продолжалъ онъ — видѣть слезъ эшой почтенной женщины, не шронувшись самъ до глубины души. На краю гроба, видѣла она дочь свою бѣдною сиротою, безъ опоры, въ несчастіи. Она умоляла Небо послашь ей покровителя. Я неспособенъ былъ тогда къ холоднымъ вычисленіямъ, и такъ распроганъ, что не могъ прибѣгнуть къ размышленію: слѣдуя внушеніямъ сердца, я предложилъ Софіи свою руку.“

— „И такъ вы отказываетесь . . .“

„Ошъ собственнаго своего счастья, для счастья другаго.“

— „И это рѣшительно?“

„Непремѣнно! И можете ли вы шребовать, чтобы я, исполнивъ сердце г-жи Мазьеръ радостными надеждами, вонзилъ шеперь въ него кинжалъ? Долженъ ли я сказаць ей . . . ?“

— „О, нѣтъ! ошъ меня не ждите никакого совѣта. И какъ можно совѣтоватьному, кшо привыкъ слѣдовашъ первымъ движеніямъ своего сердца!“

„Ахъ! на моемъ мѣстѣ вы поступили бы шочно шакже; я готовъ ручашься въ шомъ.“

— „Не ручайтесь, любезный другъ! Вы глупецъ совсѣмъ особаго рода. Но — не всѣ глупцы имѣють честь походить на васъ. Прощайте! Сожалю, что на эшомъ разѣ не могъ я, какъ желалъ, оказашъ вамъ услуги.“

„Какъ? Вы хотите оставишь меня? Вы недовольны мною!“

— „Сохрани Боже! Ваша глупость шакъ прекрасна, шакъ благородна, что нельзя не извинишь ее. Но мнѣ надобно ишшкъ къ г-жѣ Жюмиаль, чтобы передашь ей ошвѣшь вашу. Я постараюсь изъяснишь ей вашу благодарность, ваше сожалѣніе.“

„Мою благодарность“ — прервалъ съ живостію Кленвиль: — „безъ сомнѣнія; но не сожалѣніе. Сердце мое будетъ шасперзано: это я предвижу; но я не сожалю о шомъ.“

Фьервалъ подалъ ему дружески руку, и ушелъ.

Бѣдный Кленвиль! И ты не сожалѣешь о себѣ! Твоя чувствительность увлекла ше-

бя и сокрыла опъ глазъ швоихъ всю великость жершвы, шобою принесенной! — Слезы капилась по щекамъ его; онъ спарался прервашъ ихъ, и съ усмѣшкою говорилъ самъ себѣ: надобно признаться, что я дѣйствительно глупецъ. И о чемъ же мнѣ печалиться? Я ошказываюсь опъ дѣвушки, которая — нельзя не согласиться въ томъ — опшмѣнно мила. Но она рѣшительно не можетъ бышь моею. Развѣ я не далъ слова? развѣ оно не связываетъ меня навѣки? Общаніе, данное несчастному, всего священнѣе. Я женатъ уже! Въ моемъ сердцѣ нѣтъ уже мѣста для вновь рождающейся страсти, которая, надѣюсь, не пустила еще такъ глубоко корни, чтобы могла нарушить мое и Софіино спокойствіе. Бѣдная Софія! несчастная дочь нѣжливѣйшей изъ матерей! Сердце мое должно биться только для одной себя!

Цѣлый день спарался онъ укрѣпить себя въ этой рѣшимости. Образъ Адели преслѣдовала его безпрестанно; но вопще! Страсти могутъ конечно заставишь добродѣтель мучиться и спрадать, но не совлечь ея съ истиннаго пути. Вечеру пошелъ онъ къ г-жѣ Мазьеръ, и далъ себѣ слово, не оставляшь ея до прѣзда Софіи. — Онъ надѣялся найши ее одну, и никакъ не

ожидалъ, что заспанеть у нее г-жу Жюмильи съ дочерью. Это не показалось ему спраннымъ, потому что г-жа Жюмильи, рѣшаясь поселиться въ городъ, должна была ознакомиться со всѣми, кого желала видѣть у себя. Но такое неожиданное свиданіе повергло его въ мучительное замѣшательство: онъ не могъ произнести ни одного слова. Неподвижно стоялъ онъ, въ нервномъ спомъ, войши ли ему, или скорѣе ворошиться домой. Краска выспунила на лицѣ его, какъ будто бы онъ сдѣлалъ какой нибудь проступокъ. Къ умноженію его мученія, г-жа Мазьеръ, увидѣвъ его, подошла къ нему, взяла за руку и, представляя г-жѣ Жюмильи, сказала: „вошь, сударыня, пошь благородный человекъ, который, пронувшись моею горестью, не помышляя о собственныхъ выгодахъ, вызвался бышь покровителемъ Софіи, когда меня не будешь болѣе на свѣтѣ.“

— „Я имѣю уже честь знать г-на Клевиля;“ — опвѣчала г-жа Жюмильи: — „знаю также, до какой степени проспирается его безкорыстіе, его благородство. Какая женщина не будешь счастлива съ мужемъ, способнымъ къ такимъ возвышеннымъ поступкамъ! Что скажешь ты объ этомъ, Аделъ?“

Двушка съ робостию опустила глаза, улыбулась и, покраснѣвъ, сказала: „да, я увѣрена въ своемъ счастіи.“

Кто изобразилъ удивленіе Кленвила при этихъ словахъ?

„Слышите ли, добрый другъ мой?“ — спросила г-жа Мазерь, обратясь къ нему: — „Ну, шакъ обнимите же свою невѣсту.“

— „Мою невѣсту! . . .“

„Какъ? Вы не рѣшаетесь? не хотите ли вы взять назадъ свое слово?“

— „Взять назадъ свое слово? ни за что — я сдержу его, хотя бы это и жизни моей стоило.“

„Такъ почему жь не хотите вы обнять своей невѣсты?“

— „Какъ? Адель . . .“

„Моя дочь, моя милая Софія; а г-жа Жюмильи — та самая пріятельница, у которой она воспитывалась.“

— „Боже! что слышу я! Неужели въ самомъ дѣлѣ я шакъ счастливъ!“

„Счастливъ, сколько ты того заслуживаешь, благородный молодой человекъ!“

— „Такъ вы меня обманули?“

„Я хотѣла напередъ узнать человека, которому вручила драгоценнѣйшее свое сокровище. Счастіе моей дочери будетъ слушать мнѣ извиненіемъ. Не правда ли, шакъ

прощаетъ меня? И не раскаиваешься, что нослѣдовалъ первымъ движеніямъ своего сердца?“

Кленвилъ не могъ отвѣчать: онъ былъ слишкомъ расстроганъ. Глаза его, омоченные слезами, обращались попеременно на Г-жу Мазерь, Софію и Г-жу Жюмильи.

Въ эту минуту вошелъ Фьерваль. „Какъ? Одни?“ — закричала ему Г-жа Мазерь: — „а гдѣ же нотаріусъ?“

„Сей часъ будетъ. Контрактъ уже совсѣмъ написанъ; недоспаетъ только . . .“

— „Приданого и подписей“ — докончилъ Нотаріусъ, входя въ комнату.

„Ну, объявите же намъ“ — сказалъ Фьерваль: — „какое приданое назначаете вы своей внучкѣ? Я люблю Кленвила: и обѣщала доставить ему хорошую партію, а потому и долженъ заботиться объ его выгодахъ.“

— „Такъ пишите же, г. Нотаріусъ, что я даю моей внучкѣ, Графинѣ Софіи Верлакъ, сто тысячъ шаферовъ, которые хранятся въ рукахъ благороднѣйшаго человека, моего стариннаго друга, г-на Фьервала.“

„Довольны ли вы?“ спросилъ Фьерваль Кленвила.

Кленвилъ бросился къ нему на шею, прижалъ руку г-жи Мазерь къ губамъ своимъ и сказалъ: „вы не соблюдаете поспешно“

спи въ сюрпризахъ. Первый былъ шакъ для меня дорогъ, что онъ оцѣниваетъ цѣну у втораго.“

— „Оба пригодятся“ — возразилъ Фьерваль: — „вы увидите это со временемъ.“

„Вы считали меня очень бѣдною, любезный Кленвиль!“ — сказала г-жа Мазьеръ: „но я только казалась такою. Правда, я пошеряла свое имѣніе; но за то у меня остались плоды моей бережливости. Г. Фьерваль принялъ во мнѣ живѣйшее участіе; онъ сократилъ мои расходы до самаго необходимѣйшаго; хорошее управленіе и нѣкоторыя неожиданныя, счастливые случаи увеличили мой капиталъ, шакъ, что я опечаспи могла бы снова возстановить прежній блескъ своего дома. Но привыкнувъ опказывать себя въ излишнемъ, я разсудила, что если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ буду присоединять проценты къ своему капиталу, то въ состояніи буду скопить для Софіи приданое, котораго дастъ ей возможность при выборѣ супруга, смолчать только на его сердце и его достоинствѣ. — Я рѣшилась послѣдовать этой мысли, и вы увидите, умѣла ли я ее выполнить.“

— „Превосходная женщина!“ воскликнулъ Кленвиль.

„Не очень хвалите меня, любезный другъ! Безъ сомнѣнія, вы скоро будете опцемъ, и тогда увидите, стоить ли большаго труда лишать себя чегонибудь для дѣтей своихъ.“ —

Не берусь описывать радости этого благороднаго семейства — радости, въ которой столь же живое участіе принимали и г-жа Жюмилли съ Фьервалемъ, потому что дружба — не есть ли она второе родство? И развѣ не природа дала намъ друзей нашихъ? — Свадьба Кленвиля и Софіи была празднована безъ всякой пышности: для счастья не надобно шумной веселости. — Нужно ли мнѣ еще прибавлять, что наши влюбленные жили счастливо? Нужно ли говорить, что они всегда были шаковы? Въ этомъ всякой увѣренъ и безъ меня. Г-жа Мазьеръ помолодѣла цѣлыми десятию годами, и если иногда чувствительное ея сердце, при ударахъ несчастія, скорыми шагами приближало ее ко гробу, то это же сердце, въ счастливѣйшее время, снова удаляло ее отъ могилы.

А. Кунъ.

Б И О Г Р А Ф И Я

Докторъ Философіи Доротея фонъ Родде, урожденная Шлецеръ (*).

Старшая дочь Профессора Шлецера Доротея родилась 10 Августа и. сп. 1770 года: съ самаго дѣтства предназначилъ ее отецъ къ ученому образованію. — Нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что къ сему назначенію послужила главнѣйшимъ поводомъ одна только прихоть. Тогда славилась вымышленная Базедовымъ метода воспитанія, грозившая уничтоженіемъ

(*) Въ 107 номерѣ Сѣверной Пчелы извѣстили мы читателей нашихъ о кончинѣ сей почтенной женщины, послѣдовавшей въ Авиньонѣ 12го прошедшаго Юля и. сп. По желанію нѣкоторыхъ читательницъ нашихъ, любопытствовавшихъ узнать въ подробности Исторію ея жизни и образованія, помѣщаемъ краткую ея біографію. Имѣемъ ли надобность упоминать о знаменитомъ, безсмертномъ отцѣ ея, Августѣ Лудовикѣ Шлецерѣ, воздвигшемъ себѣ въ ученомъ свѣтѣ прочный памятникъ, и незабвенномъ въ Россіи, по важнымъ услугамъ, кои онъ оказалъ нашей Исторіи? *Изд.*

основательной и ученой образованности: Шлецеру хотѣлось опровергнуть сію методу на самомъ дѣлѣ, и самымъ разительнымъ образомъ. Ему, какъ человѣку спрогихъ правилъ, конечно не могло нравиться это легкое, на забавѣ основанное учение, это поверхностное всезнаніе — хвастовство пустыми словами и именами — слышшее тогда подъ пышнымъ титуломъ познаній существенныхъ (Realkenntnisse), который по методѣ Базедова можно было преподавать дѣтямъ въ самомъ нѣжномъ ихъ возрастѣ. Онъ возмущалъ сильно на Базедова при каждомъ случаѣ, особливо же въ своемъ предисловіи къ Опыту обученія дѣтей, соч. Шалопе (Chalotais). Онъ самъ давалъ прежде много уроковъ дѣтямъ, частію потому, что много требовали его обспоятельства, частію же для нѣкоторыхъ наблюденій, къ которымъ сіи уроки подавали поводъ. У него учились и дѣвцы — между прочими восьмилѣтняя дочь Федерера, на которой онъ въ послѣдствіи женился. Дѣти, обучавшіяся по его методѣ, хотя и неполны, при многихъ ограниченіяхъ, къ которымъ онъ былъ принуждаемъ разными отношеніями, отличались однако всегда необыкновенно быстрыми успѣхами. Тѣмъ болѣе хорошихъ послѣдствій ожидалъ онъ отъ совершеннаго и ненаружимаго исполне-

нія своего плана. Рѣшась сдѣлать опытъ надъ первою своею дочерью, имѣлъ онъ въ виду вывести изъ заблужденія не только Базедова и многочисленныхъ его приверженцевъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые или считали женскій полъ неспособнымъ къ ученой образованности, или же утверждали, что она несовмѣстна съ его предназначениемъ. Исторія и Математика, равно какъ основательное познаніе языковъ, и особливо изученіе Классиковъ, были исключены Базедовомъ изъ его метода ученія, а вмѣсто того ввелъ онъ такъ называемыя *существенныя познанія*, которые надлежало внушать дѣтямъ забавнымъ, игривымъ образомъ. Для Шлецера досматривно было этого повода, чтобы съ дочерью своею начать совершенно противоположный планъ ученія. Въ ней съ самаго южнаго возраста показывались рѣдкія способности; очень рано спала она говорить; о многихъ предметахъ дѣлала остроумныя замѣчанія, и вообще оказывала необыкновенную понятливость. Посему началось очень рано и обученіе. Въ два года и восемь мѣсяцевъ, выучилась она вязать чулки и говорить низко-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ (Platt-deutsch); послѣднее, по мнѣнію отца было необходимо какъ собственно для узнанія сего языка, такъ и для по-

слѣдующаго за тѣмъ изученія многихъ родственныхъ языковъ. Для Французскаго языка, а именно для упражненія въ разговоръ, приспавана была къ ней няня изъ Француенокъ. На пятомъ году Доротея начала учиться читать по-Нѣмецки, по книгѣ, нарочно для того составленной оццемъ ея подъ названіемъ: *Путешествіе маленькой Доротеи изъ Геттингена во Франконію*. Грамматическое изученіе Французскаго языка началось на девятомъ году; тогда же занялась она и Англійскимъ языкомъ, который съ перваго приема спала учиться по правиламъ, и въ которомъ, какъ собственнымъ прилежаніемъ, такъ особливо оцъ частаго обращенія съ Англичанами, приобрѣла вскорѣ совершенное познаніе. Уроки Италіянскаго языка спали ей давать на одиннадцатомъ году; они продолжались только три мѣсяца, а попомъ поѣхала она съ оццемъ въ 1781 году, въ Италію, гдѣ и оставалась полгода. Въ Римѣ оставалъ ее оцень у одного Италіянскаго семейства: мать, и дорогою въ практирахъ, по необходимости должна она была говорить по Италіянски, и сему была обязана приобрѣтеніемъ необыкновенной легкости и бѣглости въ разговорѣ на томъ языкѣ, такъ что, по свидѣтельству Аббата Денины, она знала его

совершенно, какъ свой природный. По-Шведски выучилась она отъ отца на шестнадцатомъ году, по-Голландски также подъ его надзоромъ, но только собственно для себя, и читала не иначе, какъ съ помощію Грамматики и Лексикона. Еще на девятнадцатомъ году она начала учиться по-Латини, читала однако, по воли отца, большею частію только историческихъ Писателей, и по не самыхъ занимательныхъ; стиховъ же давали ей не много. На шестнадцатомъ году принялась она за Греческій языкъ, но это занятіе, частію за продолжительною болѣзнію, частію же за путешествіемъ въ горы Гарца, прекращалось, а потомъ опять было продолжаемо. — Въ числѣ разныхъ Писателей были прочтены ею Аполлодоръ, Анакреонъ и Гомеръ. Ко всему тому присовокупилось еще изученіе Испанскаго языка, которымъ занималась она въ послѣдствіи; нѣсколько времени училась она и Еврейскому.

Нѣкоторымъ изъ сихъ языковъ, какъ уже сказано, училъ ее самъ отецъ, другими занималась она подъ строгимъ его надзоромъ. И въ этомъ слѣдовала Шлецеръ собственнымъ своимъ видамъ, которыя не могутъ быть одобрены, потому, что безъ сомнѣнія, были слишкомъ строгими для его дочери. — Для совершеннаго изученія каждаго языка

напередъ назначаемъ былъ срокъ; притомъ Шлецеръ не только не спарался знакомить ее съ Литературою, особливо съ Изячною Литературою тѣхъ языковъ, хотя это всего привлекательнѣе для дѣвушки, и всего лучше могло бы облегчить изученіе, непріятное своею сухостію — напротивъ онъ всячески ее отклонялъ отъ того. Такимъ образомъ не была она знакома ни съ однимъ произведеніемъ Изячной Словесности: въ Французской знала только Вольшерову Генрияду, — также точно и въ другихъ языкахъ. Чтеніе Поэзовъ считалъ Шлецеръ пустою тратою времени: онъ позволялъ ей читать нѣкоторыхъ Греческихъ и Латинскихъ Стихотворцевъ, только по историческому ихъ достоинству, а къ познанію тѣхъ Наукъ, которыя облегчаютъ чтеніе Поэзовъ, и дѣлаютъ оное пріятнымъ, для нея пресѣчены были все способы. Не нужно упоминать, что такая метода изученія языковъ не могла имѣть ничего привлекательнаго для молодой, пылкой дѣвицы. Но твердая воля родителя, его строгій приказъ, заступали мѣсто добровольной склонности, и съ помощію отличныхъ дарованій своей дочери, Шлецеръ достигъ желаемого: на семнадцатомъ году, могла она объявляться на десяти языкахъ, и говорить

объ ученыхъ предметахъ съ мужчинами. — Въ эпоху состояла главнѣйшая цѣль опщовскихъ попеченій, достигнутая конечно съ поерживованіемъ бѣльшей части юношескихъ удовольствій Дорошеи. И Науками занималась она почно такъ, какъ языками: надлежало безусловно повиноваться причудамъ опща. Историю училась она совсѣмъ не такъ, какъ было бы легче для молодого, склоннаго къ живымъ впечатлѣніямъ ума. вмѣсто занимательныхъ, легко и пріятно поучающихъ книгъ, давалъ Шлецеръ своей дочери многопомныя, хотя основательныя, но прішомъ чрезвычайно сухія шворенія. Масковъ, Рапинъ Тойра (Rapin Thouas), Геррера, Даніель, Мурашори, Галльская Всеобщая Исторія и подобныя тому сочиненія назначаемы были для ея чтенія, и бѣда, ежели при испытаніи, почши ежедневномъ, забывала она не только годъ, но даже число какого нибудь происшествія! Съ тѣмъ вмѣстѣ надлежало ей слушать въ Университетѣ историческія лекціи опща, и всѣ упоминаемыя имъ при шомъ шворенія изучать показаннымъ образомъ. Гораздо охотнѣе занималась она съ шестнаго года Математикою. Не довольствуясь Геометріею, по волѣ опща, она должно была упражняться въ Прикладной и высшей Математикѣ. Шлецеръ самъ

имѣлъ мало свѣдѣній по этой части, и пошому поручилъ Профессору Кесшнеру экзаминовать Дорошею въ ея успѣхахъ; несравненно легче для нее было удовлетворять шребованіямъ всякаго другаго (*). — Кроме сихъ двухъ Наукъ, занималась она въ разное время и другими, однако, по видимому, безъ особаго основательнаго плана, а слѣдуя причудамъ опща, который упражнял ее шомъ — или въ другомъ предметѣ по собственннй волѣ, не принимая почши никогда въ разсужденіе ея склонностей. Такимъ образомъ за Математикою послѣдовала Минералогія. На 16 году стала она брать въ ней уроки у Гмелина, а потомъ, для пріобрѣшенія пракшическихъ свѣдѣній какъ въ оной, такъ и вообще въ Горныхъ Наукахъ, должна была ѣхать въ горы Гарца, и прожила полгода въ Клаустадѣ, у Генераль-Су-

(*) Въ предисловіи Мюллерова Руководства къ Геометріи для начинающихъ (Гелштингенъ 1790, 2 изд.) говоритъ Кесшнеръ объ ней, не называя ея: „Сшранно покажется, но я знаю семилѣтнее дитя, которое не имѣетъ еще силъ, чшобъ черпшишь циркулемъ, но такъ образовано подъ руководствомъ предлагаемаго здѣсь сочиненія, чшо гшшво дашь опщешъ въ шеоремахъ и доказательстввахъ двухъ первыхъ книгъ Эвклида.“

перинтендента Даме. И ей, цѣвствующей шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, надлежало въ мужескомъ платьѣ, въ сообществѣ горныхъ служителей, лазить въ рудники, посѣщать всѣ подземныя камеры, и не только дѣлать рисунки, вычисления, разрѣшать предлагаемыя задачи, но и самой, сколько возможно было, заниматься дѣломъ простаго работника! Какъ ни старались всѣ, ее окружавшіе, облегчать тягосны сего предпріятія и отвращать все непріятное, но при всей этой внимательности, подвигъ дѣвицы былъ весьма значительнъ. Съ 14 Іюля по 21 Августа 1786 года, оставалась она въ Гарцѣ, и онея ея вполне достигъ желаемой цѣли.

Какъ мало смотрѣлъ Шлецеръ на склонности своей дочери, пому служилъ разительнымъ доказательствомъ, что онъ вздумалъ однажды, и твердо рѣшился, заславить ее пройти весь курсъ Медицины: сполно необыкновеннаго труда опклонивъ его онея сего намѣренія. За всѣмъ тѣмъ ее принудилъ учиться нѣкоторымъ отдѣльнымъ Научкамъ, входящимъ въ составъ Медицины, а именно: Ботаникѣ, Натуральной Исторіи, Химіи, и даже Матеріи-Медикѣ и Анаптоміи. — Разумѣется, что при всѣмъ томъ она не оставляла и обыкновенныхъ занятій

женскаго пола: танцованія, рисованія и музыки.

Наконецъ Шлецеръ наслаждался высочайшимъ торжествомъ своей милоды воспитанія, когда Геттингенскій Университетъ далъ его дочери (17 Сентября 1787) дипломъ на достоинство Доктора Философіи. Первымъ къ тому поводомъ послужила случайная шулка Профессора Михелиса, который сказалъ о дѣвицѣ Шлецеръ (24 Іюля 1787), что она, въ наступающей второй половинѣ столѣтія Геттингенскаго Университета, будетъ первою въ спискѣ студентокъ и даже можетъ получить Магистерскій дипломъ. Шлецеръ, не зная, въ шулку или въ правду сдѣлано было такое замѣчаніе, вздумалъ ближе узнать о томъ, и написалъ къ Михелису (25 Іюля), что „если онея не шуля говорилъ о Магистерскомъ дипломѣ для его дочери, то желанельно было бы, чтобъ она его получила, но не просило, а по экзамену всего Факультета, или хотя нѣкоторыхъ Профессоровъ — лишь бы только уволили ее онея публичнаго провозглашенія и вызова во время празднованія юбилея.“ По сему Философскій Факультетъ положилъ сдѣлать испытаніе дѣвицѣ Шлецеръ обыкновеннымъ образомъ, только на Нѣмецкомъ языкѣ, освободивъ ее онея публичнаго вы-

зова и диспуша, а также и ошь введенныхъ въ обычай обрядовъ, при допущеніи къ экзамену. Августа 25 было назначено сіе испытаніе; оно происходило въ домъ Декана Профессора Михелиса, въ присутствіи его и другихъ Членовъ Философскаго Факультета: Кеспнера, Гейне, Гашперера, Мейшера, Федера и Куленкампа, съ 5 до 7½ часовъ вечера. Экзaminaшорами были Михелись, Кеспнеръ и Мейшперъ. Первый заспавль ее сдѣлать вольный переводъ съ объясненіями 37 Оды изъ первой книги Горациа, пошомъ Кеспнеръ спрашивалъ ее изъ Алгебры, Минералогіи и Горныхъ Наукъ; Мейшперъ изъ Архитектуры, особливо въ отношеніи къ совершенному ею за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ путешествію въ Италію, и наконецъ задалъ ей одну математическую задачу, которую рѣшила она весьма хорошо. По нѣкоторомъ совѣщаніи Факультета, объявилъ ей Михелись заключеніе онаго, давъ ей дипломъ на Докторское достоинство, и шущъ же всѣ присутствовавшіе ее съ тѣмъ поздравили. Она благодарила, говоря, что если теперъ еще недостойна этой чести, то надѣется черезъ пять лѣтъ заслужить оную. Пошомъ дочери Профессора Михелиса увѣщали ее лавровымъ вѣнкомъ, и она посѣдила къ своимъ родителамъ. Въ этотъ

день, по приказанію отца, была она одѣта, какъ невѣста. Въ этотъ же вечеръ подано ей было сочиненное самимъ Шлецеромъ ошь имени ея брашвевъ стихошвореніе; семнадцатаго же Сентября, при шоржествіи юбилея, провозгласили ее публично Докшоромъ. Сама она при томъ не была, а находилась въ боковой комнашѣ, занимаемой библіотекою откуда могла все видѣть и слышать, что происходило въ Университетской церкви.

Такимъ образомъ достигла она цѣли, предназначенной для нее шощемъ ея, а не ею самою. Ее шоржественно приняли въ сословіе Ученыхъ, и вскоре за тѣмъ Пенское Лашинское Общество избрало ее въ Члены. Хотя Шлецеръ не могъ ничѣмъ разишельнѣ опровергнушь системы Базедова, и оправдать того, что самъ утверждалъ прежде о воспишаніи, но не надобно забывать, что это сдѣлалъ онъ на счетъ юношескихъ наслажденій своей дочери, и можетъ бышь, только случаю обязанъ онъ тѣмъ, что за такой дерзкій онышъ дочь его не заплашила преждевременно своею жизнію, или совершеннымъ распройсвомъ своего здоровья. — Шлецеръ оправдывалъ это спроеое, ученое образованіе своей дочери тѣмъ, что хошѣлъ опчастии наполнить праздные часы, кошо-

рыхъ, при нынѣшнемъ воспитаніи, несравненно болѣе, нежели при праѣдовскомъ, а праздность очень вредитъ нравственности; ошчасши же спарался дань своей дочери такіа познанія, которыя со временемъ могутъ быть ей чрезвычайно полезны, а если бы и сего не было, то, по его мнѣнію, она ничего не потеряла, кромѣ множества праздныхъ часовъ, могшихъ послужить ей во вредъ; между тѣмъ не совѣмъ рѣдки случаи, что по ученому образованная женщина можетъ оказать немаловажныя услуги Наукамъ. Болѣе всего упирался онъ однако на то, что хотѣлъ предохранить дочь свою отъ скуки въ преклонныхъ лѣтахъ, ибо и Цицеронъ уже провозгласилъ Науку утѣшеніемъ старости. Конечно всякій долженъ въ томъ съ нимъ согласиться; для женскаго же пола скука несравненно несноснѣе, чѣмъ для мужачинъ.

Но не одиѣ эти причины руководствовали Шлецера при воспитаніи его дочери: изъ способовъ, какіе были къ тому употребляемы, изъ выбора Наукъ, которыми дѣвица Шлецеръ должна была преимущественно посвящать себя, неоспоримо явствуетъ, что главное намѣреніе отца было то, о которомъ уже мы говорили, то есть, представитъ живой образецъ преимущественна своей методы надъ методою Базе-

дова. Только превосходнѣйшіе дары природы могли сохранить дочь отъ тщеславія и педаншества, которыя самъ отецъ спарался, казалось, всячески возбудить въ ней. Попечительность о здоровьи, коею конечно всякой отецъ долженъ наиболѣе озаботить себя при воспитаніи дѣтей, оставалась поспороннимъ дѣломъ. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло сохранить ее, при самомъ неесшественномъ образѣ жизни, къ которому была осуждена она. Весьма часто цѣлый день, а непременно уже каждый вечеръ, съ шести часовъ надлежало ей быть съ отцемъ, съ нимъ и подлѣ него работать, и если при томъ оставался онъ чѣмъ нибудь недоволенъ, то подвергалъ ее жесточайшимъ порывамъ своего гнѣва: онъ вообще имѣлъ привычку измѣрять силы всѣхъ, его окружающихъ по своимъ собственнымъ, и дѣлашь излишніа претребанія дѣтямъ своимъ, а особливо дочери. Еще будучи ребенкомъ, была она принуждена просиживать съ отцемъ далеко за полночь, чтобы помогашъ ему при его литературныхъ занятіяхъ, дѣлашь выписки, переводы и составляшь шаблоны, разрѣшашь задачи, и все тому подобное исправлять передъ его глазами. Къ тому же, отъ ранняго утра до вечера, слушала она множество уроковъ. Для отдыха и забавъ

давали ей очень мало времени; даже, пока она не оставила родительского дома, каждое письмо, какое она отправляла или получала, было читаемо и строго обсуживаемо опцемъ, который претовалъ, чшобъ она и выражалась, какъ ему хотѣлось. Такъ претовала ея юность: дѣшскія лѣта, дѣшскія игры и всѣ юношескія наслажденія оставались ей неизвѣстными. Къ тому же присовокуплялась еще суровость снротого опца къ прочимъ дѣшамъ его: въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться почти непонятной силой характера, усвоившаго въ столь плагосшномъ, гнетущемъ положеніи! Пусть Шлецеръ былъ правъ, желая такимъ воспитаніемъ предохранить дочь свою отъ скуки, въ ея спаросши; но это слишкомъ дорого куплено, болѣе нежели скучною юнстію.

Почти единственныя веселія минувши имѣла она во время своихъ путешесствій, которые предпринимала нѣсколько разъ, одна и въ сообществѣ опца; но и шумъ, когда бывала она съ опцемъ, причуды его лишали ее болѣею частію тѣхъ наслажденій, какія были бы приличны ея лѣтамъ и образованности: особливо чувствовала она это во время путешесствія по Италіи. Шлецеръ похвально шула только для обогащенія себя

историческими и политическими свѣдѣніями, и какъ онъ былъ близорукъ, и не могъ наслаждаться вполне изящными произведеніями Науры и Искусства, по и дочери, не смотря на ея живѣйшую склонность, не хотѣлъ доставлять ни малѣйшаго къ тому случая. Такимъ образомъ не видала она знаменитаго Тернійскаго водопада, пошому что для того надлежало сдѣлать небольшой объездъ, и вообще, безъ Эллиниста Гейле, который тогда находился въ Римѣ и за особенное удовольствіе поставлялъ себя водить вездѣ эту умную дѣвицу, и знакомить ее съ сокровищами Искусствъ древней сполитцы міра, она получила бы очень мало пользы и удовольствія отъ сего путешесствія. — Опецъ ея, оставаясь гдѣ нибудь долѣ обыкновеннаго, какъ напримѣръ, въ Римѣ, оставлялъ ее у поспороннихъ, часто совсѣмъ ему неизвѣстныхъ людей: сіе послужило ей не только къ существенной пользѣ, но иногда и къ опрадѣ, пошому что всѣ спарались ласками и забавами вознаграждать эту милую дѣвицу за скучные часы, проводимые ею въ сообществѣ ученыхъ мужчинъ. Въ Клаусталѣ, въ домѣ Г. Даме, провела она нѣсколько дней въ совершенномъ удовольствіи; тамъ видѣла она картину совершеннаго семейственнаго счастья.

Но радость ея и путь была не совершенно чиста, по тѣмъ обязанностямъ, копорыя возложилъ на нее отецъ — учиться, самымъ тяжоспнымъ образомъ, Горнымъ Наукамъ. Гораздо пріятнѣе было для нее путешествіе, сдѣланное вскорѣ послѣ возведенія ея на степень Доктора, въ Спрасбургъ, вмѣстѣ съ ея матерью (съ 26 Сентября 1787 года). Въ это время депутация Спрасбургскаго Университета, состоявшая изъ Ректора и нѣсколькихъ Профессоровъ, поднесла ей дипломъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, нашла она случай, съ семействомъ Оберъ-Коммисара Грецеля, побывать во Франкфуртѣ на Майнѣ, во время избранія и коронованія тамъ Леопольда II (1790). Возвращаясь изъ Франкфурта, оставалась она въ Кобленцѣ у одной изъ значительныхъ фамилій сего города, и вела жизнь гораздо пріятнѣйшую, нежели въ Гешпингенѣ, гдѣ, по приказанію отца, должна была пригоовляться къ преподаванію академическихъ лекцій. Вскорѣ однако отецъ призвалъ ее назадъ въ Гешпингенъ, а въ слѣдующемъ году, во время путешествія съ нимъ (съ 14 Апрѣля по 17 Мая) въ Любекъ, Киль и Гамбургъ, въ первомъ изъ сихъ городовъ познакомилась съ тогдашнимъ Сенаторомъ, послѣ бывшимъ Бургомистромъ Матвѣемъ Родде, получившимъ въ послед-

ствіи отъ Римскаго Императора дворянское достоинство. Она была съ нимъ помолвлена, и черезъ годъ (въ 1782, 28 Мая) послѣдовало въ Гешпингенѣ бракосочетаніе.

Со времени замужства ея и переселенія въ Любекъ, начинается новый періодъ ея жизни, пошому, что съ тѣхъ поръ могла она избирать родъ ученія и занятій по собственнымъ своимъ склонностямъ. Виллерсъ познакомилъ ее съ Французскою Литературою, почти вовсе ей неизвѣстною, а она за то открыла умному Французу все сокровища Нѣмецкой учености. Въ счастливой независимости, уважаемая всѣми, она жила покойно въ новомъ своемъ мѣстопребываніи, и шрое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ, осчастливили бракъ ея. Не сходяствуя съ болѣею частію пакъ называемыхъ ученыхъ женщинъ, копорыя желаютъ блистать названіемъ Писательницъ и предоставляютъ воспитаніе дѣтей своихъ наемникамъ, госпожа Родде посвящала напрошивъ того все свое время и все познанія свои, съ неутомимою ревностію, преимущественно образованію своихъ дѣтей. Она не упускала ничего, могущаго хотя сколько нибудь тому способствовать. Они ѣздили съ нею въ разные мѣста, и вездѣ старалась она показывать все достойное примѣчанія.

Склонность сей отличной женщины къ изящнымъ Искусствамъ была, какъ выше сказано, мало удовлетворяема оцѣмъ, который считалъ это излишнимъ и бесполезнымъ. Вышедши же замужъ, ѣздилъ она съ супругомъ своимъ, Виллерсомъ и Докпоромъ Мейеромъ два раза въ Парижъ, гдѣ тогда (въ 1801 и 1803 году) уже собрана была значительная часть лучшихъ искусственныхъ произведеній всей Европы. Тамъ жила она въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ отличнѣйшими Учеными, Архиснами и людьми Государственными, уважаемая достойнѣйшими особами обою пола. Въ Национальномъ Институтѣ, въ который (кроме публичныхъ собраній) запрещенъ входъ женщинамъ, была она принята съ отличнымъ уваженіемъ Ласепедомъ, Доломье, Кювье, и другими онаго Членами. Ея сужденіе о представленіи на Французскомъ Театрѣ Волшебной Флейшы, превосходнаго произведенія Моцартова, съ разными пусклыми перемѣнами и дополненіями — сужденіе, извлеченное изъ ея дневныхъ записокъ (*), и случайно появившееся

(*) Обычай, вески дневныя записки, къ коему приучилъ ее Шлецеръ, оспался у нее и въ послѣдствіи. Сочинителю сей спящны дозволено было просмотрѣть всѣ сіи записки.

въ одномъ изъ Журналовъ, принято было вскорѣ во всѣ другіе, съ присовокупленіемъ величайшихъ похвалъ. Второе пушешествіе въ Парижъ сдѣлано ею было въ самое достопамятное время: во время смерти Герцога Ангенскаго и Генерала Пишегрю, процесса Моро и Жоржа, и принятія Наполеономъ Императорскаго титула. Ясно обнаруживалось тогда во Французскомъ народѣ совершенное равнодушіе, а нерѣдко и явная досада прошиву грубыхъ обмановъ, происходившихъ передъ его глазами, съ цѣлю обманушь и Парижанъ и всю Европу. Г-жа Родде часто имѣла случай наблюдать, какія мѣры принимала Полиція для произведенія *искусственнаго восторга*. Кроме сихъ двухъ пушешествій въ Парижъ, ѣздилъ она нѣсколько разъ въ Гамбургъ, Киль, Готу, Лейпцигъ, Дрезденъ и Гештингенъ; въ Любекѣ же домъ ея былъ всегда мѣспомъ собранія самаго отборнаго общества тамошнихъ жителей и пріѣзжихъ; всякій, кто только чувствовалъ въ себѣ образованность и дарованія, старался бытъ принятымъ въ домѣ Г-жи Родде. Но вскорѣ сей превосходный кругъ разрушенъ былъ сперва общимъ, а потомъ семейственнымъ бѣдствіемъ. Іенское сраженіе привело неожиданно при Французскіе корпуса ко врагамъ Любека; городъ

былъ осажденъ (6 Нолбря 1806); полько Виллерсъ, своею рѣшимостію и присущствіемъ духа, спасъ домъ Родде ошъ ужасовъ грабежа. Тогдашній Маршалъ Бернадошъ (нынѣшній Король Шведскій), остановясь въ семь домъ, починялъ Г-жу Родде своимъ уваженіемъ: во время пребыванія своего въ Гешпингенъ, въ концѣ 1813 года, доказалъ онъ это всенародно самымъ деснымъ для нея образомъ. Но пѣмъ не менѣ бѣдствія, поразившія Любекъ, были поводомъ къ распрройству ея семейственнаго счастья. Осада и грабежъ причинили городу большія потери; совершенное же пресѣченіе торговли основило большую часть источникъ промышленности для жителей, а съ пѣмъ вмѣстѣ потерпѣлъ самымъ чувствительнымъ образомъ и домъ Родде, бывшій однимъ изъ первыхъ торговыхъ домовъ въ городѣ. Это понудило семейство Родде перемѣнить мѣстопробываніе: оно переселилось (въ 1810) въ Гешпингенъ, гдѣ Г-жа Родде, споль же достойная удивленія мужествомъ своимъ и твердостію въ злополучіи, какъ и скромностію въ благоденствіи, была принята со всеобщимъ уваженіемъ. Тамъ нашла она и больше пици для своихъ ученыхъ занятій. Между пѣмъ слабое здоровье побудило ее поспешно удаляться ошъ общества и ограни-

чивать себя домашнимъ своимъ кругомъ, и весьма немногими знакомствами. Впрочемъ всякій Ученый или Арписпъ, проѣзжавшій чрезъ Гешпингенъ, поставлялъ пріятною обязанностію снискашь знакомство Г-жи Родде. Всякъ замѣчалъ съ пріятнымъ изумленіемъ, что при свиданіи съ нею не находилъ ничего, что бы напоминало о присущствіи *ученой женщины*. Жемайство и педантство, которыя обыкновенно въ общественныхъ кругахъ производящъ и питающъ скуку, были совершенно изгнаны изъ ея дома. Труднымъ искусствомъ, поставившъ каждого въ пріятное соотношеніе съ собою, любезностію, которую можешь доспавившъ полько обращеніе въ большемъ свѣтѣ, обладала Г-жа Родде въ высочайшей степени. — Глубокія познанія соединены въ ней были съ необыкновенною любезностію. — Изъ авиорскихъ трудовъ Г-жи Родде, писанныхъ въ то время, когда она жила еще въ домъ ошца своего, напечатаны въ Спрасбургскомъ Журналѣ: *Magazin für Frauenzimmer*, Письма ея изъ Рима, Нешателя и Клаустала.

Съ Нѣм. Вл.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ.

П о в ѣ с т ь.

„Прощайте, шикій берегъ Дона,
 Отцовскій прахъ, и машь моя,
 И вся родныхъ моихъ семья!
 Ошь васъ, ошь дружбы, ошь закона,
 Въгу на въки въ чуждый край,
 Несу позоръ свой за Дунай.
 Хоть я преспушникъ, но презрънѣя
 Ни ошь кого не заслужилъ,
 И чести я неизмѣнилъ.
 Увы! чужое преступленье
 Ошь правосудія сокрылъ.
 Забышь свой долгъ мнѣ страшно было;
 Но состраданіе склонило,
 Я гласу жалости внималъ.
 Открышо все и я бѣжалъ;
 Бѣжалъ ошь спраху, ошь болзни
 Не смерти, но поносной казни.
 Увы! мой страшный приговоръ,
 Всему бы Дону былъ позоръ:
 Меня сообщникомъ считали;
 По подозрѣнью облича,
 Рукой позорной палача
 Меня бы вѣрно наказали.
 Ошь посраменѣя и бѣды,
 Въ Дунай скрою я слѣды.

Забудь шо время машь, родная,
 Когда, въ походъ благословляя,
 Ты мнѣ сказала: ты одинъ
 Моя надежда, Леолинъ!
 Теперь же: проклинь будь мой сынъ!
 Ты вѣрно скажешь, умирая.
 Мой страждешь духъ и стынешь кровь:
 Какъ спрашно жизнь свою безславивъ!
 Россія, шикій Донъ, любовь!
 Какъ шяжко сердцу васъ оставивъ;
 Но мнѣ велить мой геній злой
 Сокрышся ошь роднаго края,
 Не кончишь дни въ странѣ родной!“

О берегъ быстрого Дуная
 Плескаешь, пѣнишся волна.
 На небѣ шучи; ночь черна,
 Какъ подземельной вракъ шемницы.
 Но нѣтъ ночной здѣсь шимшины:
 Здѣсь охраненіе границы
 Прочь гонишь шимшину и слы.
 Ничшо не дремлешь, цѣль въ движенѣ,
 И молча ходишь часовой
 Вдоль берега, во шмѣ ночной.
 Во взорахъ, въ слухѣ опасенье,
 Въ ружьѣ зарядъ скривъ боевой.
 Малѣйшимъ шумомъ онъ преводишь
 Вниманье вѣрное свое;
 То подъ прикладъ возьмешь ружье,
 То на плечо его положишь.
 Вдругъ шихо все, и лишь волной
 Дунай шумишь; вдругъ водчій вой
 И въ камышахъ онъ слышишь шорохъ;

Или увидишь за рѣкой,
 Какъ будишь съ поля всыхнешь порохъ.
 То вдругъ сова вспорхнетъ надъ нимъ,
 И съ шумомъ мимо пронесется;
 То крикомъ жалобнымъ своимъ
 За камышами опзовется.
 Опять все тихо — лишь волной
 Дунай шумитъ, и часовой
 Заходитъ скорыми шагами
 По берегу, взадъ и впередъ,
 И съ исперившемъ смыи ждешь.

Въ глухую полночь, камышами
 Идешь украдкою бѣглець.
 Тягчишь усилость, какъ свинець
 Его споны. Но онъ пропами
 Все ближе крадется къ рѣкѣ,
 Цѣпь часовыхъ ужъ недалеко,
 И Леопитъ, вздохнувъ глубоко,
 Сжалъ саблю въ шрепенной рукѣ.
 Едва лишь шумъ — онъ вспрепенеся:
 Иль у развѣзжихъ Казаковъ,
 О стремя сабля вдругъ забьется;
 Иль окликъ по цѣпи постовъ
 Рѣкой пропьятно пронесется; —
 Онъ остановился и ждесть,
 Доколь шумъ и страхъ пройдесть.
 Кому неволя не ужасна,
 Кому свобода не мила,
 И кто себя желаетъ зла?
 Черезъ цѣпь онъ тихо, безопасно,
 Въ правѣ прокрадся, какъ змѣя.
 Онъ у воды. Здѣсь жизнь шлоя

Споишь между двумя смерщими:
 Впередъ — ты гибнешь подъ волнами;
 Назадъ ищи — тамъ ешь законъ,
 Тамъ ждешь палачъ, тамъ ждуть окоы!
 Нытъ, не снесу позоръ суровый!
 Сказалъ и въ волны прынулъ онъ.

Цывешь... кругомъ клочочить волны.
 Дунай широкъ, а ночь темна,
 Какъ въ морѣ, приспанъ не видна.
 Бѣглець надежды, спираха полный,
 Цывешь... но скоро быстрина
 Его спремленіемъ уноситъ.
 Ужъ щипитъ руку онъ заноситъ;
 И воду подъ себя гребетъ;
 Холодный пошь съ лица пещешь,
 Гнешешь его изнеможенъ
 Несносной тяжестью ко дну;
 И силъ послѣднихъ напряженье.
 Не одолѣешь ужъ волну.
 Увы! я гибну! Боже, Боже!
 Ты наказаль...

Въ Галаць жилъ
 Богатый Грекъ. Всего дороже,
 Покой и деньги онъ цѣнилъ.
 Ужъ въ нихъ душа его шонула,
 Уже во всѣ края земли
 Его носились корабли
 Съ богатствомъ, съ роскошью Стамбула.
 Онъ дочь имѣлъ, Чершы лица
 Сама любовь ей рисовала;
 Она одна лишь уврашала

Весь домъ богатаго отца,
 Стройна, невинна, какъ природа,
 Мила, развязна, какъ свобода;
 Невыразимый Мирры взоръ,
 Для всѣхъ былъ страшный приговоръ
 Къ любви, къ печали неизбежной.
 Но злой отецъ ей приказалъ,
 Для всѣхъ бытьъ вѣчно безнадежной:
 Себѣ онъ почестей искалъ,
 И шайно дочь предназначалъ,
 За почести, въ гаремъ Султана.

Среди роскошнаго дивана
 Сидѣлъ однажды Грекъ. Предъ нимъ
 Клубился ароматный дымъ
 Изъ шрубки яшмовой кальяна.
 Онъ слухъ вниманьемъ нѣжилъ свой,
 Какъ Мирра рзвою рукой,
 По струнамъ арфы пробѣгала,
 И голосъ ангельскій слывала
 Съ очаровательной игрой.
 Давно знакомые напѣвы,
 Казались новыми ему.
 Онъ не примѣшилъ, почему
 Румянецъ вспыхнулъ вдругъ у дѣвы.
 Въ дверяхъ угрюмый Карамъ,
 Боясь его прервашъ вниманье,
 Спокоя въ безмолвномъ ожиданьи.
 Какой-то незнакомецъ съ нимъ:
 Цѣвшущихъ дѣшъ чершы живыя,
 Одѣлись скорбью съ раннихъ поръ;
 Глаза, какъ небо, голубые
 На все бѣдали мрачный взоръ.

Но все, какъ будто украшали
 Его лице слѣды печали.
 Онъ невнимательно спокоя,
 Еще онъ Мирры не видалъ,
 Волшебныхъ звуковъ не слыхалъ.
 Но скоро юноша очулся,
 Послышалось, какъ бы въ раю,
 Его гласъ Ангела коснулся.
 Забыла Мирра пѣснь свою;
 Отецъ угрюмый оглянулся.
 . . . . .

А. В...

(Продолженіе будетъ.)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОИСШЕСТВІЯ ТЕКУЩАГО
 ГОДА, СЪ МАЯ ПО СЕНТЯБРЬ.

Великобританія. Важнѣйшимъ дѣломъ
 Британскаго Парламента, въ продолженіе ны-
 нѣшняго его засѣданія, было рѣшеніе вопроса:
 слѣдуетъ ли уравнять Римскихъ Каполиковъ
 въ правахъ съ Протестантшами? Нижняя Па-
 лата, убѣдясь доводами Г. Каннинга, приня-
 ла сей билль 10 Мая (н. ст.), большинствомъ
 248 голосовъ противъ 227. За симъ перене-
 сли оный въ Верхнюю Палату, гдѣ встрѣ-

жилося сильное сопротивление со стороны высшего Английскаго Духовенства и многих Перовъ. Первыя мѣста въ числѣ противниковъ сего закона, занимали Герцогъ Йоркскій, братъ Короля, и Канцлеръ Британніи. Достоинно замѣчанія, что и народъ еще раздѣляешь съ нѣкоторыми вельможами древнюю ненависть къ Римскимъ Капюдикамъ: рѣчь, произнесенная при семъ случаѣ Герцогомъ Йоркскимъ, была напечатана *золотыми буквами*, и великолѣпные сіи экземпляры вскорѣ разошлись. Вилъ опринулъ въ Верхней Палатѣ 17 Мая, 178 голосами прошиву 130. Сіе рѣшеніе удовлетворило желаніямъ многихъ ревностныхъ приверженцевъ Протестантизма, но огорчило Капюликовъ, особенно Ирландскихъ: между тѣмъ сіи послѣдніе не теряютъ надежды, и полагають, что Верхняя Палата вскорѣ не преминетъ послѣдовать примѣру Нижней. — Другой новый законъ, обратившій на себя вниманіе Европы и цѣлаго Свѣта, принятъ былъ обими Палатами Парламента, въ началѣ Юня мѣсяца: оный заключаетъ въ себѣ опмѣну прежнихъ постановленій касательно торговли колоній, и даруетъ онымъ право производить торгъ со всеми народами земнаго шара. Сія мѣра не преминетъ возвысить богатство и благоденствіе Английскихъ ко-

лоній, и утвердитъ въ то же время узы, соединяющія ихъ съ метрополіею: известно, что Сѣверная Америка побуждена была къ отпаденію събиспительными мѣрами, кои принялъ погданній Английскій Парламентъ. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ Парламента предъ закрытіемъ онаго, было назначеніе достачной суммы на заведеніе колоній въ обширной, малообитаемой Канадѣ. Туда отправляются преимущественно земледѣльцы Ирландскіе, претерывающіе въ опечествѣ своемъ крайнюю бѣдность. При закрытіи засѣданій Парламента, послѣдовавшемъ 6 Юля и. сп., остался нерѣшеннымъ одинъ важный вопросъ: съдуютъ ли дозволишь вывозъ машинъ изъ Англіи? Голоса въ семъ случаѣ раздѣлены.

Съ Европейскими Державами и съ областями Америки, Англія пребываетъ въ мирѣ и согласіи. На берегу Африки Ашантии ушли, но ужасныя повальные болѣзни свирѣпствуютъ въ Капъ-Костъ-Кастль. Востъ-Индіа спокойна. Въ Остъ-Индіи, война съ Бирманами продолжается безъ важныхъ успѣховъ. Британніа тамъ, съ другой стороны, распространяетъ владычество свое медленнымъ, но вѣрнымъ образомъ: съ 1813 по 1824 годъ, тридцать Остъ-Индскихъ владѣній признали верховную надъ собою власть Велико-

брипанніи: земли сихъ Государствъ про-
спираются осьъ предѣловъ Аравіи до Авы,
и осьъ границъ Тибеша до мыса Коморина.
Успѣхамъ Англичанъ не мало способству-
ють междоусобіа памошнихъ владѣльцевъ.
Предводитель воинственныхъ Шейковъ, Ру-
гешъ-Сингъ воюеть съ Авганами, и намѣ-
рень покорить Кабуль.

Общепользныя, исполинскія предпріятія
исполняются въ Англіи, по прежнему, съ
великимъ успѣхомъ. Къ числу оныхъ принад-
лежатъ въ нынѣшнее время: заложение кана-
ловъ между Лондономъ, Брисподемъ и Портс-
мутомъ, копорыми несказанно облегчилось
внушренное сообщеніе, и суда избѣгнушь
плаванія по бурному Брипанскому каналу,
ежегодно поглощающему многихъ мореход-
цевъ; — учрежденіе пароваго судоходства съ
разными пунктами Франціи, Голландіи и
Германіи: теперъ отправляются изъ Англіи
пароходы, съ шоварами, пассажирами и пись-
мами, вѣрно, скоро и безпрепятственно, въ
Булонь, Амстердамъ, Гамбургъ и пр.; долж-
но надѣяться, что сіи сообщенія вскорѣ бу-
дутъ учреждены и съ Балшикою; — отпра-
вленіе новыхъ экспедицій для изысканій во
внушренности Африки, и наконецъ учрежде-
ніе Университета въ Лондонѣ.

Франція. Въ нынѣшнемъ году, Французы
насладились зрѣлищемъ, невиданнымъ у нихъ
въ печеніе полувѣка — коронованія Короля
Французскаго въ древнемъ Реймсѣ. Оно со-
вершено было 29 Мая со всѣмъ, приличнымъ
важности сего дѣйствія, торжествомъ. Карлъ
X ознаменовалъ вѣнчаніе свое на прароди-
тельскомъ престолѣ, многими подвигами до-
бра, благотворительности и милосердія. —
13 Іюня, закрыты были нынѣшнія засѣданія
Палаты Перовъ и Депушатовъ. Принятый
ими законъ, о вознагражденіи эмигрантовъ,
успѣшно приводится въ дѣйство, но пре-
вращеніе пяти-процентныхъ облигацій Го-
сударственного долга въ трехъ-процентныя
идеть медленно; впрочемъ Франція шакъ бо-
гата, что сіе обстоятельство не можетъ
нанести ей вреда. Правительство усердно
занимается усовершеніемъ разныхъ частей
народнаго просвѣщенія: въ нынѣшнемъ году
учреждены Училища: Главное Богословское
въ Парижѣ и Гидрографическія въ важнѣй-
шихъ приморскихъ городахъ. Нынѣ зани-
маются планомъ прокопанъ, осьъ Гавра до
Парижа, судоходный каналъ, и симъ сред-
ствомъ доставить сей сполницъ выгоды при-
морскаго города. — Важнѣйшимъ дѣломъ
Франціи, въ отношеніи къ политикѣ внѣш-
ней, было признаніе независимости оспрова

Сень-Доминга или Гаиши. Распространённые съезжами мясежа и безначалія, во время Французской революціи, правила были первою причиною опшорженія сей опдаленной богатой колоніи. Сшгаранія Франціи, покорить оную силою оружія, были напрасны. Храбрый Генераль Бойе, Президентъ Республики Гаишской, прекратилъ перзавшіе сей островъ безпорядки, водворилъ на немъ спокойствіе и благоушройство, и желалъ увбичать сіе дьло добровольнымъ признаніемъ онаго со спороны Французской короны. Нынѣ достигъ онъ своей цѣли: Франція признала независимость Сень-Доминга, получивъ за то великія выгоды для своей шорговли, и обіязавъ нынѣшнихъ жипедей онаго вознаградишь потерю, понесенныя прелжными помѣщиками. Находясь въ шѣсныхъ связяхъ съ Испанією, Франція не могла, подобно Англіи, войти въ непосредственныя сношенія съ бывшими Испанскими владѣніями въ Южной Америкѣ; но она не преняшшвуесть своимъ подданнымъ производишь выгодную для нихъ съ пѣми странами шорговлю, наблюдая полько, чшобъ пришомъ не были оскорбляемы чешъ и дошюинство Испанскаго флага. На случай неприяшныхъ происшешвій въ самой Испаніи, Франція имѣеть на границахъ оной значительную военную силу.

Испанія. Положеніе сей земли не перемѣняется. Правительство желаетъ наблюдать правосудіе, и избираетъ средній путь между строгосію и послабленіемъ, но его старанія еще не увбичались успѣхомъ. Король шоржешшвенно успокоилъ вѣрноподданныхъ своихъ объявленіемъ, что онъ не введетъ пагубной Конспишущи, и учредилъ Юншу безопасности, которая должна обуздывать неумѣренныхъ людей всѣхъ паршій, ибо и роялисты, увлекаясь необдуманною ревностію, иногда причиняли безпорядки. Учрежденіе сей Юншы было неприяшно многимъ особамъ, находящимъ пользу свою въ продолженіи безпокойствъ. Одинъ изъ Генераловъ, коихъ мы видѣли на споронѣ защитниковъ Короля, Бессіеръ, забывъ долгъ чести и присяги, вздумалъ было вооруженною рукою противишься мѣрамъ Правительштва; но оно вскорѣ его усмирило: зачинщикъ мясежа былъ взятъ въ плѣнъ съ своими сообщниками, и на другой же день разшрѣляль. Въ то же время преданъ смершней казни Генераль Эмпесинадо, извѣшшный бѣшенствомъ и звѣршствомъ своимъ въ войнѣ съ Французами, и изшупленнымъ защитеніемъ конспишущіонной паршій въ новѣйшее время, когда оная уже была побѣждена сборниками законной власти. — Въ Ферро-

лъ и Коруннѣ, снаряжающія экспедиціи, для удержанія за Испанією осипрова Кубы — оспапка обширныхъ владѣній ея въ Новомъ Свѣшъ: дурное положеніе финансовъ препятствуетъ предпринять сіи мѣры съ надлежащею силою.

Португалія производитъ, при посредничествѣ Великобританіи, переговоры съ *Бразилією*: надѣюся, что оныя кончены будутъ къ обоюдному удовольствію. Король Португальскій, въ день тезоименитства своего, обнародовалъ всепрощеніе особамъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ безпокойствахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, кои высланы за границу.

Императоръ Австрійскій посѣтилъ въ нынѣшнемъ году *Италійскія* свои владѣнія, Миланъ и Венецію. Всѣ Государя Италіи спекались въ первый изъ сихъ городовъ. Напрасно нѣкоторые Политики утверждали, что въ ономъ собирается Конгрессъ для рѣшенія важныхъ дѣлъ въ отношеніи къ Италіи: послѣдствіе явило, что въ Миланѣ было дружеское только собраніе для утвержденія родственныхъ и пріязненныхъ связей. Съ Неаполитанскимъ Дворомъ заключенъ Австрією договоръ, въ силу коего сія послѣдняя Держава выводитъ изъ Королевства Неаполитанскаго еще часть своихъ войскъ.

Король Неаполитанскій, возвращаясь въ столицу свою изъ Милана, обрадовалъ своихъ подданныхъ обнародованіемъ всепрощенія за политическіе просупки. — Императоръ Австрійскій, по возвращеніи своемъ въ Вѣну, созвалъ Сеймъ Королевства Венгерскаго, и объявилъ, что намѣренъ короновать Супругу свою въ Пресбургѣ, въ званіи Венгерской Королевы.

Турція —

Оплагаемъ окончаніе сей спашки до слѣдующей книжки, надѣясь сообщить въ по время чинашелямъ нашимъ удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія, объ успѣхахъ Греческаго оружія въ печеніе нынѣшняго лѣша.

(Окончаніе въпредъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 5.

57. *Слово на день Святаго Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго*, на Тезоименишество Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича и Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Александра Николаевича, и на рожденіе Благовѣрной Государыни Великой Княжны Ольги Николаевны, говоренное въ Александроневской Лаврѣ Санктпетербургской Духовной Академіи Инспекторомъ Архимандритомъ Гаврииломъ. С. П. б. 1825, въ шип. Медиц. Дец. М. В. Д., въ 8, 15 стр.
58. *Курсъ Чистой Математики, составленный для Военныхъ Училищъ по порученію Беллазена, Профессорами Математики Аллезомъ, Билли, Пюисакомъ и Будро. Переводъ съ Французскаго, съ дополненіями и присоединеніемъ перевода съ того жъ языка*

Дифференціального и Интегрального исчисленія Бушарля, изданный для руководства въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Часть II. Начальная и начертательная Геометрія, ивеклированное, прямолинейная и сферическая Тригонометрія, съемка плановъ и приложение Алгебры къ Геометріи. С. П. б. 1825, въ Военной шип. Главнаго Штаба Е. И. В., 8, 464 стр. съ 11 таблицами.

(См. No 106 Сѣв. Пчелы.)

59. *Забавы Калифа, или шутки на однихъ сутки. Опера-Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. А. Писарева. М. 1825, въ шип. А. Семена, въ 8, 64 стр.*
60. *Полный Французско-Россійскій Словарь, сочиненный по пятому изданію Словаря Академіи Французской. Изданіе третіе. Противу втораго изданія Г. Статскаго Совѣтника И. Татищева исправленное и во многомъ дополненное. Четыре части. С. П. б. 1824, въ шип. Ив. Глазунова (четвертая въ М, въ шип. А. Семена) въ 1 ч. 1160, во 2 1332, въ 3 1300, въ 4 1364 столбца.*

(См. No 111 Сѣв. Пчелы.)

Къ Читателямъ С. О.

Получивъ множество криптикъ и анги-криптикъ на спашьи Московскаго Телеграфа, издаваемого Г. Полевымъ, мы приведены были въ немалое затрудненіе. Съ одной стороны не смѣли мы наполнять оными своихъ Журналовъ, зная, что многіе почтенные читатели наши, неучаствующіе въ словопреріяхъ текущей Литературы, жалуются на безконечные журнальные споры, коими опшмаешься мѣсто у прочихъ спашей. Съ другой стороны обязаны мы были удовлетворить справедливому шребованію Литераторовъ, желавшихъ оправдаться предъ публикою, и опровергнуть сужденія Г. Полеваго: *audiat et altera pars!* Для удовлетворенія желанія штой и другой стороны, рѣшились мы напечатать все доставленныя намъ ангикриптики (вмѣстѣ съ опшвѣтомъ одного изъ насъ Г. Полевому) въ особой книжкѣ, и приложить оную къ Сыку Опшчества. Сія книжка будетъ раздаваться на слѣдующей недѣлѣ.

Н. Гречь. *Ө. Булгаринъ.*

Сентября 17 1825.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я С Н О В И Д Я Щ А Я (*).

(*Повѣсть, соч. Цшокке.*)

В с т у п л е н і е.

Къ скорому выздоровленію опъ ранъ, полученныхъ на *Молишскомъ* сраженіи, не мало послужило намъ — насъ было четверо Капишановъ — пріятное мѣстополо-

(*) Кто изъ читателей не слышалъ о удивительныхъ дѣйствіяхъ жиришнаго магнетизма! Авторъ предлагаемой здѣсь Повѣсти воспользовался ими для составленія завязки оной, но въ его мнѣніи о силѣ и дѣйствіи магнетизма не должно искашь ученаго изслѣдованія и основаній особой психологической системы: его ипшеза нужна была шолько для приданія большей занимательности расказу. Здѣсь просвѣщенный читатель опшличитъ вымыслы опъ истины, обманъ чувствъ опъ вѣрнаго опшщенія, болѣзненное сосшояніе шѣла и души опъ здороваго. Но всякій признаешь, что въ дѣйствіяхъ живопш-

женіе нашей *виллы* на берегу моря, и гостеприимство ея богатыхъ владѣльцевъ, Амброзія Фаустино и супруги его, женщины ошмѣнно любезной. Всего же болѣе порадовало насъ открытіе, что хозяйка наши оба родомъ изъ Германіи. Онъ прежде назывался Фаустомъ, но удивительное сцѣпленіе обстоятельствъ побудило его поселиться въ Италіи, и перемѣнить свое имя. Невыразимое удовольствіе, вдали онъ отечественнаго неба слышать родные звуки, свело насъ ближе, сдѣлало искреннѣе.

Я имѣлъ позволеніе проводить каждое утро въ библіотекѣ хозяина. Тутъ, между многими превосходнѣйшими книгами, нашелъ я нѣсколько рукописей, писанныхъ самимъ Фаустиномъ. Онъ содержали въ себѣ достопримѣчательнѣйшіе случаи изъ собственной его жизни, въ смѣси съ разными разсужде-

---

наго магнетизма много неизяснимаго, много такого, во что углубляясь опасно: посему благоразуміе совѣтуетъ каждому, для собственнаго спокойствія, никогда не искать того, что для насъ непостижимо. На самую Повѣсть Г. Цшокке можно смотрѣть какъ на литературное произведеніе искуснаго пера, какъ на Романъ; помѣщаемый здѣсь для любителей разнообразнаго чтенія. *Перев.*

ніями о Живописи и Валяніи. Когда я сталъ просить у него этихъ тетрадей для прочтенія, онъ позволилъ мнѣ взять ихъ, и раскрывъ одну часть, сказалъ: „Вотъ здѣсь найдете вы много необыкновеннаго, даже невѣроятнаго, что, можете быть, со мной только однимъ случилось въ свѣтѣ. Повѣрьте, что все это истина, хотя впрочемъ мнѣ самому представляется иногда, какъ сновидѣніе, или обманъ чувствъ.“

И дѣйствительно, что я нашелъ, было весьма странно; какъ покажется оно и всякому, кто прочтетъ эту удивительную повѣсть. Фаустино сообщилъ мнѣ припомъ изустно разныя мелочныя подробности. — Но этого довольно для вспугленія. Здѣсь представляюща чашапелью отрывки изъ записокъ Фаустина, или, по настоящему, Фауста.

Приключенія въ Бензонѣ

Двѣнадцатаго Сентября 1771 года, перенелъ я черезъ рѣку Талиаменто при Спимбергѣ. Скорыми шагами приближался къ Нѣмецкой границѣ, къ моему отечеству, съ которымъ разлученъ былъ съ самаго дѣтства. Но на душѣ у меня было не весело;

грусть давила ее; какъ будто какая-то невидимая власть оппалкивала меня назадъ; какой-то внушрннй голось швердиль мнй: воротись!

Ньсколькo разъ останавливался я на грязной дурной дорогѣ, и оглядывался. Италія, Венеція, какъ будто манили меня къ себѣ. Но мысль: что тамъ дѣлать? чѣмъ жить? давала оплнь скорое направленіе шагамъ моимъ вдаль, къ мрачнымъ горамъ, чупь проглядывавшимъ передо мною въ дождь и въ шумань.

Въ карманѣ было у меня еще ньсколькo денегъ, но слишкомъ не много, чтообъ дойти до Вьны — развѣ прибѣгнушь къ милостынямъ, или продашь съ себя часы и бѣлье, и лучшенъкое платье, лежавшее въ узлѣ у меня за спиною. Самое цвѣтущее время моей молодости провелъ я въ Италіи, учась Живописи и Ваанію, и наконецъ въ двадцать семь лѣтъ понялъ, что не могу ничего сдѣлать отличнаго. Друзья спарались, правда, ободрявъ меня похвалами; моя работа сходила иногда съ рукъ очень выгодно. Но что значило все это, когда я самъ долженъ былъ презирать свои произведенія, недовлетворявшія моимъ пребываніямъ? Во мнѣ созрѣло печальное чувство, что я слишкомъ слабъ для одушевленія кистью и рв-

зомъ всего высокаго и прекраснаго, что постигала душа моя. Я пришелъ въ оппачаніе. Мнѣ хотѣлось не денегъ, а силы Искусства. Я спалъ проклиная свое пребываніе въ Италіи, потерянное время и самаго себя. Еще имѣя въ Германіи друзей, пошелъ я шуда. Въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, думалъ я, скроюсь оны свѣша и оны самого себя. Сдѣлаюсь школьнымъ учителемъ или чѣмъ нибудь подобнымъ, чтообъ наказашъ себя за свое высокомеріе, искавшее соперничества Анжело и Рафаэля.

Дурная погода, продолжавшаяся уже ньсколькo дней, возмущала еще болѣе встревоженный духъ мой. Часто приходила мнѣ въ голову мысль: какъ хорошо было бы умереть! — Новая дождевая шуча загнала меня въ сторону оны дороги подь деревомъ. Въ величайшемъ уныніи сидѣлъ я на большомъ камнѣ, проходя въ умѣ своемъ исчезнувшіе планы и надежды моей жизни. Вокругъ меня была дикая, гористая пусыня. Холодный дождь лилъ, какъ изъ ведра. Невдалекъ шумѣлъ между скалами ручей, надувшійся оны проливнаго дождя.

Что со мною будетъ? говорилъ я со вздохомъ, и смолрѣлъ на ручей, довольно ли оны глубоко, чтообы въ немъ упониться. Досадно мнѣ было, что я не подумалъ объ

впомъ, переходя Талиаменто. Еще шамъ положилъ бы конецъ спраданіямъ. — Но вдругъ спрашная попка овладѣла мною, попка смертельная. Я ужаснулся самого себя, и гнусныхъ своихъ замысловъ. Вскочивъ, побѣжалъ я изо всей силы, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ самого себя. Тогда былъ уже вечеръ и довольно поздно.

На пуши къ мѣстечку Вензопъ, споялъ ондѣльно большой домъ. Наступавшая темнота, проливной дождь, моя усталость, заспавили меня завернуць въ апо строеніе, котораго вывѣска обѣщала прибѣжище и угощеніе спраннику. Лишь только спунилъ я на крыльцо, какъ вдругъ овладѣли мною шопъ же ужасъ и та же смертельная попка, какія чувствовалъ я въ лѣсу на камнѣ. Остановясь у двери, я перевелъ духъ. Мнѣ казалось, какъ будто лишаюсь я чувствъ; но шакже скоро я опять оправился. Когда же вошелъ въ шендую горницу, когда опять повѣдало на меня жизнью людей, мнѣ спало шакъ легко, шакъ весело, какъ давно уже не бывало. Безъ сомнѣнія, думалъ я, все случившееся, происходило только отъ шѣдесной слабости.

Съ веселымъ духомъ сбросилъ я на сполъ свою ндшу, и попросилъ себя особую коммашку, чтобы перемѣнить совершенно из-

мокшее плашь. Мнѣ отвели маленькую каморку подлѣ общей залы, и шущъ, переодвываясь, слышалъ я, что идешь большая сумашоха въ домъ: бѣгаютъ, хлопають дверями, спрашиваютъ обо мнѣ, буду ли я шущъ ночевать, пѣшкомъ ли я пришелъ, естели у меня кожаная сумка, и прочее тому подобное. Всѣ эти распросы происходили съ большою шоропливостію, и шакъ, что лишь только ушелъ одинъ, вполне удовлетворенный, какъ явился другой, спалъ почти все то же спрашивавъ, и попомъ убѣжалъ вверхъ по лѣспнищъ.

Когда я вошелъ опять въ общую залу, всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ. Я сдѣлалъ видъ, будто не примѣчаю шого, но самъ старалъ отъ любопытства, узнать, кто шакъ подробно обо мнѣ спрашивалъ. Чтобы вывѣдать, началъ я издадека: зашелъ рѣчь о погодѣ, потомъ о шумествѣи. попомъ сдѣлалъ вопросъ, естели шущъ еще кто нибудь изъ провзжихъ? „Есть,“ отвѣчали мнѣ: „какая-шо знанная фамилія изъ Германіи, состоящая изъ стараго барина, изъ молодой, прекраснѣйшей собою, но преопасно больной дѣвушки, изъ пожилой дамы, вѣроятно, матери той дѣвицы, изъ лекаря, двухъ слугъ, и двухъ служанокъ.“ Далѣе рассказывали, что это семейство прѣ-

хало въ полдень, но частію дурная погода, частію болѣзнь двѣушки задержали его. Такимъ образомъ между рѣчами, узналъ я, что обо мнѣ спрашивали, прежде декаръ, а потомъ и самъ спарый господинъ, и оба съ шакою поропливостію, съ такимъ живымъ учасіемъ, какъ будто давно меня ожидали. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что это должны бытъ мои коронкіе знакомые, и что мнѣ стоить только взойти на верхъ — вѣрно обрадую всѣхъ своимъ появленіемъ.

Я покачалъ головою, увѣренный, что шупъ есть какая нибудь ошибка. Въ цѣломъ свѣтѣ не было у меня ни одного знакомства въ кругу знатныхъ, а особливо между Нѣмцами. Вскорѣ удостоверилъ меня въ шомъ спарый сдуга незнакомца, который съль подѣлъ меня за шоль, и на дурномъ Ишаліанскомъ языкѣ потребовалъ себя вина. Я заговорилъ съ нимъ по-Нѣмецки, и онъ очень обрадовался, когда услышалъ родной языкъ. Все, что было ему извѣстно о господахъ его, онъ расказалъ мнѣ. Я узналъ, что баринъ его, Графъ Гормегъ, везетъ въ Ишалію дочь свою для перемѣны воздуха, чьмъ надѣется исправить ея весьма разстроеное здоровье.

Чьмъ болѣе пилъ шарикъ, тѣмъ разговорчивѣе спановидся. Когда я сказала ему,

что думаю опшравиться въ Германію, онъ вздохнулъ изъ глубины души, поднялъ глаза къ небу, и придвинувшись ко мнѣ, сказалъ тихо и жалобно, почти сквозь слезы: „Ахъ, какъ бы я желалъ пойти шуда вмѣстѣ съ вами! Ахъ, какъ бы я желалъ! Нѣтъ, не могу опъ васъ упашивъ“ — продолжалъ онъ: — „это семейство навлекло на себя гнѣвъ Божій. Иначе бытъ нельзя, пошому что шупъ случаются шакія диковинныя вещи — не смѣю расказывать; да правда, если бъ и смѣлъ, то никто бы не повѣрилъ мнѣ.“

Подробности о странныхъ путешественникахъ.

Такъ говорилъ Зебалъдъ, когда онъ выпилъ еще шолько два спакана вина; но при прешьемъ позволилъ онъ себя уже бытъ со мною гораздо опкровеннѣе.

„Да, да! почтенный землякъ!“ — сказалъ онъ, посмотрѣвши вокругъ себя съ робостію, и не вида никого кромѣ насъ въ комнашъ, продолжалъ; „Да, да! я вѣдь не слѣтъ! видно несмѣшное богатство добромъ не наживается. Такъ и въ наши дѣла вшупываешься дьявольщина — спаси Боже насъ грѣшныхъ! Баринъ мой, Графъ, можетъ за-

рыть себя по горло въ золото, а все ходишь повѣся носъ, и рѣдко промолвишь слово. Старая барыня — она у Графини Горшензіи гувернаншка, компаньонка, или что-то подобное. — У ней на лицѣ написано, что совѣсть нечиста — бродишь, какъ уго-рѣлая. Сама Графиня — правду сказать, врядь ли удалось кому нибудь нарисовать и такихъ прекрасныхъ Ангеловъ, какова она, но за то — шумъ-то и сидишь самъ врагъ. Ай! ай! что такое?«

Испуганный Зебальдъ вскочилъ съ мѣста и поблѣднѣлъ, какъ смерть. Ничего однако не случилось особеннаго: только въшерь хлопнулъ оконнымъ спавнемъ. Когда я успокоилъ спараго земляка, онъ продолжалъ: „Здѣсь ни что не диво! Мы живемъ въ безпрестанномъ спрахѣ. Вошь опять одинъ изъ насъ долженъ умереть. Это мнѣ сказывала горничная, Катерина. Да, сударь, — въ добрый часъ молвишь, — если бѣ намъ, съ товарищемъ моимъ Томасомъ, нельзя было подѣ часъ отвесни душу виномъ — нѣчего сказать, въ ѣдѣ, и въ пищѣ, и въ деньгахъ намъ приволье, только на душѣ-то не весело — шакъ я бы давно ужъ убрался, куда глаза глядятъ.“

Я начиналъ уже думать, что Зебальдъ слишкомъ охмѣлялъ, и мелешь вздоръ.

„Съ чего жь ты взялъ“ — спросилъ я: — „что одинъ изъ васъ долженъ умереть?“

— Съ чего взялъ? ошвѣчалъ онъ: да впо шакъ вѣрно, какъ я сижу шеперь съ вами. Графиня Горшензіа сказала это. Вошь видише: въ Юденбургѣ, недѣли за двѣ, была у насъ шакая же исторія. Молодая Графиня предсказывала смерть одного изъ насъ. Никто и ввришь не хотѣлъ, потому, что всѣ были здоровы. Вдругъ молодой секретарь Графа, добрый, любезный господинъ, вѣчная ему память! — когда мы ѣхали по косогору — вдругъ, говорю я вамъ, оборвался съ лошадей и со всѣмъ, что на ней было, и полетѣлъ въ преисподнюю. Помилуй Господи, что шумъ было! Когда вы пойдете черезъ деревню, гдѣ онъ погребенъ, вамъ расскажутъ. Мнѣ и подумашъ о томъ пошню. Дѣло въ томъ, кто изъ насъ шеперь проспишся съ этимъ свѣшомъ. Но если это случится, клянусь честію, пошчасъ пошребую у Графа отшавки, потому что ужъ это неспросна, а мнѣ моя голова дороже, чѣмъ какая нибудъ выслуга.“

Я улыбался, вида его суевѣрный спрахъ. Но онъ клялся и божился, что все это правда, а пошомъ шепшалъ мнѣ далѣе: „Повѣрьте, сударь, въ Графинѣ Горшензіи водидися шѣма злыхъ духовъ. За годъ передъ

симъ бѣгала она въ Графскомъ замкѣ по крышамъ, какъ нашему брану не удалось бѣгати и по ровному мѣсту. Она предсказывала будущее; знаешь всѣ зарыши въ землѣ сокровища, часто впадаетъ въ испуленіе, и тогда все открыто ей. Она видѣла чело-вѣка насквозь, и узнаешь всѣ его мысли. Докпоръ Вальшеръ, чело-вѣкъ впрочемъ не-глупый и честный, утверждаетъ, что не только сквозь людей можешь она все видѣть, но даже за дверьми и за стѣной. Спѣхъ и подумаешь! Въ ея умныя часы, она таки умна, но за то въ безумныя, когда изъ нее говоришь кто-то другой, мы всѣ пляшемъ по ея дудкѣ. Развѣ не могли мы осмѣяться на большой дорогѣ? Нѣтъ, вошь видишь, надобно было ошъ Виллаха своротить, и по самому дурному пупи, на скаредныхъ лошаденкахъ и на мулахъ, пащиться черезъ горы и пропасти. А зачѣмъ? ей шакъ вздумалось. Если бѣ мы осмѣлись на большой дорогѣ, шакъ господинъ Мюллеръ былъ бы еще до сихъ поръ живъ и здоровъ.“

П р е д л о ж е н і е .

Вошедшіе въ комнату хозяйскіе люди принесли мнѣ мой сѣудный ужинъ, и помѣшали

рассказать Зебальда. Онъ обѣщала мнѣ одно-ко порассказать еще многое, когда мы будемъ опять одни. Уходя онъ меня, онъ уступилъ свое мѣсто маленькому, угрюмому, пощему чело-вѣку, котораго назвалъ господиномъ Докпоромъ. И шакъ я зналъ, что под-ла меня помѣстился опять одинъ изъ числа неизъяснимыхъ путешественниковъ.

Докпоръ смотрѣлъ на меня долго, пока я ужиналъ, пощомъ спросилъ меня по-Французски, откуда я, и куда намѣреаюсь ѣхать. Узнавши, что я Нѣмецъ, сдѣлалъ онъ ласковѣ, и заговорилъ со мною на природномъ нашемъ языкѣ. На мой взаимный вопросъ отвѣчала онъ, что Графъ Гормегъ съ дочерью ѣдетъ въ Венецію.

„Какъ бы хорошо было“ — сказала наконецъ Докпоръ: „если бѣ вы согласились намъ сопутствовать, шѣмъ болѣе, что вы еще не шѣете въ Германіи опредѣленнаго мѣста и назначенія. Вы сильнѣе въ Италіанскомъ языкѣ, нежели всѣ мы; знаете эту землю, ея нравы и обычаи — вы были бы намъ очень полезны. Графъ принялъ бы васъ пощчасъ на мѣсто своего умершаго Секретаря; сподъ, покойная жизнь, сопъ шесть гульденовъ жалованья, а припомъ извѣстная щедрость Графа — —“

Я покачалъ головою, и замѣнилъ ему, что ни Графъ меня, ни я Графа, не знаемъ довольно, чтобы заключать навѣрное, можемъ ли мы сойтись другъ съ другомъ. Тушъ Докторъ началъ выхвалять Графа, а я сказалъ на то: „вамъ будете конечно очень трудно сдѣлать столько же похвалъ Графу обо мнѣ.“

— „О, если только въ помѣ дѣло“ — возразилъ онъ: — „по повѣрше, что Графу вы уже рекомендованы. Положишься въ помѣ на меня.“

„Рекомендованъ? я? къмъ же?“

Докторъ, казалось, искалъ словъ, чтобы какъ нибудь поправилъ свою опрометчивость. „Къмъ? къмъ? — необходимошью. Говорю вамъ напередъ, что Графъ согласился бы даже плашить вамъ сто луддоровъ, если бы вы — —“

„Нѣтъ“ — ошвѣчалъ я: — „въ жизнь свою не прудился я для излишняго, всегда только для необходимаго. Съ дѣтства привыкъ я къ независимой жизни. Теперь конечно очень не богатъ, но ни за что не продамъ своей вольности.“

Докторъ нахмурился, но это не испугало меня. Сказанное мною было не жеманство: я почто шакъ думалъ. Къ тому же не хотѣлось мнѣ и для того ворониться въ Италію, чтобы не взманишь опять своей

безполезной снрасши къ Искусствамъ. Впрочемъ не скрою, что и навязчивость Доктора была мнѣ непріятна, и вообще не нравились мнѣ эти путешественники, хошь я и не вѣрилъ, чтобы въ Графинѣ сдѣла шьма злыхъ духовъ.

Видя, что никакія увѣщанія не помогаютъ, Докторъ оставилъ меня.

Тогда спалъ я размышляя, и предложеніе представило мнѣ довольно въ привлечательномъ видѣ. Попряхивая нѣсколькими монетами, оспавшимися у меня въ карманѣ, я сравнивала свое положеніе при этомъ послѣднемъ своемъ богатствѣ, съ шьмъ, какое доставитъ мнѣ жизнь у богатаго Графа. Однако слѣдствіемъ всѣхъ размышленій было: „Вонъ изъ Италіи! вселенная передъ побою открыта. Отецъ Небесный пипаетъ и юныхъ врановъ. Нужно только спокойствіе духа, мѣсто сельскаго учителя и независимость. Нужно, чтобы я напередъ поразмыслилъ о самомъ себѣ. Все было у меня потеряно — весь планъ моей жизни. Деньги мнѣ шого не замѣняютъ.“

О П Я Т ь П Р Е Д Л О Ж Е Н І Е.

Не мало удивился я, когда, спустя мигушъ десяшь послѣ разговора моего съ Док-

шоромъ, явился ко мнѣ слуга Графа, и его именемъ просилъ пожаловать въ комнату Его Сіятельства. „Что привязались ко мнѣ эти люди!“ думалъ я, однако обвѣщала пріятли. Это пріключеніе начало, если не забавлять меня, то по крайней мѣрѣ завлекать любопытство мое на счетъ шого, каковъ будетъ конецъ.

Я нашель Графа одного. Онъ расхаживалъ большими шагами по комнатѣ. Видъ и осанка его внушали почтеніе; въ чертахъ лица было много пріятнаго, но вмѣстѣ что-то и грустное. Онъ встрѣшилъ меня извиненіемъ, что попросилъ къ себѣ; засѣвши състѣ, и шупъ, повшоривъ пересказанное ему Докторомъ, сдѣлалъ мнѣ тѣ же предложенія, которыя однако отвергъ я опять съ плакою же швердосію, но скромно. Онъ вздохнулъ, отошелъ къ окну, держа сложенные за спиною руки, вдругъ оборотился снова ко мнѣ, сѣлъ подлѣ меня, и взявъ меня за руку, сказалъ: „Другъ мой! я взываю къ вашему сердцу. Слишкомъ обманули бы меня глаза мои, если бѣ вы не были человекъ честный. И шакъ безъ околичностей! Оспаньшесь у меня. Заклинаю васъ пребыть у меня только два года. Вы будете имѣть все, что для васъ нужно, а по испеченіи шого времени, заплачу я вамъ шысачу дуи-

доровъ. И шакъ два года, у меня проведенные, не будушъ для васъ пошеряни.“

Все это говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ и съ шакимъ добродушіемъ, что я былъ болѣе пронупъ, нежели ослѣпленъ предложеніемъ огромнаго капитала, кошорый могъ обезпечить меня на цѣлую жизнь, досшавивъ мнѣ споль желанную независимосшь. Я не замедилъ бы сдѣлаться, если бѣ не успѣдился въ самомъ себѣ шакъ явно показатъ, что наконецъ меня прельстили деньги. Впрочемъ съ другой стороны, и это чрезъ мѣру щедрое предложеніе казалосъ мнѣ подозрительнымъ.

„За шакую сумму найдете вы, милоспивый государъ!“ — сказала я ему, — „дошойнѣйшихъ людей, гораздо съ болъшими способностями. Вѣдъ вы меня не знаете.“ Тушъ рассказалъ я ему о своихъ обшпостельствахъ и заняшяхъ, и думалъ, не огорчая его ни мало, ошспоронить шѣмъ его шребованіа.

— „Мы не разшпанемся!“ вскричалъ онъ, и съ умоляющимъ видомъ пожалъ мою руку: „Нѣшъ, мы не разшпанемся, пошому, что васъ шолько искалъ я. Для васъ предпринялъ пушешествіе въ Ишалію со своею дочерью; для васъ пушшася онъ Виллаха сюда, по са-

мой несноснѣйшей дорогѣ; для васъ остано-
вился я въ этомъ пракиширѣ.“

Я смотрѣлъ на Графа съ большимъ уди-
вленіемъ, думая про себя: видно Его Ся-
шельство изволило надо мною поѣхаться.
„Какъ же вы могли меня искашь, когда во-
все не знали меня; когда никто не зналъ,
по какой дорогѣ иду я; когда я самъ, даже
за три дни передъ симъ, не зналъ, по этой
ли дорогѣ отправлюсь я въ Германію?“

— „Послушайте“ — продолжалъ онъ:
— „сего дня послѣ обѣда вы опдыхали въ
лѣсу. Вы сидѣли въ самой глуши, подъ дере-
вомъ, на большомъ камнѣ; смотрѣли на рѣ-
чей, и были очень печальны. Потомъ вдругъ
побѣжали опшуда, не смотря на проливной
дождь. Не такъ ли?“

При этихъ словахъ я ошобенѣлъ. Онъ
увидѣлъ мое смущеніе и сказала: „Да, точно,
вы шотъ самый, кого я ишу.“

— „Но“ — вскричала я, и признаюсь,
на меня въ эту минуу напалъ суевѣрный
ужасъ, и выдернулъ свою руку изъ его руки:
— „Но кшо же за мною примѣчалъ? Кшо
вамъ сказала это?“

„Моя дочь“ — отвѣчалъ онъ — „моя
большая дочь. Повѣрю, что вамъ кажется
это удивительнымъ. Но несчастная гово-
ритъ и видитъ въ своей болѣзни еще уди-

вительнѣйшія вещи. Уже съ мѣсяць ушвер-
ждаешъ она, что никто, кромѣ васъ, не мо-
жешъ возвратишь ей здоровья. Еще за мѣ-
сяць описала она мнѣ васъ такъ, какъ вы
шеперь передо мной стоите. Недѣли за двѣ
спала она говорить, что вы идете къ намъ
на встрѣчу. Мы должны были отправишь
искашь васъ. Она показывала дорогу, по ко-
шорой намъ слѣдовало ѣхать — по крайней
мѣрѣ въ какую сторону, и это дѣлала она
по компасу. Съ компасомъ и ландкаршою въ
карешъ ѣхали мы, сами не зная куда, какъ
мореходцы на океанѣ. Въ Виллахъ показала
она ближайшій къ вамъ путь; описала даже
многія особенноти дороги, кошорой она ни-
когда не видала, и мы должны были своро-
питишь съ большой дороги. Изъ устѣ Гор-
шензіи узналъ я сегодня, какъ уже вы близ-
ко опъ насъ, узналъ и шѣ обстоятельство,
о кошорыхъ я сей часъ говорилъ вамъ. Док-
торъ Вальшеръ, шотчасъ по приходѣ ва-
шемъ, выпросилъ у пракиширщика и раска-
заль мнѣ примѣшны ваши, совершенно сход-
ныя съ шѣми, какія Горшензіа съ мѣсяць
уже швердитъ намъ каждый день. Теперь и
я въ шомъ удосовѣренъ. По такимъ несо-
мнѣннымъ доказательствамъ, уже я ни мало
не сомнѣваюсь, что вамъ, а не кому друго-

му, предназначено испълнить дочь мою, и возвратить мнѣ счастье моей жизни.“

Онъ умолялъ и ожидалъ отвѣта. Я долго сидѣлъ въ размышленіи и нерѣшимости; въ жизнь свою не слыхивалъ я о такихъ диковинахъ. „Все, что говорили вы, Графъ,“ — сказалъ я наконецъ: — „для меня непонятно; а пошому, извините, кажется совсѣмъ невѣроятнымъ. Мое дѣло Живопись и Валяніе, и то не теперь, а было прежде. Лечить же я не умѣю.“

— „Много непонятнаго въ жизни,“ — отвѣчалъ онъ — „но не все непонятное невѣроятно, особливо когда есть явленія, которыхъ мы не можемъ отвергнуть, хотя причины ихъ отъ насъ и сокрыты. Вы не лекарь; пусть такъ. Но сила, которая открыла моей дочери ваше существованіе въ свѣтъ, сдѣлала васъ, не сомнѣвайтесь въ томъ, и ея избавителемъ. Я былъ въ молодости большой вольнодумецъ, но теперь готовъ вѣрить самому неопредѣлимому. И такъ, любезный мой Фаустъ, вы можете объяснить себѣ и мою навязчивость, и мои несоразмѣрные предложенія. Первая простибельна ошущу, который каждую минуту пренецете за жизнь единственной дочери; послѣдняя для спасенія шлоу драгоценной жизни совсѣмъ не велики. Чувствую, что

все это должно вамъ казаться неожиданнымъ, спраннымъ, романическимъ; но поживите съ нами, и вы будете свидѣтелемъ еще спранныйшихъ вещей. Если вы захотите имѣть какое нибудь особое занятіе, это будетъ состоятъ въ вашей волѣ. Я съ своей стороны не спану васъ затруднять ничѣмъ. Будьте только моимъ собесѣдникомъ, моимъ утѣшителемъ. Мнѣ предстоятъ вскорѣ очень тяжелыя минуты. Кто нибудь изъ нашего круга умретъ внезапно, и, если я хорошо понялъ, необыкновенною смертью. Дочь моя предсказала это и — такъ должно быть. Я заранее пренецете этого мгновенія, котораго не могу отвратить всѣмъ богатствомъ своимъ. Будете моимъ утѣшителемъ! Я очень несчастливъ.“

Онъ говорилъ еще долго, и съ такимъ мягкосердіемъ, что слезы выпунали на глазахъ его. Все, что до сихъ поръ я слышалъ, изумляло меня, или приводило въ сомнѣніе. То казалось мнѣ, что Графъ не совсѣмъ въ полномъ умѣ, то подозрѣвалъ я, не помѣшался ли и самъ. Наконецъ я рѣшился, во что бы то ни шало, испытать это приключеніе. Графа считалъ обманщикомъ было невозможно, а пришомъ, меня ничто не связывало, ничто не манило въ цѣломъ свѣтъ.

„Ошь щедрыхъ предложеній вашихъ, Графъ,“ — сказала я: — „позвольте мнѣ ошказаться. Давайше мнѣ сполько, чшобъ я безъ большой нужды могъ жить. Располагайше мною, и я буду доволенъ, если мнѣ удастса чшо нибудь сдѣлать къ исцѣленію вашей дочери и къ вашему счастью, хоша средство — для меня все еще непоняшино. Жизнь чело-вѣка очень дорога: я буду гордиться, если успѣю спасти хоша одну. Ошказываясь ошь денегъ, кошорыя вы мнѣ предлагали, я хошу предосшавишь себѣ полную свободу. Ошшанусь у васъ, пока могу быть вамъ полезенъ, или пока мнѣ будешъ у васъ хорошо. — Угодно вамъ принять ашо условіе — тогда я вашъ. Представыше меня въ шакомъ случаѣ вашей дочери.“

Глаза Графа заблншали радостію. Онъ заключилъ меня молча въ свои объянія, и прижалъ къ груди своей; послѣ чего вырвалосъ у него шолько, вмѣстѣ со вздохомъ: слава Богу! Нѣсколько погодя, сказала онъ: „Завтра увидише вы дочь мою. Теперь уже она легла въ постель. Я долженъ еще предупредишь ее, чшо вы здѣсь.“

— „Чшо я здѣсь?“ возразила я съ удивленіемъ: „Не вы ли сказали давиче сами, чшо она предузнала мое прибышіе, чшо она сывала даже, каковъ я?“

„Извините меня, любезный Фаустъ, я забылъ сказашъ вамъ еще объ одномъ обстоятельствѣ. Дочь моя заключаешъ въ себѣ два лица. Все, чшо въ минушы изспушленія, если шакъ можно назвашъ, видишь она, слышишь, говоришь и знаешъ, вовсе ей неизвѣстно, когда она бываешъ въ натуральномъ своемъ положеніи. Никакая даже малосшь не ошшаетса у нее въ памяши, и она сама бы сомнѣвалась въ шомъ, чшо говорила и дѣлала, и о чемъ мы послѣ ей рассказываемъ, если бы не имѣла причины мнѣ вѣришь. Во время же изспушленія, помнишь она все, чшо прежде съ нею было въ шакомъ же положеніи, и чшо случаетса съ нею въ обыкновенной жизни. Она видѣла и описывала васъ шолько въ изспушленіи; но шакъ совсѣмъ еще ничего не знаешъ объ васъ, кромѣ шого, чшо могли мы рассказашъ изъ слышаннаго ошь нее же. Не сомнѣваюсь однако, чшо въ свои необыкновенныя минушы, она васъ приметъ, какъ знакомага.“

Мы разговаривали нѣсколько часовъ, и шупшь узналъ я ошь Графа, чшо дочь его давно уже, и даже еще ребенкомъ, имѣла склонность къ ночнымъ лунашическимъ прогулкамъ. Она вставала ночью съ постели, одѣвалась, писала письма къ ошсуществующимъ, разыгрывала на фортепьяно пруднѣйшій

нопы безъ свѣчи, и дѣлала множество разныхъ мелочей съ такимъ искусствомъ, какого въ часы бдительности не только не имѣла, но никогда не могла и достигнуть. Графъ полагалъ, что это изсупленіе, или, какъ иногда называлъ онъ, ясновидѣніе, есть только сильнѣйшая степенъ дунашизма, который однако смертельно изнуряетъ дочь его.

У Ж А С Н О Е П Р И К Л Ю Ч Е Н І Е .

Уже было довольно поздно, когда я разстался съ Графомъ. Въ общей залѣ не спавалось никого, кромѣ стараго Зебальда, который все еще пошатывалъ вино.

„Послушайте, сударь!“ — сказалъ онъ: — „поговорите со мною пожалуйста по Нѣмецки, чтобы я не разучился. Куда бы жаль было! Вы, кажется, только шеперь отъ Графа?“

— „Да, я былъ у него. Онъ уговорилъ меня осипаться при немъ и вмѣстѣ вхашъ въ Ишалаю.“

„Ай да славно! Мнѣ право по душѣ, когда хоть однимъ Нѣмцемъ больше около себя вижу; а эти Ишалайцы, куда какъ мнѣ немила! Ну, вамъ у насъ все понра-

вишься, кромѣ развѣ Графини, когда она бываетъ въ изсупленномъ видѣ. Послушайте, шеперь вы наши, шакъ можно говорить съ вами пошкровеннѣе о нашихъ дѣлахъ. Вошь видите: Графъ нашъ былъ бы славный баринъ, когда бы только умѣлъ смѣяться, а шо онъ не совсемъ любитъ, когда и другіе смѣются. Вся около него дѣлають кислыя рожи. Старушка, что при Графинѣ, была бы славная барыня, да любитъ браниться, если не сдѣлаешь чего вмигъ по малѣйшему ея знаку. Мнѣ кажется, она для того только вдешь въ Ишалаю, что шамъ славные ликеры, пошому что — между нами — она любитъ клякнущъ порядкомъ. Молодая Графиня была бы шо же не дурна, если бы въ ней не водились нечистыя духи. Кто хочешъ у нее бышь въ милосии, шошь долженъ выучинься позашъ на всѣхъ чешырехъ. Гнишесь только хорошенько передъ нею. Докторъ Вальперъ былъ бы изъ всѣхъ насъ лучшій, когда бы умѣлъ вылечить ея болѣзнь. За шо мой камрадъ Томасъ . . . .“

Въ это мгновение вбѣжалъ хозяинъ въ ужасѣ, крича своимъ людямъ: пожаръ! пожаръ! помогите!

„Гдѣ пожаръ?“ спросилъ я въ испугѣ.

— „Наверху. Я видѣлъ со двора въ окнѣ яркое пламя.“

Онъ убѣжалъ. Во всемъ домѣ поднялась пуреваго. Я хотѣлъ выйши. Зебальдъ, блѣдный какъ смерть, удержалъ меня обѣими руками. „Что такое опять?“ кричалъ онъ въ шокъ. Я расшолоковалъ ему по-Нѣмецки, и послалъ его за водою. „Вотъ каково дьявольское навожденіе!“ сказалъ онъ со вздохомъ, спѣша въ кухню.

По лѣспницѣ бѣгали взадъ и впередъ. Говорили, что комната, въ которой загорѣлось, заперта, и что послали за инструментами, чтобы разломать дверь. Зебальдъ явился наверху въ одно время со мною; мы оба припавши по ведру воды. Когда онъ увидѣлъ дверь, около которой всѣ шѣснились, то сказалъ мнѣ: „пусть живешь наша спарушка; ужъ ей не сдобровашъ!“

— „Ломайше!“ закричалъ Графъ Гормегъ въ большомъ безпокойствѣ: „Ломайше скорѣе; тамъ спишь Г-жа Монлюкъ; она задохнется.“

Между шѣмъ пришелъ хозяинъ съ ломомъ. Не безъ труда сладилъ онъ съ дубовою, хорошо вдѣланною дверью. Всѣ бросились было въ горницу, но каждый опскочилъ въ ужасъ.

Тамъ было совершенно темно; только въ углу у окна бѣгали по полу синевато-желтые огни, которые однако вскорѣ по-

снули. Когда распворили дверь, поне-сло опшуда чрезвычайно острою, несстер-нимою вонью. Зебальдъ перекрестился и кувырнулся внизъ по лѣспницѣ. Съ нѣкошорыми дѣвками случилось то же. Графъ закричалъ: огня! Когда принесли, я пошелъ опкрывашъ окна, а онъ свѣщилъ къ постелѣ. Ее нашли пушкую. Нигдѣ не видно было и дыму. У окна шакъ сильно пахло, что мнѣ сдѣбалось дурно.

Графъ звалъ Г-жу Монлюкъ по имени. Когда онъ подошелъ со свѣчею, я увидѣлъ у ногъ своихъ — можно предшавишь себѣ, каковъ былъ мой ужасъ — большое, черное съ пепломъ пятно и подлѣ него обгорѣвшую мертвую голову и руку, на другомъ мѣшѣ при пальца съ золотыми перстнями и лѣвую женскую ногу, не совсѣмъ поврежденную огнемъ.

„Великій Боже!“ вскричалъ Графъ, поблѣднѣвъ: „что это?“ Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на сіи печальные ошашки человѣческаго ошавы. Вглядѣвшись въ пальцы съ кольцами, онъ опскочилъ и закричалъ вошедшему Докшору: „это Г-жа Монлюкъ; она сгорѣла, но нѣтъ ни огня, ни дыму — непонятно!“ — Онъ подошелъ опять, чтобы бодѣе удостовѣриться; пошомъ опдалъ свѣчу,

сложилъ руки, и блѣдный, какъ смерть, вышелъ изъ комнашы.

Я долго споялъ, какъ прикованный къ мѣспу. Все, что случилось со мною въ эпошу день и что было мнѣ рассказано, такъ меня ошуманило, что я безмолвно и безчувственнно смонрѣлъ на пепель, уголья и ошврашительные оспашки человеческого шрупа у ногъ моихъ. Вскорѣ вся комнаша наполнилась служителями и женщинами изъ шракшира. Я слышалъ вокругъ себя ихъ перешешиванье, и мнѣ казалось, какъ будто спюю между привидѣнїями; рассказы нянюшекъ въ моемъ дѣшпвѣ, спали сбывашься, казалось, на самомъ дѣлѣ.

Когда я принель въ себя, шо съ шрудомъ прошѣснился сквозь народъ изъ комнашы, и хопѣлъ иппи въ общую залу. Въ эпо мгновение ошворидась боковая дверь, и ошшуда вышла, поддерживаемая двумя женщинами, у каждой по свѣчъ въ рукахъ, молодая дама въ легкой спальной одеждѣ. Я оспановидя, какъ ослѣпленный и очарованный симъ новымъ зрѣлищемъ. Такой миловидности и благородства въ лицѣ, въ осанкѣ, въ движенїяхъ, я не видалъ въ моей жизни, ни въ существенномъ мїрѣ, ни въ шворенїяхъ живописцевъ и вапшелей, ни въ собшвенныхъ своихъ мечшахъ и воображаемыхъ идеалахъ

красопы. Весь ужась прежняго зрѣлища былъ забытъ. Я весь обратился въ зрѣнїе; былъ изумленъ, очарованъ. Молодая дама шихо перешупала къ шой комнашѣ, гдѣ случилось удивительное явленїе. Увидѣвъ народъ, она оспановилась, и на Нѣмецкомъ языкѣ, прїятнымъ, но повелительнымъ тономъ, сказала: „выгоните эшихъ людей!“ Въ мигъ одинъ изъ слугъ Графа принялся исполнять ея приказанїе, и съ такимъ неучшивымъ усердїемъ, что всѣхъ, и меня вмѣспѣ съ другими, началъ шолкать внизъ по лѣшницѣ.

Если когда нибудь бывали Феи, думалъ я — такъ эпо одна изъ нихъ.

Въ общей залѣ сидѣлъ Зебалдъ опять за спаканомъ вина.

„Вошь, не правду ли я сказалъ?“ кричалъ онъ мнѣ на встрѣчу: — „одинъ изъ насъ шакки ошправился! Такъ угодно было нашей колдовкѣ или самому саманѣ. Одинъ свернулъ себѣ шею, другая сторгъла безъ огня. Нѣшъ, слуга покорный! завтра же въ ошспавку, а не шо, пожалуй, дойдешъ очередь и до меня. Надобно убраться по добру по здорову, пока есть время, а шо въ Ишалаи, говорашъ, и горы дышашъ огнемъ. Нѣшъ, я не подойду къ нимъ близко. Не всегда безъ грѣха. Не мудрено, что шупъ какъ разъ дѣяволъ и на-сунеть.“

Я сказала, что видѣлъ молодую даму.

„Она и естъ!“ воскликнулъ онъ: „наша Графиня! Послушайте, сударь, убирайшесь и вы со мной завтра прочь. Мнѣ право жаль васъ, если вы кончите жизнь въ шакихъ молодыхъ лѣтахъ.“

— „Такъ Графиня Горпензіа?“

„Кому же бытъ иначе? правда, что хороша; но...“

Пришли звать Зебальда къ Графу; онъ пошелъ, или лучше, потащилъ ноги, тяжело вздыхая.

Во всемъ домѣ продолжалась еще спрашная суматоха. Я сидѣлъ въ задумчивости на скамьѣ, и посреди шакихъ происшествій казался самъ не свой. Но несравненный видъ молодой Графини, въ ослѣпительномъ блескѣ, носился безпрестанно предъ внутреннимъ моимъ взоромъ.

Уже поздно за полночь, опвелъ мнѣ хозяинъ комнату, въ которой я легъ.

А н т и п а т я .

Послѣ упомишельнаго прошедшаго дня, я спалъ очень крѣпко, и проспалъ почти до полудня. Когда я проснулся, все, случившееся со мною наканунѣ, представлялось мнѣ

какъ темное, лихорадочное сновидѣніе. Я припоминалъ, и не вѣрилъ самому себѣ — не могъ однако и сомнѣваться. Впрочемъ на душѣ было у меня повеселѣе. Ни сколько не колебался я въ своей рѣшимости сдержашъ данное Графу Гормегу слово, во что бы то ни стало. Будущая участь моя представлялась мнѣ споль необыкновенною, что она даже манила и подспрекала меня.

Общая зала, въ которую вошелъ я, была наполнена мѣшными и полицейскими служилеями, капуцинами и мужиками, пришедшими частію по должности, частію же изъ любопытства. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, чтобы сожженіе Г-жи Монлюкъ не было дѣломъ дьявола (*). Хотя Графъ велѣлъ своимъ людямъ похоронить печальные останки ея; но шолковали о томъ, что надобно освяшнить весь домъ и очистишъ его ошъ бѣсовскаго навожденія. Это сполло большихъ издержекъ. Насъ, путешественни-

(*). Суевѣріе породило много ужасныхъ мнѣній: оно всего сильнѣе дѣйствовало на воображеніе людей легковѣрныхъ. Ошъ шакихъ душевныхъ недуговъ лучшее врачевство естъ просвѣщеніе, основанное на Хрисіанскомъ благочестіи, на спрахѣ Божіемъ, изгоняющемъ изъ челоука всякій другой спрахъ.

ковъ, хотѣли задержавъ и судить, не рѣшились только, духовнымъ или гражданскимъ судомъ; наконецъ положили единогласно, препроводить насъ въ Удине, къ тамошнему Римско-Католическому Архіепископу.

Графъ, будучи не такъ силенъ въ Испанскомъ языкѣ, очень обрадовался, когда увидѣлъ меня. Чтобы успокоить умы и покрыть нанесенные хозяину убытки, предлагалъ уже онъ порядочную сумму денегъ. Однако ничто не помогало. И такъ предоставилъ онъ мнѣ кончить дѣло ошъ его имени.

Я предстала господамъ чиновникамъ и всему ихъ причету, и объявивъ, что пробѣже также точно для меня посторонніе люди, какъ и для нихъ, далъ имъ двѣ вещи на разсужденіе. Это несчастіе, говорилъ я, или случилось оно естественнo, по крайней мѣрѣ безъ участія Графа — тогда, задержавъ его, какъ весьма знашную и сильную особу, навлекутъ они себѣ большія непріятности; или оно вышло дѣйствительно ошъ нечистаго духа, съ кошорымъ, бытъ можеть, Графъ въ связи — въ такомъ случаѣ для него очень легко надѣлать имъ, всей деревнѣ, пожалуй и всему ихъ племени, изъ ошмщенія, большія хлопоты. Слѣдовательно, прибавилъ я, гораздо лучше воспользоваться

предлагаемыми деньгами; пусть ничего бояться ни ошмщенности, ни мщенія, и во всякомъ случаѣ, чистый выигрышь. Мои доводы убедили ихъ. Деньги были ошсчитаны. Намъ подали лошадей. Мы съѣли и поехали. На небѣ разясвило еще съ утра.

Графиня, съ своими женщинами и служителями, ошправилась еще за нѣсколько часовъ до насъ. Графъ оставался только съ однимъ слугою. Дорогой началъ онъ говорить о вчерашнемъ ужасномъ приключеніи. Онъ сказалъ, что оно сильно подѣйствовало на дочь его, которая послѣ того впала на нѣсколько часовъ въ судороги, потомъ немного уснула, наконецъ проснулась и была очень покойна, однако захотѣла немедленно ошпаивать этошъ несчастный домъ.

Желая, можеть бытъ, приготовить мекъ къ тому, чего долженъ я ожидать ошъ будущей своей жизни, Графъ продолжалъ такъ: „Я принужденъ во многомъ уступать и слѣдовать волѣ больной моей дочери. Она очень своевольна и упряма: каждое прощиворѣчіе, при ея раздражимельности, сердитъ ее, а малѣйшая досада можеть причинить ей большія спраданія на нѣсколько дней. Я сказывалъ ей о нашемъ прибытіи. Она выслушала равнодушно. Когда же я спросилъ, могу ли представить васъ ей, она ошавча-

ла: „Развѣ думаете, что я такъ чрезвычайно любопытна? Еще будетъ время въ Венеціи.“ — Однако я надѣюсь найши къ пому случаю еще дорогой. Не огорчайтесь, любезный Фаустъ, ея причудами. Она несчастная, съ которою надобно обходиться снисходительно, чтобы не повергнушь преждевременно въ гробъ. Она единственное мое благо, моя послѣдняя на землѣ отрада. О г-жѣ Монлюкъ она, кажется, не горюетъ, потому что въ послѣднее время съ каждымъ днемъ теряла свою къ ней привязанность, не знаю, по какой собственно причинѣ, но думаю, не оного ли, что эта старушка слишкомъ пристрастилась къ крѣпкимъ напиткамъ. Да, нашъ Докшоръ утверждаетъ, будто эта несчастная страсть и причинила ей такую жалкую смерть. Мнѣ очень жаль старушки. Она была чрезвычайно предана мнѣ и моей дочери. Докшоръ Вальшеръ рассказывалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ, впрочемъ конечно весьма рѣдко случающихся, какъ человѣческія тѣла сами собою загораются и въ нѣсколько минутъ обращаются въ пепель. Онъ старался мнѣ объяснить это явленіе естественнымъ образомъ: однако мнѣ все это не понятно. Знаю только теперь, что нѣтъ ни-

чего ужаснѣе такой, внутреннимъ пламенемъ пожирающей смерти (*).“

Такъ говорилъ Графъ, и это было предметомъ нашего разговора почти во всю дорогу до Венеціи, потому, что мы останавливались только ночевать, и то не на долго. Такъ угодно было молодой Графинѣ, не смотря на изнеможеніе тѣла ея, и ни на какія увѣщанія отца и Докшора. Я все еще не имѣлъ счастья быть ей представленнымъ. Мнѣ даже надобно было всегда держась себя какъ можно далѣе, потому, что я совсѣмъ не имѣлъ чести ей нравиться.

Ее несли въ носилкахъ. Слуги шли тѣмъ же по споронамъ; женщины ѣхали, какъ и Графъ, въ особой коляскѣ, а я съ Докшоромъ верхомъ.

Однажды Графиня, выходя изъ пращиры къ носилкамъ, увидѣла меня и сказала Докшору: „Кто такой эшошь человекъ, который безпрестанно около насъ вершится.“

— „Эшо г. Фаустъ, Графиня.“

„Препрошивная фигура; я не могу на него смотреть.“

— „Вы сами его желали. Для него и предпріяно путешествіе. Такъ считайте

(*) Пламенемъ невоздержанія!

его за лекарство, которое сами себя предписали.“

„Правда, какъ посмотрю на него, все равно, что на лекарство — также прошивно.“

Хоть я былъ въ споронъ, но этонъ разговоръ не прошелъ мимо ушей моихъ, и не знаю, что было у меня на лицъ, но помню, что я ужасно огорчился. Если бы не благосклонное, дружеское обращение Графа, то я тогда же поклонился бы причудливой красавицъ, и навосприль бы лыжи. Я не могъ конечно хвалиться красою, однако зналъ, что не совсѣмъ не нравлюсь женщинамъ. Не разъ говорили мнѣ прекрасныя, и пошому достойныя ввролшія уша, что спанъ мой не дурень, мои русые волосы, голубые глаза ни мало не прошивны. Я принималъ это за надичныя деньги, хоша и не слишкомъ пшвъ щеславился. Однако шеперь, бышь полько терпиму, какъ лекарство, это было слишкомъ жестоко для самолюбія молодого челоуька, особливо шакого, кошорый, будь онъ Графъ или Князь, не задумался бы причесшъ себя къ числу поклонниковъ прелешной Горпензін.

Однако шакъ и оспалось. Графиня прівъхала въ Венецію довольно благополучно, и ея лекарство покорно послъдовало за нею. На-

нялъ быть превосходнѣйшій домъ; мнѣ опъвели особыя комнаты, дали особую услугу. Графъ Гормегъ жилъ, какъ говорится, на большой ногъ, Между Венеціянскими дворянами было у него много друзей.

Я с н о в и д ѣ н і е.

Уже дни чепыре прожили мы въ Венеціи, какъ вдругъ однажды послъ объда, позвали меня шоронливо къ Графу. Онъ принялъ меня съ необыкновенно веселымъ лицемъ.

„Моя дочь“ — сказалъ онъ: „вась пошребовала. Хотя не проходишь дня, чтошь не имъла она своихъ припадковъ, но полько сегодня, и шеперь полько пребуешь она вась къ себъ. Пойдемъ-ще къ ней въ комнату, полько пише. Малъшій шумъ для нее вреденъ и можещъ причинишь ей опасныя судороги.“

— „Но“ — спросилъ я съ шайнымъ ужасомъ: „что жъ я должень буду дълашь.“

„Какъ это знашь? Предосшавимъ все Богу.“

Мы вошли въ большую, великолъпную, зеленымъ шпофомъ обвъшанную комнату. Двъ горничныя стояли, опершишь на окно, въ

безмолвіи и тоскѣ. Докторъ сидѣлъ на софѣ, смотря на больную, кошорая спояла въ срединѣ комнаты съ зажмуренными глазами; одна рука опущена, другая приподнята въ половину, неподвижно, какъ статуя. Только волнованіе груди ея было признакомъ дыханія. Торжественная пишинна, какая здѣсь царствовала, а припомъ необыкновенное положеніе, въ какомъ находилась Горпензія, на кошорую обращены были глаза всѣхъ, наполнили душу мою невольнымъ, но приипнымъ прещетомъ.

Какъ скоро я вошелъ въ это шихое жилище, Графиня сказала, не открывая глаза и не перемѣняя положенія, самымъ сладоспнымъ голосомъ: „Наконецъ, шы явился, Фауспъ Эмилиій! Зачѣмъ же шы опъ меня скрывался? — О, подойди, благослови меня, чшобъ я излечилась опъ своей болѣзни! Благослови меня!“

Не зная, ко мнѣ ли относилось это привѣнспвіе, спояла я, вѣроятно, не со всѣмъ съ умною миною. Графъ и Докторъ кивали, чшобъ я подошелъ и, подняяв руки надъ ея головою, положилъ ей на плеча, какъ бы благославляя.

Я подошелъ, подняяв руки надъ ея прелеспнѣйшею головою, но допронуться до нее недоспавало у меня смѣлостца, Легонько

опуспилъ я опяпъ руки. На лицѣ Горпензіи показалось неудовольствіе. Я подняяв руки опяпъ и, проспирая ихъ къ ней, держала такъ, самъ не зная, чшбъ дѣлаю. Лице ея прояснилось, и пошому я уже не перемѣнялъ своего положенія, но смущеніе мое увеличилось, когда Графиня сказала: „Эмилиій, все еще нѣшь воли швоей пособить мнѣ. О, шолько пожелай! Твоя воля могущественна.“

— „Графиня!“ сказалъ я: „не сомнѣвайшесь въ желаніи моемъ пособить вамъ.“

— И это сказалъ я истинно опъ души. И если бы она пошребовала, чшобъ я для нее бросился въ море, я съ радоспю бы сдѣлалъ это. Мнѣ казалось, будшо я спюю передъ какимъ нибудѣ неземнымъ существомъ. Необыкновенная соразмѣрность членовъ, привлекашельность, прелеспъ всѣхъ формъ, миловидность лица, какъ бы блескомъ озареннаго, все это обворожало меня такъ, что и моя душа порывалась изъ шѣла. Никогда прелеспное не предспавлялось мнѣ въ шакомъ очаровашельномъ видѣ. Сколко я могъ замѣчать издали, мнѣ всегда казалось лице Горпензіи, хопя очень миловиднымъ, но блѣднымъ, спраждушимъ, пасмурнымъ; шупъ же со всѣмъ не шо. Опшѣнно понкій румянецъ, какъ бы легкой розовой отсвѣщъ, пробѣгалъ по близости ея кожи; во всѣхъ

чертахъ было что-то благородное, величественное, чего въ обыкновенной жизни не можешь дать человѣку ни природа, ни искусство. Въ цѣломъ выразалось на лицѣ ея, не улыбка, но что-то торжественное, по добное крошечному восхищенію. Ни одинъ живописецъ, въ минуты величайшаго вдохновенія, не могъ бы предсавить себѣ шакого идеала. Къ тому же это неизмѣнное положеніе, эта неподвижность въ чертахъ лица, эти, какъ бы во снѣ, сомкнутыя глаза! Ни когда не чувствовала я въ себѣ шакого восхищительнаго ужаса.

„О Эмили!“ сказала она мнѣ по нѣкоторомъ молчаніи: „теперь я вижу швердость швоей воли. Теперь знаю, что шоболо ушолась мои страданія. Волосы твои сверкають здашимъ пламенемъ; изъ персцовъ твоихъ спираются лучи серебряныя; вокругъ тебя небесная лазурь. О, съ какою жадностію вдыхаешь въ себя все мое существо блескъ швой, благошворный, цѣлительный.“

При этихъ, довольно поэтическихъ привѣщствіяхъ, вспомнила я невольно о лекарствѣ, съ которымъ за нѣсколько дней имѣлъ честь бытъ сравниваемъ, и сожалѣлъ про себя, что не замѣчаю въ себѣ ни зодощихъ, ни серебряныхъ лучей.

„Не сердись на нее въ своихъ мысляхъ!“ — сказала Горшенія: „не сердись на нее, слабую, большую; не сердись на болѣзненное ея оспроуміе, что она сравнивала себя съ горькими врачеваніями. Будь благороднѣе, нежели безразсудная, часто увлекаемая болями, часто доводимая своими земными, штѣлесными слабостями до безумія!“

Докторъ при сихъ словахъ посмошрѣлъ, смѣючись, на меня, а я на Доктора, съ видомъ изумленія, не о шомъ, что унижалась она просить прощенія, но что угадывала мысли мои.

„Не развлекайся, Эмили!“ сказала мнѣ Графиня: „ты разговариваешь мысленно съ Докторомъ. Обращи все свое вниманіе на меня и на мое исцѣленіе. Мнѣ больно, когда мысли швои и на одно мгновеіе опъ меня опклоняются. Будь швердъ въ швоей волѣ: въ швоемъ желаніи пролишь въ мое шадкое, исчезающее существо благошворную силу швоего свѣта. Видишь ли, какъ сильна швои воля! Мои закосштенныя нервы смѣняются, паюють, какъ иней на солнцѣ.“

Въ шое время, какъ она говорила это, упала поднятая рука ея, и по всему штлу разлилась жизнь и движеніе. Она потребошала спула. Ей подали одно изъ, спощающихъ въ комнацѣ кресель, съ золотыми богами

вышитыми подушками. „Не такой!“ сказала она, и помолчавъ, продолжала: „Кляшчатый пологный обшпанный спудъ, который спойшь въ комнахъ Эмилія, передъ его письменнымъ столомъ. Тотъ принесише.“

Опять возбудилось во мнѣ удивленіе, какимъ образомъ извѣсны ей все подробности моей комнаш, коюрой она никогда не видала. Въ самомъ дѣлѣ такой спудъ только что оставленъ былъ мною передъ письменнымъ столомъ. Когда я одной изъ служанокъ опдалъ ключъ, чтобы принести спудъ, Горшензія сказала; „Такъ это былъ ключъ? Я не могла узнать, что это было за черное пашно. Въ левомъ карманѣ швоего жилета еще есть ключъ; вынь и брось его.“ — Я повиновался.

Когда принесли мой спудъ, она съѣла на него и, какъ казалось, съ удовольствіемъ. Мнѣ приказала она спояшь близко передъ нею съ распростертыми къ ней руками, чтобы пальцы были направлены прямо на ея сердце.

„Къ какому блаженству человекъ способенъ!“ сказала она мнѣ: „дай мнѣ слово, я закливаю тебя, что ты не оставишь меня, пока не испѣлишь моей распроенной внушенности. Если же ты оставишь ме-

ня, я погибну. Опъ тебя зависишь жизнь моя.“

Я общалъ съ восхищеніемъ и гордостію бышь хранишедемъ споль драгоценной жизни. „Не смотри на то“ — продолжала она: „если въ болѣзненномъ положеніи ея земнаго бдѣнія, она не узнаешь шебд. Пропси ей, попому, что она, жалкая, сама съ собою во всегдашнемъ прошиворѣчїи, и не знаешь, что дѣлаешь. Все пороки въ смертныхъ сущь болѣзни, коюрыя пришупаютъ силу духа.“ (*)

Она спала очень разговорчива, и не только не сердилась, когда я о чемъ нибудь спрашивалъ, но, казалось, сама находила удовольствіе опвѣчать мнѣ. Я изъясилъ свое удивленіе на счепь спранный ея болѣзни. Никогда не слыхивалъ я, чтобы человекъ, въ болѣзненномъ соспоянїи, былъ еще возвышеннѣе духомъ, чтобы видѣлъ за закрытыми глазами, узнавалъ никогда невиданное и опсущешвенное, постигалъ даже мысли другаго человека. Мнѣ предспавлялось ея положеніе совершеннѣйшимъ, нежели при самомъ крѣпкомъ здоровьѣ.

(*) Въ семь должно согласисься съ ясновидящею.

По минутиномъ молчаніи, какое всегда предшествовало ей опивтамъ, сказала она: „Я здорова, какъ умирающей, котораго соеппавъ распадается. Такъ буду я здорова и тогда, какъ все человеческое во мнѣ исчезнетъ и не спанешъ свѣла, эпой земной лампы моего вѣчнаго свѣла.“

— „Эпо объясненіе для меня темно“ — сказала я.“

„Вѣрю, но ты все поймешъ. Я знаю многое, но не могу пересказать; многое мнѣ ясно, иное тускло, и ни на что не нахожу я доспачочно словъ. Вотъ видишь: человекъ соспавленъ изъ различныхъ веществъ, или часницъ, которыя сѣпаются и принимаютъ формы какъ бы около одного пункта, и только чрезъ шо спановится онъ человекомъ (*). Такъ всѣ часници цвѣшка, слипаясь, образуютъ цвѣшокъ. И какъ каждая часница, примыкая къ другой, ограничиваетъ ее, шо сама по себѣ она не можетъ бытъ ничѣмъ, а всякая служитъ поль-

(*) Больная, вѣроятно, хотѣла сказать: человекомъ плѣснѣмъ; ибо духовному нелѣпо было бы приписывать соспавленіе человеческого существа изъ различныхъ веществъ, или часницъ, сѣпленіе ихъ между собою, приниманіе на себя различныхъ формъ, и ш. подобное.

ко къ соспавленію цѣлаго (*). Но тѣло есть только оболочка или чаша другаго изящнѣйшаго существа. Это изящнѣйшее существо есть душа моя. Душа же содержитъ меня. И такъ теперь земная чаша моя разбилась, и пошому свѣтъ мой выходитъ наружу и сливается со всѣмъ тѣмъ, опъ чего опдѣленъ былъ прежде здоровою чашею, и видишь, слышишь, чувствуешь внѣ эпой чаши, какъ и внутри ея. Не тѣло чувствуешь — оно есть само по себѣ только мертвая оболочка чувствующаго, шо есть, души. Не глаза видишь, не ухо слышишь, не языкъ вкушаетъ, а все душа. Безъ нея глазъ, ухо и языкъ суть какъ бы камни. И такъ, если земная чаша моя не выздоровѣешь посредшвомъ тебя, шо она всѣмъ разобьется и оппадетъ. Тогда не буду я принадлежать людямъ, пошому, что ничего человеческого во мнѣ не будетъ, чѣмъ бы я могла сообщаться съ ними.“

Она умолкла. Мнѣ казалось, что слышу сказанія другихъ міровъ. Я не понимала ея, но постигала, что она мыслитъ. Графы и лекарь слушали ее съ такимъ же удивле-

(**) Въ переводѣ выпущено нѣсколько слѣдующихъ за симъ спрокъ, въ которыхъ замѣчаются спранные разсужденія испуленной.

нiемъ, какъ и я. Они увѣряли послѣ, что Гортензiя никогда не была такъ весела, никогда не говаривала въ такой связи и такъ совсѣмъ не по земному; опривисшiя слова ея произносились прежде съ принужденiемъ; даже съ выраженiемъ боли: она лежала часо по цѣлымъ часамъ или въ ужасныхъ судорогахъ или въ совершенномъ оцѣпенiи. И на вопросы отвѣчала она очень рѣдко — казалось, будто ихъ не слыжала. Теперь, ошъ нашего разговора въ ней не замѣтно было ни сколько упомненiя.

Я спросилъ, не устала ли она, говори такъ много. „Ни мало“ — отвѣчала она: Мнѣ очень хорошо. Мнѣ будешь всегда хорошо, когда пшъ со мною. Черезъ семь минушь я проснусь. Нынѣшнюю ночь буду я очень покойна; но завтра по полудни въ при часа, я опять засну: тогда не оставаяя меня. За пять минушь до шрехъ часовъ, спанушь начинашься мои судороги; тогда подними надо мною свои руки, съ швердою волею бышь моимъ избавителемъ. За пять минушь до шрехъ часовъ, и именно по спѣннмъ часамъ въ швоей комнашѣ, а не по карманнмъ швоимъ, съ кошорыми у шѣхъ разница въ шрехъ минушахъ. Спавь эши каждый день по шѣмъ, чшобы не пришаось мяъ ошъ шого шерпѣшь.“

Она говорила еще многое, приказывала, что дашь ей пшшь и ѣшь по ея пробужденiи, когда ошнеси ея въ постель и шому подобное. Потомъ она замолчала. Мало по малу цвѣшь лица ея блѣднѣль и дѣлался пшкимъ, какъ въ обыкновенномъ ея положенiи; восхипишельная веселосшь въ черпахъ исчезала. Хотя она совсѣмъ не открывала глазъ пока я былъ въ комнашѣ, но казалось, что она шеперь еще только засыпаешь или уже дѣйшвишельно спишь. Уже не держалась она прямо, а вся опустилась и свѣсила голову, какъ дѣлають спящие сидя. Потомъ спала пошгиваешья и зъвань — спала проширашь глаза, ошкрыла ихъ и очнулась почти въ шу самую минушу, какую прежде назначила.

Мое присущствiе поразило ея. Она оглянулась. Горничныя пошѣшили къ ней; потомъ и Графъ съ Докшоромъ.

„Что вамъ здѣсь угодно?“ спросила она меня очень сухо.

— „Я ожидаю вашихъ приказанiй, Графиня!“ —

„Кшо вы шакковы?“

— „Меня зовушь Фауштомъ.“ —

„Позвольте мнѣ ошашься одной!“ — сказала она почти съ досадою, поклонилась мнѣ гордо, и повернулась ко мнѣ спиною.

Я удалился, и почувствовалъ въ себѣ странное смѣшеніе чувствъ. Какая разница между спящею и бодрствующею! Какъ небо опъ земли! Пропаали мой золотые и серебряные лучи, не спало и дружескаго ты, копорымъ шакъ глубоко умъла онъ проникать въ мою душу; исчезло и названіе, копорымъ я былъ осчастливленъ.

Входя къ себѣ, покачивалъ я головою, какъ бы человекъ, слишкомъ углублявшійся въ чтеніе сказокъ о духахъ и чародьяхъ, и немогшій вдругъ найшисъ въ наспоащемъ мірѣ. Въ горницѣ передъ письменнымъ столомъ моимъ недоспавало стула.

Я поставилъ другой стулъ, и шотчасъ записалъ все случившееся, даже и слова Горшензіа, какъ ихъ припомнилъ. Я боляся, что не буду вѣрншъ со временемъ собственнымъ своимъ чувствамъ, если не оставлю себѣ письменнаго памяшника. Объцано было мною прощашъ ей всѣ обиды, какія нанесешъ она мнѣ въявѣ. И я все охотно прощаль. Только шого, что она шакъ прекрасна — шолько шого не могъ я переносишъ равнодушно.

(Продолженіе впрѣд.)

ГРАФЪ СЕНЬ-ЖЕРМЕНЬ (*).

Историческій Анекдотъ.

Изъ Mémoires de M-me de Genlis.

Я позабыла сказащъ объ одномъ весьма странномъ человекѣ, копорого видала почти каждый день болѣ шесши мѣсяцевъ сряду, передъ опъѣздомъ моего опца въ Сень-Доминго: вшопъ человекъ — славный шарламанъ, Графъ Сень-Жермень (**). Ему казалось шогда опъ роду не болѣ сорока пяти лѣтъ, но, по свидѣтельству людей, видавшихъ его за шридцашъ, или шридцашъ

(*) Извѣсшнш шарламанъ, о копоромъ много было говорено и писано въ половинѣ прошлаго вѣка. Ему приписывали искусство продолашъ жизнь человеческую, и многие даже почиали, на вѣру собственннхъ его словъ, что ему было нѣсколько сощъ лѣтъ опъ роду!

(**) Въ 1813 году, помѣщены были въ Journal de l'Empire, многие анекдоты объ этомъ Графѣ Сень-Жермень, выбранные, какъ сказано, изъ неизданныхъ записокъ Барона Глейнау. Всѣ сіи анекдоты несправедливы и расказаны человекомъ, вовсе незнавшимъ Графа Сень-Жермена. Примѣч. Сошнителнщци.

нать лишь передъ шѣмъ, кажется досто-
 вѣрно, что онъ былъ гораздо смарѣе. Ростъ
 его былъ немного повыше средняго; онъ былъ
 сташень и ходилъ очень проворно; волосы
 имѣлъ онъ черные, лице весьма смуглое и
 умное, черты правильныя. Онъ совершенно
 хорошо говорилъ по-Французски, безъ всяка-
 го иносстраннаго выговора, такимъ же обра-
 зомъ по-Англійски, по-Италіански, по-Ис-
 пански и Португальски. Онъ былъ превос-
 ходный музыкантъ; аккомпанировалъ по
 слуху на фортепіано все, что ни пѣли, и
 съ такимъ совершенствомъ, что Филидоръ
 дивился тому, равно какъ и его предлюді-
 ямъ. Онъ былъ хорошій Физикъ и великій
 Химикъ; отецъ мой былъ въ состояніи
 судить объ этомъ, и очень удивлялся его
 знаниямъ въ семь родѣ. Онъ писалъ масля-
 ными красками, не какъ першпективныя
 Живописецъ, но пріятно; онъ нашель шай-
 ну составлялъ краски по истинѣ дивно,
 что дѣлало его картины необыкновенны-
 ми. Онъ писалъ въ высокомъ родѣ, кар-
 тины историческія, и никогда не упу-
 скалъ украшать женскія лица уборами изъ
 дорогихъ камней; тогда онъ употреблялъ
 свои краски для сихъ украшеній, и его изум-
 руды, сафиры, рубины и пр. имѣли точно
 яркость, осливъ и блескъ шѣхъ каменьевъ,

которыя изображалъ. Лашуръ, Ванлоо и дру-
 гіе Живописцы ходили сморщить его кар-
 тины, и весьма удивлялись необыкновенному
 составу сихъ осливительныхъ красокъ, ко-
 ихъ невыгода состояла въ томъ, что онѣ
 зашмѣвали лица; припомъ же онѣ, своимъ
 непонятнымъ обманомъ зрѣнія, уничпожали
 сходство сихъ лицъ съ природою. Но въ
 шѣхъ родахъ Живописи, гдѣ требуется шоль-
 ко украшеній, можно бѣ было весьма хоро-
 шо воспользоваться сими странными крас-
 ками, коихъ шайны Г. Сень-Жермень никому
 не хотѣлъ открыть. Разговоръ Г. Сень-
 Жермена былъ наставителенъ и занимате-
 ленъ: онъ много путешествовалъ, и зналъ
 Исторію новѣйшихъ временъ съ подро-
 бностію, которая приводила въ изумленіе:
 отъ шого-шо многіе разсѣвали слухи, что
 онъ о самыхъ древнихъ лицахъ историче-
 скихъ говорилъ такимъ образомъ, какъ буд-
 то бы живалъ вмѣстѣ съ ними; но я нико-
 гда отъ него не слышала ничего на шо по-
 хожаго. Онъ выказывалъ самыя лучшія пра-
 вила и въ точности соблюдалъ всѣ наруж-
 ныя обязанности Вѣры; раздавалъ много ми-
 лосшыни, и всѣ единогласно утверждали,
 что нравственность его была самая чистая.
 Наконецъ, все было шпененно и чинно въ
 поступкахъ его и разговорахъ. Со всѣмъ

тѣмъ, должно сознаеться, что впошъ чело-
вѣкъ, столь необыкновенный своими дарова-
ніями, обширными свѣдѣніями, и всѣмъ тѣмъ,
что можешь заслужить личное уваженіе,
ученостью, важными и благородными по-
ступками, примѣрнымъ поведеніемъ, богат-
ствомъ и благотворительностію, что эшошь
человѣкъ, говорю, былъ шарлапанъ, или по
крайней мѣрѣ человѣкъ, помѣшанный на ка-
кихъ-то особенныхъ шайнахъ, кои конечно
доставляли ему крѣпкое здоровье и жизнь
должайшую обыкновенной жизни человѣче-
ской. Признаюсь, что я увѣрена, и отецъ
мой тоже швердо былъ въ томъ увѣренъ, что
Г. Сень-Жермень, коему казалось тогда не бо-
лѣ сорока пяти лѣтъ, имѣлъ тогда по крайней
мѣрѣ девяносто. Если бы человѣкъ не упо-
треблялъ всего во зло, то обыкновенно до-
спигалъ бы до глубочайшей еще старости,
каковой иногда видимъ примѣры; безъ спра-
стей и невождержанія, *вѣкъ человеческій* былъ
бы *сто лѣтъ*, а должайшая жизнь — *полто-
раста, или сто шестьдесятъ лѣтъ*. Тогда
бы въ девяносто лѣтъ мы имѣли силу сорока
или пятидесяти-лѣтняго челоуька. По се-
му, мое предположеніе на счетъ Г. Сень-
Жермена не имѣешь ничего неосновательна-
го, если къ тому еще приняшь предполо-
женіе, что онъ нашель, посредствомъ Хи-

ми, составъ какого нибудь пишья, особа-
во напитокъ, приспособленнаго къ его сло-
женію; и можно даже повѣрить, не думая
о философскомъ камнѣ, что ему было въ
по время, о которомъ я говорю, гораздо
больше лѣтъ, нежели я полагаю. Г. Сень-
Жермень, въ первые четыре мѣсяца нашего
знакомства, не шолько не говорилъ ничего
сумасброднаго, но даже не сказалъ ни одно-
го слова необыкновеннаго. Онъ имѣлъ что-
то столь важное и столь почтенное въ
своей особѣ, что мать моя не смѣла его
спрашивать о шѣхъ спранныхъ, какія
ему приписывали. Наконецъ, въ одинъ ве-
черъ, аккомпанировавъ мнѣ по слуху мно-
гія Испаліянскія аріи, онъ сказалъ, что че-
резъ четыре или пять лѣтъ у меня будеть
прекрасный голось, и прибавилъ: „когда же
„вамъ исполнися семнадцать или осмнад-
„цать лѣтъ, желали бь вы, чтобъ вамъ
„всегда ошаваться въ эшомъ возрастѣ, или
„покрайней мѣрѣ на весьма многіе годы?“ Я
отвѣчала, что была бы шому очень рада.
„Хорошо!“ сказалъ онъ весьма важно: „я вамъ
эшо обещаю!“ и вмгъ заговорилъ о другихъ
предметахъ.

Эши немногія слова придали смѣлости
моей матери; минушу спустя, она спро-
сила его, правда ли, что опчизна его Гер-

манія? Онъ покачалъ головой съ шайн-сшвеннымъ видомъ, и тяжело вздохнувъ, ошвъчалъ: „Все, что могу вамъ сказать о моемъ рожденіи, есть то, что семи лѣтъ бродилъ я въ глуши лѣсовъ съ своимъ дядькою . . . и что за голову мою обѣщана была плата!“ . . . Сія слова заставили меня содрогнуться, ибо я ни сколько не сомнѣвалась въ искренности этой важной довѣренности. „Наканунъ моего побѣга“, продолжалъ Г. Сень-Жермень: „мать моя, кошорую мнѣ суждено было не видать больше . . . навязала мнѣ на руку свой поршрешъ . . .“ — „Ахъ, Боже мой!“ вскрикнула я. При семъ восклицаніи, Г. Сень-Жермень взглянулъ на меня, и, казалось, распростался, вида, что у меня слезы на глазахъ. „Я покажу вамъ его!“ продолжалъ онъ. Съ этими словами засучилъ онъ рукавъ и ошвъчалъ запястье, въ кошоромъ былъ вставленъ поршрешъ, весьма хорошо написанный по финифти, и представлявшій женщину рѣдкой красоты. Я смотрѣла на сей поршрешъ съ дивнѣйшимъ умиленіемъ. Г. Сень-Жермень не сказалъ больше ничего, и перемѣнилъ разговоръ. Когда же онъ ушелъ, то мнѣ очень прискорбно было слышать, что мать моя насмѣхалась надъ его изгнаніемъ, и надъ Ко-ролевою, его матерью; ибо сія голова, за

которую обѣщана была плата съ семилѣтняго возраста, сей побѣгъ въ лѣса и съ дядькою, заставляли догадываться, что онъ былъ сынъ какого-то Государя, свергнушаго съ престола. . . . Я вѣрила, и хотѣла вѣрить сему роману въ такомъ высокомъ родѣ, почему шушки моей матери весьма меня огорчили. Съ этого дня, Г. Сень-Жермень не сказалъ ничего замѣчательнаго о семъ предметѣ; я слышала только его сужденія о Музыкѣ, объ Искусствахъ, и о любовныхъ вѣщахъ, кошорыя онъ видѣлъ въ свои путешествія. Онъ мнѣ безпрестанно давалъ ошмѣнно вкусныя конфекшны въ видѣ плодовъ, и увѣрялъ меня, что самъ ихъ дѣлалъ: изъ всѣхъ его шаланшовъ, я не меньше другихъ цѣнила и эшошь. Онъ подарилъ мнѣ также весьма чудную конфекшную коробочку, кошорую также самъ сдѣлалъ. Коробочка, изъ черной черепахи, была очень велика; крышечка на ней была украшена поддальнымъ агашомъ, гораздо меньше самой крышки: когда положишь бывало эту коробочку передъ огнемъ, то черезъ минуту, принявъ ее, не видишь больше агаша, а на мѣсто его находишь прекрасную мелкую живопись, изображавшую паспущку съ корзиною цвѣтовъ; эша живопись видна была до тѣхъ поръ, пока опять согрѣешь коробоч-

ку; тогда агаши являлся снова, и закрывала рисунокъ. Это былъ бы прекрасный способъ спрятать чей нибудь порфиръ. Въ послѣдствіи, я выдумала такой составъ, которымъ поддѣлываю всякаго рода нецѣнные камни, и даже прозрачные агаши; сіе изобрѣшеніе помогло мнѣ отгадать заштылевость коробочки Г. Сень-Жермена.

Чтобы докончить все, относящееся къ этому спранныму человѣку, должна я сказать, что лишь черезъ пятнадцать или шестнадцать послѣ того, проѣзжая чрезъ Сиенну, въ Италіи, узнала я, что онъ жилъ тогда въ этомъ городѣ, и что тамъ не вѣрили, чтобы ему было болѣе пятидесяти лѣтъ. Шестнадцать или семнадцать лѣтъ спустя, въ бытность мою въ Голландіи, узнала я отъ Принца Гессенскаго, шурина Короля Датскаго и тещина Наслѣднаго Принца (который нынѣ благополучно царствуетъ), что Г. Сень-Жермень умеръ у сего Принца, за шесть мѣсяцевъ до моего прибытія въ пошій край. Принцъ, по благодѣтельности своей, отвѣчалъ на всѣ мои вопросы, касательно сего знаменитаго чудака; онъ сказалъ мнѣ, что Сень-Жермень не казался ни шаръ, ни дряхлъ передъ своею смертію; но видно было, что его мучила какая-то непреодолимая шоска. Принцъ по-

мѣстили его въ своемъ дворцѣ, и дѣлалъ съ нимъ химическіе опыты. Г. Сень-Жермень прибылъ въ Голландію не въ видѣ бѣдняка, но безъ свиты и пышности. У него было еще много прекрасныхъ алмазовъ. Онъ умеръ отъ сухотки. Передъ смертію, онъ показывалъ признаки ужасной робости, такъ, что умъ его отъ того распроился; за два мѣсяца до смерти, онъ совсѣмъ помѣшался въ умѣ: все въ немъ показывало страшное смятеніе неспокойной совѣсти. Это повсѣшествованіе меня весьма опечалило; я до того времени принимала искреннее участіе въ семь необыкновенномъ человѣкѣ.

Съ Фр. С.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

Опытъ о Романахъ Вальтера Скотта.

Романы Вальтера Скотта почти также уважаются во Франціи, какъ и въ отчизнѣ Сочинителя, въ отношеніи къ изобрѣненію и составу; а либературные знаменитости въ Англіи ставящъ ихъ въ число образцовыхъ

по слогу. Такова у насъ (т. е. во Франціи) неперпѣливоспѣ. чишашелей наслаждашся каждымъ новымъ произведеніемъ сего обильнаго Писателя, и шакова поспѣшность Французскихъ Переводчиковъ, что изданіе подлинника едва успѣваешъ появляшся нѣсколькими днями прѣжде изданія перевода. Въ Словесности мало было примѣровъ столь единодушной спрасши къ Сочинителямъ.

Романы Вальшера Скопша не избѣгающъ Кришики; но Кришика почти безсилна, когда предметомъ ея бываешъ шакой родъ сочиненій, кошорый, касаясь границъ всѣхъ прочихъ родовъ, не входить въ обласшь ни одного изъ нихъ, и шакимъ образомъ уклоняешся ошъ всякой управы.

Учасшь Романовъ, въ лишературной Республикѣ, подобна участи шѣхъ спранспвующихъ по свѣту смѣльчаковъ, любимыхъ героевъ Вальшера Скопша, кои, не имѣя опцовскаго наслѣдія, ишущъ счастья вездѣ, куда ихъ маняшъ слава, добыча и безнаказанность.

Спрасшь къ Романамъ обыкновенно означаешъ или упадокъ, или рожденіе Словесности, когда никакой законъ не управляетъ прудами ума, когда языкъ ошданъ на произволь Писателей, а роды сочиненій поршняся, или начинающъ образовашся. Мо-

дно было бы насчишашъ столько же родовъ Романовъ, сколько ешъ первообразныхъ родовъ сочиненій.

Послѣ вѣка Александрова и въ продолженіе Восточной Имперіи, появились сіи сочиненія, выродки Эпопей и Эклоги, представляющія очерки безъ разнообразія, и вымыслы безъ занимательности; — едва опыщешъ въ нихъ кое-гдѣ слѣды генія и красоты Греческихъ, подобно какъ, подѣ спроками рукописи среднихъ вѣковъ, распознаемъ иногда изглаженныя письмена древности.

Сей родъ Романовъ составляетъ вмѣстѣ съ Романами рыцарскими и любовными, появившимися во Франціи въ XVI и XVII вѣкахъ, особый разрядъ, и худшій изъ всѣхъ.

Другой Романъ, происшедшій ошъ Саширы, и кошораго Пешропій, по видимому, далъ намъ первый образецъ, ознаменованъ былъ превосходными швореніями. Во Франціи, Рабеле, Скарронъ и Вольшеръ, въ Испаніи Сервантесъ, въ Англіи Свизъшъ, дали саширическому Роману настоящее существованіе въ Лишературѣ.

Если позволяешъ намъ окончить сію классификацію, кошорая, можешъ бытъ; сдѣлана не по самой спрогой шочности, то мы поставимъ Романы нраво-описательные въ ошдѣльный разрядъ, и къ нимъ опнесемъ

Повѣсти Восточныя и Басни Французскихъ Труверовъ (Трубадуровъ), потому что въ нихъ заключаются непришворный карпину или чувствованій сердца, или нравовъ мѣстныхъ и повѣрствъ народныхъ.

Ошь сего, въ новѣйшей Литературѣ, два рода писателей Романовъ: одни, какъ Ричардсонъ и Ж. Ж. Руссо, заманивають насъ изображеніемъ спраспей, въ развитіи какого-либо единственнаго положенія; другіе, какъ Лесажъ и Фильдингъ, очершываютъ характеры и списываютъ нравы общества въ цѣлой связи забавныхъ происшествій. Романъ нравовъ имѣеть много сходства съ Драмою.

Ошавалось только Роману вшоргнушь въ область Исторіи. Если Вальшеръ Скопшъ не первый покусился на сіи завоеванія, то по крайней мѣрѣ никто до него не совершилъ онаго. Никто изъ его предшественниковъ не можеть съ нимъ итти въ сравненіе. Многіе изъ такъ-называемыхъ Историковъ, каковы Верильясъ и Сень-Реаль, испорчили вымыслами событія истинныя; но ложь не есть изобрѣшеніе творческое. Нѣкоторые Романисты облекали въ славныя имена героевъ вымышленныхъ, которымъ не было образцевъ ни въ прошлыя времена, ни въ нынѣшнемъ обществѣ. Маргарита Лю-

санъ подава шому примѣръ, которому подражали многіа писательницы; ея *Декдоты Дворовъ Филиппа Августа, Карла пятаго, Франциска I* и проч. напоминають о нравахъ Французскихъ почти столько же, сколько приключенія, выдуманная Каалпренедомъ и Скюдери, напоминають о нравахъ древности.

Въ концѣ минувшаго столѣтія, мы увидѣли ошличное произведеніе ума, въ которомъ сокровища учености слегка прикрашены вымысломъ; но названіе Романа не пристало бы книгѣ Баршедеи: она есть одинъ изъ достойнѣйшихъ памятникровъ, каковыя ученость и краснорѣчіе воздвигли истинѣ.

Напоследокъ, шворецъ *Мучениковъ (Les Martyrs* (*), яркими, и часто вѣрными красками изобразилъ нравы міра Римскаго при началѣ Христіанства; но его Романъ не столько принадлежитъ Исторіи, сколько Эпопѣ.

Вальшеръ Скопшъ не слѣдовалъ ни одному изъ сихъ образцевъ: онъ предположилъ себѣ другую цѣль; самъ онъ назначилъ мѣшу и границы своего поприща. Тѣмъ шруднѣе подчинять его шворенія литературному суду, что они составляютъ разрядъ, совер-

(*) Шатобрианъ.

шенно отдѣльный въ Романахъ, которые сами по себѣ не принадлежатъ ни къ какому роду, и не подчиняются никакимъ правиламъ, кромѣ тѣхъ, которыя каждому Писателю вздумается назначить своимъ произведеніямъ.

Но за недостаткомъ законовъ и основъ Критика можешь судить Вальшера Скопша по общимъ намѣткамъ ума и вкуса, по которымъ каждый Писатель обязанъ оправдываться. Она въ правѣ требовать отъ него общаго въ намѣреніи и средствахъ его, и разсматривать, ведетъ ли та дорога, по коей онъ слѣдуешь, къ цѣли, какую онъ себѣ предполагаетъ. Вошь долгъ, который мы пытаемся исполнить.

Вальшеръ Скопшъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ началъ писать сіи Романы, которые съ того времени подъ перомъ его размножились съ удивительною скоростью. Посвятивъ себя съ самой юности глубокому ученію и наблюденію природы и нравовъ общественныхъ, онъ болѣе всего въ Исторіи черпнулъ драгоценные матеріалы, которые, вѣроятно, хранилъ на другое употребленіе. Когда онъ издалъ, подъ вымышленнымъ именемъ, свой первый Романъ, то былъ уже извѣстенъ, какъ Поэтъ и Публицистъ.

Сказываютъ, что его опыты въ новомъ родѣ были только плодами часовъ досуга, похищенныхъ у трудовъ важнѣйшихъ; что онъ считалъ ихъ ничего незначащими очерками, и обрекалъ ихъ на забаву публики, потому что для него самого были они какъ бы опдохновеніемъ, и что онъ не хотѣлъ даже выдавать ихъ за свои сочиненія.

Примемъ за правду сіе предположеніе: въ немъ ничего нѣтъ невѣроятнаго. Сочинитель нашъ не первый будешь изъ тѣхъ, которые не знали истиннаго своего назначенія прежде, нежели приходъ или случай имъ оное открыли.

Симъ-то образомъ, можешь быть, надлежитъ объяснять удивительную способность Вальшера Скопша зараждать въ умъ и производить свои творенія; слабость нѣкоторыхъ изъ нихъ, а въ тѣхъ, которыя менѣе подвергаются упрекамъ, несовершенства, выказывающія беззаботность Сочинителя. Чаще всего, баснь его слабо связана, соучастіе чинателя дѣлится, главнымъ предметомъ Сочинитель жертвуетъ побочнымъ лицамъ и происшествіямъ, развязка худо пригословлена, худо обработана и *романическая* въ художествѣ значенія слова. Сочинитель не отличаетъ живописью страстей; онъ слишкомъ обилень постепеннымъ ихъ проявленіемъ, которое

можешь наскучишь чашаею, жаждущему волненій душевныхъ.

Но почно ли это погрѣшности на самомъ дѣлѣ? Должно ли укоряшь Вальшера Скопша за недостатокъ искусства или воображенія? Конечно нѣтъ: воображеніе выказывается въ разнообразіи случаевъ и характеровъ, искусство въ замысловатомъ расположеніи разныхъ частей предмета, который слѣдуютъ другъ за другомъ и связываются безъ помѣхи. Нить завязокъ, хотя легкая и едва замѣтная, никогда не перерывается, никогда не перелетаетъ въ эпизодическихъ подробностяхъ, искусно прикрѣпленныхъ къ главному узлу. Ни одинъ рассказчикъ не умѣешь лучше его подспрекать и умѣрашь по своей волѣ любопытство чашаелей, и заставляешь ихъ безъ скуки и непереносимости дожидаться конца Повѣсти, который все кажется близко, и который онъ безпрестанно откладываетъ. Сама героиня *Тысячи и одной ночи* не искусна его отдалала ту роковую минушу, когда любопытство ужаснаго ея слушателя будетъ удовлетворено. Читая Вальшера Скопша, не почувствуешь покушенія, столь обыкновеннаго въ чтецахъ Романовъ — пропустишь нѣсколько главъ въ серединѣ, и однимъ скокомъ добрашься до развязки. Надобно итти за

нимъ по слѣдамъ, пробывать съ нимъ по всѣмъ излучинамъ, въ которыя онъ уклоняется съ пуши, забывшь, если ему вздумается, дѣла его героя, а на случай и свои собственные. Что касается до развязки, то ему мало нужды, удовлетворить ли она васъ, только бы онъ заставилъ васъ ждать. Можно почти сказать, что онъ надъ вами насмѣхается и хочетъ только подразнить васъ *мистификаціей*: ибо сія развязка не спойшь того, что вы столько одной желали.

Но не раскаявайтесь въ вашемъ къ нему вниманіи: онъ далъ вамъ въ замѣнъ его занятіе полезное, сообщилъ вамъ истинныя свѣдѣнія. Тотъ самый вымыселъ, который плѣнялъ васъ нѣсколько сряду часовъ — былъ *Исторія*; шотъ *Романистъ*, который, казалось, шутилъ вашимъ вниманіемъ, научалъ васъ безъ вашего вѣдома тому, чему обыкновенный *Историкъ* не могъ бы васъ научить, и даже, спанется, самъ бы ни сколько не зналъ.

Лѣтописцы сохраняють и передають попомощву, къ славы или стыду властителей, дѣла знаменитыя и злодѣянія ославленныя; они записываютъ нѣкоторыя законы и многія прекрасныя изрѣченія; они подробно рассказываютъ о бившихъ и переропахъ, рѣшавшихъ судьбу народовъ, или

правильнѣе, Дворовъ. Но нравовъ частныхъ, повѣрье въ народныхъ, жребія домашняго, превратностей и порчи общества, словомъ, Исторія человека, — напрасно бы вы искали въ дѣсповѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ: въ Романѣ вы встрѣтите все сіе. Вы найдете въ немъ не погодичный расказъ событій какого нибудь царствованія или жизни какого знаменитаго мужа, но картину нравовъ какого либо поколѣнія въ опредѣленную эпоху. Вальтеръ Скопинъ дополняетъ промежутки Истории, и обрабатываетъ тѣ участки ея владѣній, которые она оставила невозвѣданными. Онъ распорядяетъ пруды свои такъ, что избѣгаетъ съ нею всякой непріязненной встрѣчи, всякаго случая къ спору или прошиворвчюю.

Героевъ его Романа бываетъ обыкновенно лице вымышленное; онъ рождаетъ его и пускаетъ жить въ той полѣтѣ темной, безвѣстной, которая презрѣна Исторіографами, людьми важными, внимательными только къ избраннымъ и сановнымъ. Со всѣмъ тѣмъ, сіе лице принимаетъ въ общественныхъ происшествіяхъ такое участіе, какое позволительно вообще всѣмъ лицамъ, составляющимъ общество: ибо нѣтъ такого мелкаго мѣщанина, который бы не положилъ своего вклада въ исторію того го-

рода, коего онъ членъ, и который бы не могъ даже много участвовать въ дѣлахъ великихъ, коихъ слава предославляется однимъ великимъ людямъ.

И эпо-то обыкновенно приключается герою, выдуманному нашимъ Романистомъ: онъ всегда бываетъ — не знаешь, какъ — замѣшанъ въ бѣсвахъ, въ заговорахъ, въ умьслахъ, и даже играетъ въ нихъ довольно важную роль. Здѣсь также Исторія не къ чему привязаться: ибо, если приключенія героя Романа не подлинны, то чѣмъ она докажетъ, что они подложны? Въ какихъ современныхъ запискахъ, въ какой лѣтописи именно сказано, что онъ не дѣлалъ и не говорилъ того, что говоритъ и дѣлаетъ по сказанію Романиста?

То неоспоримо, что характеръ, поведеніе и языкъ, приписываемыя сему лицу, сообразны съ нравами вѣка и страны, и что нельзя не признавать въ его портретѣ общаго облика его единоземцевъ и современниковъ. Въ эпохѣ Сочинитель есть точный Историкъ: онъ можетъ указать, на чемъ основывался; онъ вѣрный живописецъ: можетъ показатъ свои образцы.

Но самый сей вымышленный герой находится въ сношеніи съ лицами извѣстными, съ людьми знаменитыми. Онъ говоритъ съ

иния, ходишь посреди ихъ: онъ ихъ повѣрен-
ный, онъ участвуешь во всѣхъ ихъ дѣянiяхъ.
Правда, Исторiя о томъ не говоритъ, но и
не опровергаетъ того, ибо она всего знать
не можешь. Довольно, когда Сочинитель вы-
водитъ на позорище лице историческое,
чпобъ оно сохранило черты извѣснаго сво-
его характера, и чпобъ оно дополнило кар-
тину, добавивъ сбереженныя до насъ черты
личныя пѣмъ, кошорыя Живописецъ могъ
узнать или угадать посредствомъ изученiя
природы общей.

Когда Вальтеръ Скопшъ рассказываетъ
событiе, вписанное въ лѣтописи, то пере-
скаешь бытъ Романистомъ, отмѣтаешь вы-
мысль, берешь рѣзецъ, и твердою, ученою
рукою начертываешь повѣствованiя, достои-
ныя всякаго вѣроушiя. Ему извѣстно все,
что только могло сохраниться въ памяти
человѣческой. Свѣдѣнiя его почерпнуты изъ
чистѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ источниковъ;
онъ пробѣгалъ всѣ старыя лѣтописи, во-
прошала памятьники и преданiя, обозрѣвалъ
мѣста, собиралъ пѣсни народныя, руковод-
ствуясь въ разысканiяхъ своихъ строгою
крипкой. Онъ рассказываетъ съ такою
точностiю, какъ очевидный свидѣтель; опи-
сываетъ, какъ Поэтъ; судишь, какъ Фило-
софъ и Публицистъ. Слогъ его возвышается

до краснорѣчiя: онъ переноситъ васъ посре-
ди происшествiй минувшихъ, заславляетъ
васъ жить съ людьми прошлыхъ вѣковъ.
Вы видите ихъ въ дѣйстви, слышите ихъ
рѣчи: что не только сходныя ихъ подобiя;
что они сами, съ истиннымъ ихъ обли-
комъ, одеждою и языкомъ. Онъ воссозда-
ваетъ обломки древнихъ зданiй, оживляетъ
нравы, обычаи, природу, кошую время
или образованность истребили или измѣ-
нили. Очарованiе полно безъ малѣйшаго не-
доспашка; оно есть слѣдствiе совокупленiя
такихъ способностей, кошорыя рѣдко
находясь вмѣстѣ: перпѣнiе Ученаго, взоръ
наблюдателя и воображенiе Поэта.

Многие Писатели съ нѣкошораго време-
ни, пышались списывать, по образцу Валь-
тера Скопша, нравы среднихъ вѣковъ. Но,
хотя они имѣли умъ и знанiя, хотя въ
трудахъ ихъ можно похвалить *умълье*, —
со всѣмъ пѣмъ хакартеръ нынѣшняго вѣка
выказывался въ ихъ фигурахъ, въ кошорыхъ
они довольно хорошо подражали древнимъ
въ ихъ гошическихъ памятникыхъ вчераш-
няго дня, и въ ихъ садовыхъ развалинахъ.
Посему-то, донныъ, Вальтеръ Скопшъ
осцаешся безъ соперниковъ.

Мы отличили въ Вальтерѣ Скопшѣ Пи-

сашеля, Ромѣниста, изобразителя нравовъ и Историка.

Какъ Писатель, онъ перьятъ свое достоинство въ глазахъ читателей иностранцевъ, знающихъ его только по переводамъ. Французскіе его Переводчики конечно заслуживаютъ похвалу, особенно если принять въ уваженіе краткость времени, какое имъ было дано для сего шуда. Они умѣли перенести во Французскій языкъ оригинальность мыслей и, сколько могли, формы слога и остроуміе Сочинителя. Но то, что было говорено, съ большею или меньшею основательностію, о недоспашкахъ переводовъ, справедливо безъ всякаго противорѣчія, когда дѣло идетъ о нѣхъ замысловатыхъ швореніяхъ, которыя, шакъ скажешь, всю свою пріятность заимствуютъ ошъ удачнаго употребленія выраженій и оборотовъ языка природнаго. Кто передастъ на чужомъ языкѣ замѣливыи, шонкій оборотъ словъ, дѣйствіе одного слова, слетка ошступившаго ошъ первообразнаго своего значенія; выраженіе, вошедшее въ пословицу, или занятое у Писателя отечественнаго, примѣненіе къ народнымъ обычаямъ, къ недавнимъ воспоминаніямъ? Пусть вообразитъ себя шѣ ошступленія ошъ подлинника, которымъ подвергаются въ переводѣ на чужіе

языки Письма Г-жи Севиньи, или легкія сочиненія Вальтера!

Переводъ, линая Вальтера Скопша красотъ его слога, ослабляетъ шакже въ нѣкоторыхъ его картинахъ очарованіе вѣроподобія. Какъ все писатели нравовъ, онъ весьма часто употребляетъ рѣчи въ переносномъ смыслѣ и слогъ цвѣстисный, ибо это языкъ самый народный; сверхъ шого, онъ удержалъ изъ спихошворческаго своего навыка весьма замѣшную наклонность плодить сравненія и уподобленія. Его подобія носятъ на себя шакой ошпечашокъ приличій мѣстныхъ, они шакъ приспособлены къ природнымъ нравамъ Англій, а еще болѣе Шотландіи, что становяшся скуднымъ и сухимъ въ чужомъ языкѣ, какъ растенія жаркаго пояса въ Англійскомъ саду. Совершеннаго знанія и ежедневнаго употребленія языка едва достаточна къ шому, чтобы хорошо выразумѣть сочиненія Вальтера Скопша, ибо онъ, по видимому, съ особеннымъ шпаніемъ изучался не только общему нарѣчію каждаго Королевства (*) и каждой области, но даже особую поговорку каждаго званія и

(*) Сочинитель, безъ сомнѣнія, разумѣетъ три Королевства, составляющія Великобританію, ш. е. Англію, Шотландію и Ирландію;

состоянія жителей. Выводить ли онъ Принца, сшаршину *клана*, (*) или рыбака, происходить ли дѣйствіе во дворцѣ, или въ павернѣ, въ горахъ Шотландіи или на берегахъ острововъ Шотландскихъ, — вездѣ вы распознаете дѣйствующее лице по его выговору, мѣсто дѣйствія по *тамошнему запаху*.

Въ одномъ только своемъ сочиненіи, *Кентинъ Дурвардъ*, вздумалъ онъ описать нравы Франціи: все показываешь, что онъ читалъ Французскихъ Писателей и обозрѣвалъ мѣста; и со всѣмъ шѣмъ чужестранецъ измѣняешь себя, когда входишь въ короткія сношенія съ предками нынѣшнихъ Французовъ. Онъ не имѣешь

ибо жители каждаго изъ нихъ говорятъ особымъ языкомъ.

(*) Кланами называются въ Шотландіи поколѣнія, или колѣна жителей, происходящихъ отъ одного родоначальника и носящихъ одно прозвище. На пр. Кланъ Макъ-Грегора, Макъ-Каллумъ-Мора, Макъ-Дональда, и пр. Каждый такой классъ имѣешь своего сшаршину, или главнаго въ родѣ (родовича, какъ говорится о нашихъ Якушахъ), которому всѣ члены клана повинуются и находясь у него какъ бы въ нѣкоторой зависимости. *Пер.*

уже той развѣзности, которую даютъ закоренѣлыя привычки и домашній бытъ: чувствуешь, что онъ, какъ изгнанникъ, на чужой землѣ, и незнакомъ съ тамошними урожденцами. Мы находимъ здѣсь характеръ и полипику Лудовика XI, но не слышимъ языка Французовъ того времени, ихъ чистосердечной веселости и живыхъ шутокъ. Что же касается до стараго эмигранта, являющагося въ введеніи къ сему Роману, то образецъ ему нѣтъ во Франціи: портретъ не сходенъ ни лицомъ, ни одеждою, ни окружающими предметами; а въ живописцѣ я вижу только Англичанина, подспрекаемаго народнымъ шщеславіемъ, который увеличиваетъ безъ конца смѣшную сторону Французовъ, и раздѣиваешь ихъ съ несправедливостію, недостойною ума столь высокаго.

Сочинитель *Кентина Дурварда*, упалъ въ частныхъ подробностяхъ о нравахъ и обычаяхъ, снова возрастаетъ до собственной своей вышины въ изображеніи общей природы и въ сказаніяхъ историческихъ.

Вальшеръ Скопшъ, какъ Историкъ, понышенъ читателямъ всѣхъ народовъ, потому что всѣ языки имѣють соотвѣтственные знаки для выраженія нѣхъ понятій, которыя рождаешь въ насъ созерцаніе событий

историческихъ. Въ какихъ бы вѣкахъ, въ какихъ бы странахъ люди ни соспизались за выгоды политическія, страсти проявляются подъ тѣми же формами, говорятъ тѣми же языкомъ и ведутъ за собою сходныя послѣдствія. Но Исторія представляетъ Нравоучителью и Поэту зрѣлище болѣе одушевленное, нежели Политику: она показываетъ имъ душевныя склонности въ борьбѣ съ постановленіями, а предразсудки обществъ — съ самовластіемъ сильныхъ и превращеніями благосостоянія общаго.

Съ сей-то возвышенной точки зрѣнія Вальтеръ Скоптъ смотритъ на Исторію, когда, переставая описывать подробности оцѣны, внутренности зданій и домовъ и живописныя мѣстоположенія, онъ приближается къ твореніямъ, высокимъ по слогу, и придаетъ своимъ картинамъ движенія драматическаго дѣйствія. Если позволено думать, что онъ выбралъ себѣ образцемъ каждаго-либо изъ новѣйшихъ Писателей драматическихъ, то намъ кажется, что онъ болѣе всѣхъ подражалъ Шиллеру; по крайней мѣрѣ съ нимъ Вальтеръ Скоптъ болѣе всего сходенъ. Творецъ *Валленштейна* и *Вильгельма Телля* могъ научить творца *Иванго* и *Шотландскихъ Пуританъ* искусству —

употреблять историческіе матеріалы въ твореніяхъ воображенія.

Съ Французскаго.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ

(Продолженіе.)

Не Азіатскія черты
Суровой, грубой красоты,
Онъ въ незнакомѣ мрачномъ встрѣтилъ.
Печаль души его замѣнилъ;
И взоромъ гордымъ спросилъ
У Карамы, кто онъ былъ? —
— Онъ Русской, но свою Россію,
На край Османовъ промѣнялъ.
Онъ онъ враговъ своихъ бѣжалъ.
Осваивъ пышную Софію,
Стамбулъ и море за собой,
Я плылъ Дунаемъ. Мракъ ночной
И въспрѣ проливный, какъ сѣной,
Мнѣ пушъ къ Галацу заграждали;
И мы близъ Рень на якорь спали.
Въ полночь на палубѣ былъ я,
Со мной была моя Ревекка;
Вдругъ слышимъ мы близъ корабля,
Раздался голосъ человека.

Казалось, онъ ужъ ушопалъ ;
 По-Русски зная хопь немного,
 Я очень ясно понималъ,
 Какъ произнесъ онъ имя Бога.
 Мнѣ спало жаль — я не забылъ,
 Чшо самъ въ бѣдѣ шакой же былъ.
 И какъ меня Богъ сохранилъ,
 На помощь въ лодкѣ я пустился,
 Приплылъ къ нему. Ужъ ушопился,
 Безъ силъ сражаясь съ волной,
 Глошалъ Дунайскую онъ воду,
 И гробъ ужъ видѣлъ подъ собой.
 Я спасъ его ошъ смерти злой,
 И за спасенье взялъ свободу.
 „Какъ дымъ,“ сказалъ онъ: „ошъ огня,
 „Надежда скрылась ошъ меня,
 „Свобода не нужна мнѣ боль.
 „Возьми ее, позволъ въ неволѣ,
 „Несчастья вѣкъ окончишь мой!“
 И я привезъ его съ собой.
 Купи его, онъ въ цвѣшъ вѣка;
 Но мнѣ не нуженъ — для меня,
 Червонцы лучше человека!

Невольникъ Леолинъ, со дня,
 Когда его продали волю,
 Щиталъ свою блаженной долю,
 И все прошедшее забылъ:
 Онъ былъ близъ Мирры, и любилъ.
 Кого любовь не обольщала?
 Кого любовь не возвышала?
 Кто жизнь младую посвящилъ
 Уединенью и природѣ?

Кто для любви своей свободѣ
 Съ восторгомъ чувствъ не измѣнилъ?
 Лишь Магомедъ для грозной славы,
 И для побѣдъ, свой мечъ кровавый,
 Любимой кровью обагрилъ!
 Поднявъ его предъ войскомъ жало,
 Онъ взоромъ хладнымъ показалъ,
 Чшо онъ любви прямой не зналъ,
 Чшо сердце въ немъ лишь славу знало! —
 И войско въ страхахъ шрешало;
 Въ злодѣяхъ чувство родилось;
 Въ шолѣхъ невѣрныхъ пронеслось
 Волнение ропша упрековъ!
 Но варварамъ ли знашь любовь?
 Ушъхи ихъ убійства, кровь!
 Кто врагъ любви, шомъ другъ пороковъ!

Я зналъ любовь. — Я зналъ се!
 Но гдѣ жъ она? куда мое
 Свѣшимо счастья закашилось?
 Куда М... я ты сокрылась?
 Тебя ужъ нѣшь; но ты была!
 Еще я помню сонъ прекрасный,
 Когда въ глазахъ моихъ цвѣла.
 Я помню, какъ ты умерла,
 Какъ сонъ убійственной, ужасный!
 Твой прахъ подъ камнемъ гробовымъ,
 Я горькой не кроплю слезою;
 Тебя тамъ нѣшь, ты не подъ нимъ,
 Въ моемъ ты сердцѣ, ты со мною!

Какъ солнце свѣшитъ надъ землею,
 Такъ днемъ ты свѣпишь надо мной,

Въ глубокомъ снѣ, во мракѣ ночи,
 Ты, какъ луна, блещишь мнѣ въ очи.
 Хочу обнять — ты высоко,
 Хочу достать — ты далеко;
 И только мыслью дерзновенной,
 Касаюсь къ неприкосновенной.
 М . . . я! милый, вѣрный духъ!
 Скажи, откуда прилетишь?
 И чѣмъ еще ты обольщаешь,
 Мнѣ сердце, душу, взоръ и слухъ?
 Я видѣлъ жизнь твою мгновенно,
 Я видѣлъ землю надъ тобой;
 Но живъ еще любимецъ ивой,
 И ты жива въ немъ и нешлѣнна!
 Пусть призракъ я одинъ люблю,
 Не сонъ ли жизнь? — Я сладко сплю!

Дни съ горемъ Леопольдъ проводитъ,
 Какъ рабъ, шрудами утомленъ;
 Но шопъ счастливъ день проходишь,
 Въ который Мирру видишь онъ.
 Подъ деревомъ ея любимымъ,
 Съ тяжельмъ заснуломъ въ рукъ,
 Сидишь онъ часто въ цѣвникѣ,
 И ждешь конца надеждамъ мнимымъ;
 И ждешь, когда придетъ она.
 Она придетъ но, не одна:
 Вездѣ старуха вслѣдъ за нею,
 Какъ за звѣздой съдала ночь;
 И опъ нее ни шагу прочь,
 Съ клюкою длинною своею.
 Но не всегда чужимъ глазамъ
 Опець вѣрнелш дочь. Онъ самъ

Съ заботливымъ повсюду взоромъ
 И съ подозрительнымъ надзоромъ;
 Идешь за ними по слѣдамъ.

Съ тѣхъ поръ, когда онъ Леопольду
 Ходишь за садомъ поручилъ,
 Садъ принявъ повую каршину,
 И Мирръ спалъ, какъ рай вдругъ миль.
 Съ тѣхъ поръ — она въ немъ чаще ходишь,
 Съ тѣхъ поръ — ей горница скучна,
 Ей грустно, и она больна,
 Когда на воздухъ не выходишь.

Едва лишь шагъ сойдешь съ крыльца,
 Оставивъ спараго опца
 Съ своею нянькою сѣдою,
 Она въ цѣвникъ лепишь спрѣлою.
 И Леопольдъ давно ужъ тамъ;
 Предавшись сладостнымъ мечтамъ,
 Бужеть для Мирры собираешь.
 Она придетъ — онъ забываешь,
 Чшо ей хошьль цѣвны опдашь.
 Онъ хочешь чшо-то ей скажашъ,
 Вздохнешъ — и голосоъ замираешь.

О! мало десятиъ разъ любишь,
 Чшобы въ любви, разсудка власти
 Себя и сердце покорить!
 И при предметѣ иъжной страсти,
 Рѣшишься смѣло говорить,
 И при началѣ разговора:
 Не заикнушься, не взглянушь,
 Не опустишь на землю взора,
 Не покраснѣшь и не вздохнушь. —
 Но Мирра вздохъ понийш не смѣешь.

Возьмешь цѣпшы, и оробѣешь ;
 Румянецъ вспыхнешь по лицу,
 И вдругъ къ утрюмому оплу
 Бѣжишь, какъ серна за кустами ;
 И сердцу милыми цѣпшами
 Лилійную украсивъ грудь ,
 Воишься близъ отца вздохнушь .

Какъ шяжко памъ, какъ сердцу больно ,
 Любви глубокой вздохъ скрыватьъ ;
 Онъ хочешь вылетѣшь неволью,
 Онъ хочешь грудь всю разорватьъ !

Любви жестокой, безнадежной,
 Какъ безконеченъ каждый часъ!
 Какъ убиваетъ сердце насъ ,
 Свою дукою мятежной!
 Какъ спрашно бышь всегда близъ шой,
 Чья прелестъ душу взволновала :
 Источникъ видѣшь предъ собой,
 И жажду чувствовашъ Таншала!

Въ часъ упра ранняго, одинъ
 Съ своей шоскою, Леолинъ,
 Ошъ сна и грушни убѣгая,
 Выходишь на берегъ Дуная,
 Не видъ шуманный дальнихъ горъ ,
 Не прелестъ дикую природы ,
 Его встрѣчаешь шумный взоръ ;
 И въ сердцѣ не огонь свободы,
 Но пламень шягостной любви.
 Онъ говоришь: „любвишь ужасно!
 Нѣтъ, сердце, не томишь напрасно,
 Союзъ съ надеждой разорви!
 Изъ края милаго приѣзни ,

Я скрмлся ошъ достойной казни ;
 Но встрѣшилъ я и здѣсь ее :
 Здѣсь Мирра, сердце здѣсь мое !
 Невольникъ ли отца , несчастной ;
 Воспламенишь Гречавая грудь ?
 Ему ли огонь любви вдохнушь
 Въ душъ невинной и прекрасной ? —
 Нѣтъ, сердце! не томишь напрасно ;
 Къ забвенью силы приготовь ,
 Оставъ надежду и любви!“

Такъ Леолинъ въ часы печали
 Себя и сердце укорялъ ;
 Но тихій день лишь наступалъ ,
 И взоры Мирру снова ждали.
 Придешь она — и снова онъ
 Безсильнымъ сердцемъ увлеченьъ,
 Въ ней счастье все свое находишь ;
 Щитаешьъ вся ея слѣды ;
 И часо, шайно сквозь кусты ,
 На Мирру иѣжный взоръ возводишь
 И мыслью вся душа полна :
 Забѣвшишь ли его она ?

Ч а с т ь II.

Глѣвъ Бога, вѣшникъ люшой казни ;
 Гроза народовъ и Царей,
 Разрывъ общешвенныхъ связей ;
 Рушишель дружбы и приѣзни ,
 Конецъ родства, любви и ссоръ,
 Бичъ, гибель смертныхъ , черный моръ ;
 Какъ шайный, грозный пламень ада,
 Незримо вспыхнуувъ на земль ,
 Изъ странъ Египша , въ корабль ,

Пронесся въ пристань Царяграда,
 Опшуда, съ язвой и чумой,
 Сынъ страшный Мемфиса и Нила,
 Промель невѣдомой спезей
 Въ Раи, и Шумды, и Браила,
 Въ Галацы, въ Яссы, въ Бухарестъ ;
 И неизбежнымъ вихремъ шальны,
 Разнесъ грозу опустошенья
 Въ обители прекрасныхъ мѣстъ!
 Какъ иго шакое Нерона,
 Сыновъ караетъ Албона ;
 И царствуетъ въ народѣ страхъ.
 Разрушенъ твердый щипъ закона,
 И правда, правыхъ оборона,
 Лежишь во прахъ и въ цѣпяхъ !
 Все дышишь воздухомъ боязни,
 Все ждешь убійства или казни,
 Спасая жизнь свою въ стѣнахъ.
 Но злоба проникаешь стѣны,
 И рушишь твердые замки ;
 Въ родныхъ, въ друзьяхъ скрешь ядъ измѣны,
 И ошь ласкающей руки,
 Все ждешь предательства со страхомъ.
 Всѣ видишь смерть своихъ родныхъ,
 Но отрекаются ошь нихъ
 И слезъ не смѣють лишь надъ прахомъ !
 Такъ грозно царствие чумы ;
 Въ немъ всякой жершва и убійца,
 Всѣ мрачны, какъ въ стѣнахъ шюрмы,
 И каждый домъ семействъ гробница !

Въ Галацъ страшень злой недугъ :
 По всюду смерщность свирѣтеть ,

Все гибнеть! — шамъ, здоровый варугъ
 Упалъ и въ судорогахъ рдвешъ,
 Какъ будто весь облишь огнемъ!
 И чернымъ на груди пяпномъ,
 Распешъ примѣнно знакъ заразный!
 Мершвецъ ужасный, безобразный,
 Какъ трупъ чудовища лежишь,
 Напишанъ язвой . . . . .

Александръ В . . . . . нѣ.

Кишиневъ.

2 Сентября 1825.

(*Продолженіе будетъ.*)

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

О силѣ Фанариотовъ въ Турецкомъ Правительствѣ.

Турки, покоривъ Грецію, опияли у природныхъ ея обитателей только половину земель — другая принадлежала еще Грекамъ! Но, что всего менѣе извѣстно, хотя всего больше замѣчательно — шакъ это слѣдующее обстоятельство : Турки, по своей необразованности, по своему невѣжеству, пре-

градилъ себя возможность расправы, которую себя исключительно предоспаивали. Передъ самымъ началомъ возстанія Греціи вся машина управленія Османскою Имперією ввѣрена была Грекамъ, хотя гордость Турокъ никогда не позволяла ни одному Греку властвовать непосредственно и давать приказы, которыми бы Мусульманинъ долженъ былъ повиноваться. По закону ихъ, Грекъ былъ не что иное какъ рабъ, *Раи*, обреченный на смерть, которому Султанъ позволялъ жить изъ году въ годъ только изъ милости за поголовную подать, называемую *харачъ*: только ею онъ выкупалъ жизнь свою. Однако же эти споль презираемые, споль угнетаемые Раи располагали всеми военными и судными должностями Имперіи. Они расправлялись ими на свой счетъ; они двигали всеми колесами правленія. Безъ нихъ всё бы дѣла остановилось, потому, что одни лишь эти Раи были просвѣщены, между тѣмъ, какъ ихъ властелины были варвары; потому, что одни они получали воспитаніе, разверзавшее ихъ способности, одни знали Османскую Имперію, одни вели переписку, умѣли считатьъ, и наконецъ одни имѣли въ рукахъ своихъ движимое богатство и торговое довѣріе. Этою переходъ власти онъ властелина къ рабу такъ спра-

вентъ, что заслуживаешь подробное изъясненіе.

Вся Намѣстничества въ Турецкой Имперіи суть вмѣстѣ и военныя начальства и помѣстья. Намѣстники Султана обязаны защищать область и собирать съ нее налоги: военная сила ввѣрена имъ для сей двойственной дѣли. Они не даютъ опчета въ своихъ распоряженіяхъ, но обязываются внести известную сумму, какъ двухгодовой доходъ съ провинціи. Меньшій срокъ не завѣрилъ бы выгоды арендаторовыхъ; большій былъ бы несообразенъ съ политикою Порты, которая живетъ день за день, и не любитъ устранишь надолго власть свою. Но въ Турціи все продажно, и между тѣмъ, какъ всенародно продающа съ молопка аренды въ пользу Султана, Великій Визирь утверждаетъ и принимаетъ сановниками только тѣхъ, которые тайкомъ подарили его значительнѣе. Со всемъ тѣмъ онъ не хочеть уронить себя, принимая изъ всѣхъ рукъ безъ различія. Онъ спрашивается доноса за свою продажность, и дорожитъ головою. Въ слѣдствіе этого онъ шортуется только съ тѣми, коихъ уже знаешь богатство, скромность и зависимость. Турокъ внушилъ бы ему болѣе недовѣрчивости или спыда, и онъ предпочитаетъ Грека. Въ самомъ дѣдѣ шоль-

ко весьма малое число банкировъ Фанарию-шювъ, запутанныхъ во всѣ интриги Серали, и уже извѣстныхъ своими несмѣтными сокровищами и скромностію, допускаемо было до сихъ перепоржекъ.

Тотъ, чи предложенія принимались, получалъ фирманъ Султана, въ которомъ до-вѣрялось предьявителью (для его имени оставался пробѣлъ) управление областію, городомъ или крѣпостію, съ правомъ собирать харачъ, десятину всѣхъ земныхъ произведеній, таможенныхъ пошлины и всѣ прочія повинности, принадлежащія Государю. Въ промѣнь сему, банкиръ давалъ Визирю шесть обидгаций, для уплаты оныхъ шреши до шреши, вмѣсто доходовъ съ области по условленной цѣнѣ. Всѣ эти уплачиванія дѣлались напередъ; дѣло банкира было выбрать потомъ съ провинціи капиталъ и проценты всѣми возможными средствами. Но Греки, получавшіе право управлять областію и угнеташъ ее, не должны были никогда казаться на глаза вѣрныхъ Мусульмановъ. Эти бы взбунтовались, если бы увидѣли, что Раю ввѣрена какая нибудь власть надъ ними. Слѣдственно Греческому банкиру надобно было сыскать Турка, который бы служилъ ему подьященникомъ (prête-nom), управлялъ бы за него провинцію, бралъ за него налоги,

и всѣми неправдами, угрозами и муками принуждалъ несчастныхъ его данниковъ отдавать все, что имѣють. Иногда Турокъ условливался быть его товарищемъ, и вымучивашъ данъ изъ половины. Чаше онъ довольствовался должностію подчиненнаго и условленнымъ жалованьемъ. Когда обѣ спороны сдлашались, банкиръ вписывалъ въ пробѣлъ фумана имя Мусульманина, и сей отправлялся въ уступленную ему область съ титуломъ Мусе-лима, Воеводы или Паши. Турокъ, будучи вмѣстѣ воиномъ и сановникомъ, не въ состояніи вести щешювъ. Да и банкиръ не можетъ до-вѣрять своему повѣренному, ни въ опщешности, ни въ оборотахъ денежныхъ: жадный, подкупный и вѣроломный, онъ бы не упустилъ случая обратиться въ свою пользу наибольшую часть доходовъ, проходящихъ чрезъ его руки. Для сего Грекъ-банкиръ посылалъ съ нанятымъ Туркомъ своего писаря, *Грамматиста*, Грека родомъ и Вѣрою, кошорый обязанъ былъ хранить казну, вести щешю, и быть въ поже время шпиономъ и совѣтникомъ Мусульманина. Сей послѣдній, неспособный ни къ какой работѣ, ни чему не учившійся, неимѣвший никакой привязанности къ управляемой имъ споронѣ, никакого чувства безкорыстія и правопы, какмогли бы служилъ ему уздою — спаралсадъ

полюкко увѣришь дацниковъ въ своей жестокости, чѣобы они скорѣе плашили преребуемое, и чѣобы по истеченіи срока другой банкирь, видя его удалство, охотнѣе ввѣриль ему другое управленіе. Такимъ образомъ сей Намѣстникъ управлялъ областію, какъ Турокъ управляетъ кораблемъ, гдѣ, ничего не поднимая въ оборотахъ, сохранилъ для себя полюкко должностъ раздавателя палочныхъ ударовъ. Покупка съ молодшка Намѣстничества еще не самое унизительное въ системѣ продажности, кошорой Греки были орудіями и жертвами. Покупка судныхъ мѣстъ существуетъ понынѣ, и послѣдствія оной еще гибельнѣе. Въ глазахъ Мусульманина правосудіе есть обязанностъ вѣры, и по эщому казалось бы, чѣо власть сія наименѣе всего могла впасть въ руки Фагаріотовъ: ничего не бывало. Муфши, первоначальникъ вѣры и законовъ, имѣешь право назначать на всѣ судныя мѣста Имперіи. Къ сей огромной власти не принадлежишь однако жъ никакого или почти никакого дохода. А Муфши все таки богаты шѣмъ не менѣе: онъ продаетъ гурпомъ всѣ зависяція отъ него мѣста, и какъ они уступаются на довольно короткій срокъ, напр. на два или на три года, шо продажа сія для него все поже, чѣо послѣдній годовою доходъ. Можно себя предшавить, чѣо сшоль важ-

ная особа не входитъ въ подробности чрезвычайнаго сложнаго управленія. У Турокъ правило: приводить правосудіе къ порогу каждаго подданнаго Имперіи. Каждый городокъ, каждая деревня имѣешь своего судью, своего Кадіа, коего власть безгранична и безпресудна. Она обнимаешь безъ различія собственности, личности и жизни, — кромѣ чести. Такимъ образомъ самыя отвратительныя шѣлесныя наказанія, раздаваемыя Турецкими судьями очень щедро, не пынають наказаннаго. Надобно назначать шѣсячи Кадіевъ ежегодно, а Муфши не знаешь ни людей, ни мѣсть. При немъ, нѣтъ ни одного подчиненнаго Мусульманина, который бы пошрудился узнать то, чѣо не знаешь Муфши. Опять надобно прибѣгнуть къ Фагаріотамъ. Опять являясь Греческій банкирь. При томъ же Муфши былъ бы въ замѣшательствѣ, если бы ему пришлось открыть свою продажность Мусульманину — но онъ не краснѣешь передъ Грекомъ. Эшо одна изъ выгодъ Турокъ унижать низшихъ себя — ибо ихъ взоры не смущають, какъ взоры живошныхъ. И такъ банкирь Фагаріотъ торгуется съ Муфшіемъ за судныя мѣста цѣлою области; получаешь на оборотъ назначенія съ проблемами для многихъ

сошь должносшей. Помощь его дѣло найши наемныхъ Турокъ для ихъ замѣщенія.

Во всякомъ случаѣ Фанарионъ не торгуется прямо съ искашелями судныхъ мѣсць. Его назначенія шже, что шовары или ассигнаціи. Онъ ихъ перепродаетъ, закладываетъ, занимаетъ подъ нихъ деньги для уплаты впередъ Муфтию, и часто эти дипломы переходящъ въ чепвершныя и пятыя руки прежде отсылки въ область, гдѣ уже распродаютъ по мелочи. Купившій судейства, въ самой области шже не шоронитса сбыть ихъ. Города раздѣлены междуусобіями; между семействами существующа наследственные вражды, пребывающія мести, крови и конфискацій; купившій мѣсто призываетъ начальниковъ обихъ споронъ по очереди, и спрашиваетъ, что дадутъ они за мѣсто судьи по себѣ, судьи, кошорый будетъ безъ глазъ на ихъ прешупленія, безъ милосердія къ ихъ врагамъ. Онъ даетъ изъ вкуснаго напередъ всю сладость мщенія, и предчувствовашъ всѣ опасносши, коимъ они подвергнуцца, если ихъ непріятели купящъ судейское мѣсто. Такимъ способомъ онъ испоргаетъ наибольшую сумму, какую они могушъ дать изъ страха или ненависти. Тогда звѣрскій Турокъ назначается судьбою онъ шой или онъ другой спороны: его

имя вписывается въ пробѣль, оставленный Муфтиемъ, и онъ начинаешъ рубить головы, налагашъ пени и отбирашъ имѣнія. А шощъ, кто продалъ ему мѣсто, получаетъ половину или двѣ шрени изъ сихъ пеней и конфискацій. Сіе же самыя Греки, превосходствомъ своихъ способносшей, богатствомъ и шаланшомъ къ проискашъ, въ коихъ угнетеніе заставило ихъ упражняшся — проникающъ въ шакія мѣста, гдѣ наименѣе ожидаешъ ихъ встрѣтити: въ шайныя серала и домовъ Мусульманскихъ. Они вездѣ необходимы и вездѣ презрѣны. Они повелѣваютъ, будучи рабами. Сулпанъ щедръ шолько къ женамъ своимъ; онъ можешъ повелѣвать въ сералѣ, но являешся шамъ роскошнымъ любовникомъ, и подарки его не всегда заключающа въ плашьяхъ и каменьяхъ. Часно его Одамыки получающъ знатныя суммы денегъ, и почши всѣ онѣ имѣющъ прихощъ покупать земли, коихъ наибольшая изъ нихъ часщъ осуждена не видашъ. Вотъ еще ловля для Фанарионовъ. Тотъ, кто купилъ милосщъ начальника черныхъ евнуховъ — можешъ быти увѣренъ въ своемъ богатствѣ. Онъ будетъ покупать всѣ земли для Сулпаншъ, и худо, худо, если выиграешъ на всякой покупкѣ шолько 50 на шпо.

Турецкій помѣщикъ сподѣ же мало способенъ управлять своими дѣлами, какъ дѣлами Правительсва. Такимъ образомъ шъ же самые банкиры, кошорые держали на арендѣ доходы Имперіи, управляли и частными дѣльнями богатыхъ Мусульманъ. Обыкновенно они брали за это по 20 со спа; за шъ плащили доходъ напередъ; чаще всего по мѣсячно, ибо спрашиваеъ съ Турка предусмолришельности въ денежныхъ оборотахъ на прешъ, былъ бы слишкомъ много. Не шъ, чшобы Мусульмане были распочительны: напросивъ, нигдѣ спрастѣ копиниъ и зарываеъ деньги шакъ не обыкновенна (и Султанъ зараженъ ею), но Турки не знающеъ никакой средины между скупосщью и мшовешвомъ, никакой экономіи, кроме шой, чшобы не испрашинеъ ни полушки. Если бы Магмудъ при началъ войны открьдъ свои сокровища онъ бы легко упустилъ возшаніе Грековъ: его золото могло бы даеъ ему силу. Али Тебеленъ, Паша Янинскій, погибъ за богатство, которое жаждали у него похишинеъ, котораго не умѣлъ онъ употребинеъ на свою защиту.

Неужно, кажется, напомицаеъ, чшо Фанариошы занимали всеъ важнѣйшія мѣста Дрогомановъ при Диванѣ, при Капшанъ-Пашѣ на флотѣ и въ арміи, и чшо изъ нихъ на-

значались Господари въ Молдавію и Валахію. Но это покольнне племенъ Греціи уже не существуетъ. Султанъ велѣлъ перерѣзать, изгнать и разоринеъ всеъ богатшй фамиліи, управлявшія вшайнѣ его Имперію. Теперь никто не можеъ замѣнинеъ ихъ, и разстройство Турціи неизбежно: она лишила себя единственныхъ людей.

(Изъ Revue Encyclopédique.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Взглядъ на происшествія текущаго года, съ Мая по Сентябрь.

(Окончаніе.)

Турція. Мы отложили окончаніе сей статьи до нынѣшней книжки, въ надеждѣ, чшо мрачныя облака, покрывающія горизонтъ спраждущей Эллады, разсѣются — ошеъ дѣйствіи ли грозы, или ошеъ благошворныхъ лучей солнечныхъ; но ожиданія наши на сей разъ еще не исполнились. Дѣла Турціи и Греціи находяшся въ прежнемъ, нервнишельномъ положеніи: мы должны ограни-

числясь обозрѣнїемъ происшествїй нынѣшняго лѣта, оказавшихся достоверными.

Ибрагимъ-Паша, высадивъ войска свои при Модонѣ, двинулся прошивъ Наварина, и умѣлъ взять сію крѣпость послѣ отчаянаго сопротивленія Грековъ. Канари, подоспѣвъ къ водамъ Модонскимъ, сжегъ нѣсколько Египетскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ, но не могъ симъ воспрепятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ Ибрагима на сухомъ пути: храбрый Египтянинъ пошелъ на Триполицу, взялъ и опустошилъ сей городъ, равно какъ и Аргосъ. Засимъ готовился онъ взять Наполи-ди-Романію, но былъ отраженъ сильною вылазкою Грековъ, подъ начальствомъ Князя Димитрія Ипсиланши и Генерала Роша; возвратился въ Триполицу, и опшуда сталъ дѣлать поиски въ разныя стороны Морейскаго полуострова. Колокошрони потерялъ сраженіе при Трикорфѣ, но не лишился бодрости духа. Греки непрерывно тревожили Ибрагима, перехватываяюшъ его гонцевъ, опнимаюшъ припасы. По послѣднимъ извѣстіямъ кажется, что онъ отступилъ изъ Триполицы къ Наварину, чтобы приблизиться къ подкрѣпленіямъ, идущимъ изъ Египта.

Капитанъ-Паша менѣе всѣхъ Турецкихъ Полководцевъ имѣлъ удачи: ему надлежало

сражаться на родной спихіи Грековъ — на морѣ. Греческій Адмиралъ Сахпурп, свѣдавъ о выходѣ его изъ Дарданеллъ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, наспигъ его между Капод'Оро и островомъ Андросомъ, и вступилъ съ нимъ въ сраженіе; оно кончилось соженіемъ 66-пушечнаго корабля, 34-пушечной корветши и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ и транспортовъ Турецкихъ. Капитанъ-Паша убѣждалъ ошъ побѣдителей, собралъ 52 корабля, и съ ними прибылъ на помощь Решиду-Пашѣ, при осадѣ Миссолонги, но и здѣсь не былъ счастливѣе прежняго: послѣ разныхъ неудачъ ушелъ онъ въ Александрію, и исправивъ тамъ поврежденные суда свои, по послѣднимъ извѣстіямъ, готовился выйти на помощь Ибрагиму.

Решидъ-Паша имѣлъ порученіе, покоривъ всю западную Грецію, взять главный городъ оной Миссолонги, и истребивъ такимъ образомъ силы Грековъ съ сей стороны, двинуться къ Коринѣскому перешейку, вступивъ въ Морю, и соединившись тамъ съ Ибрагимомъ-Пашею, довершивъ покореніе Греции. Сей планъ исполненъ только въ половину. Решидъ, не смотря на храброе и успѣшное сопротивленіе Генерала Гуры, громадою скопщъ своихъ прогнесся до Миссо-

лонги, и обратилъ все силы свои на поко-
реніе сего послѣдняго убѣжища Греческой
независимости въ сей странѣ, но безуспѣш-
но. Греки, отчаянными и искусными вылаз-
ками, принудили Решиду снять осаду, и оп-
ступились: по сей причинѣ не могъ онъ ис-
полнить и второй части инспрукціи Дива-
на — пройти въ Морею. Капшанъ-Паша по-
дошелъ было для вспоможенія ему при Мис-
солонги со стороны моря, но былъ разбитъ
Греками, и обращенъ въ бѣгство.

Между тѣмъ больша часть Ливадіи и
Мореи занята Турецкими и Египетскими
силами. Нѣкоторые Греческіе Примасы,
устрашенные беспрыми успѣхами враговъ,
отчаялись въ спасеніи отечества собствен-
ными силами, и рѣшились просить вспомо-
женія Англіи, какъ таковой Державы, коей
силы находятся ближе прочихъ къ позори-
щу военныхъ дѣйствій. Послѣдствія сей мѣ-
ры еще неизвѣстны.

Въ продолженіе нынѣшняго лѣта Греція
лишилась одного изъ храбрѣйшихъ Полко-
водцевъ своихъ — Одиссея. Онъ не палъ въ
битвѣ, какъ безсмертный Марко Боццари:
увлеченный раздорами съ мужественными, но
крамольными сподвижниками, онъ вздумалъ
устрашить ихъ переходомъ своимъ на сто-
рону враговъ, но вскорѣ раскаялся въ опро-

мешчивомъ своемъ поступкѣ, и вновь при-
бѣгнувъ къ союзникамъ своимъ. Его посадили
въ крѣпость Аѣинскую; онъ хотѣлъ уйти,
но въ неудачномъ покушеніи лишился жизни.

Маврокордадо, по происхожденію свое-
му отъ Фанариотовъ, не могъ быть предво-
дипелемъ воинства Морейцевъ: онъ успу-
билъ званіе сіе Генералу Колокопрони, а
самъ занялся дѣлами гражданскими. Сказы-
ваютъ, что онъ и Кондуриоши болѣе прочихъ,
содѣйствовали приліянію намѣренія вручить
судьбу Греціи Великобританской защитѣ.

Султанъ Магмудъ, въ печеніе нынѣшня-
го лѣта могъ ободриться духомъ, видя не-
однократные успѣхи своихъ сухопутныхъ
войскъ, но во внутренности дворца пости-
гли его жестокіе удары: онъ лишился въ
Апрѣлѣ мѣсяцѣ старшаго сына, четырнад-
цатилѣтняго Наслѣдника Османскаго прона
Абдула-Гаида, въ Маѣ другаго сына и до-
чери Принцессы Миниры.

Въ печеніе сихъ четырехъ мѣсяцевъ
скончались: Австрійскій Генералъ *Маркизь*
Шателеръ, Прусскій Министръ *Графъ Бю-*
ловъ и сестра Наполеона, *Принцесса Поли-*
на Боргезе.

Н. Г.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И

1 8 2 5.

61. *Россійскій Ратникъ, или Сбщая военная Письма о Государственныхъ войнахъ, непріятельскихъ нашествіяхъ, уронахъ, бѣдствіяхъ, побѣдахъ и приобртеніяхъ, отъ древности до нашихъ временъ, по 1805 годъ. По достовернымъ Россійскимъ бытописаніямъ сочинилъ Императорской Россійской Академіи Членъ, Коллежскій Ассессоръ Тимовой Мальгинъ. М. 1825, въ Синод. шип., въ 8, VI и 845 стр.*

(См. No 115 Сѣв. Пч.)

62. *Собраніе гравированныхъ рисунковъ съ древнихъ вещей и памятниковъ, въ пользу Художниковъ. Тетрадь 1. С. П. б. 1825. въ Медіц. шип., въ 4, 7 стр. и 12 чертежей.*

(См. No 117 Сѣв. Пч.)

(При сей книжкѣ С. О. раздается Прибавленіе, No 1.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. No XX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я С Н О В И Д Я Щ А Я.

(Продолженіе.)

В Т О Р О Е   Я С Н О В И Д Ы Н І Е.

На другой день, Графъ Гормегъ пришелъ самъ ко мнѣ въ комнату, чтобы рассказать, какъ покойно Горшензія провела ночь; какъ силы ея подкрѣпились, и она спала веселѣе, нежели была когда либо. „Я все пересказала ей“ — продолжалъ онъ: — „что вчера происходило. Она качала головою, не хотѣла вѣрить, наконецъ сказала: „шакъ со мною въ самомъ дѣлѣ бывають припадки сумасшествия?“ и начала плакать. Я успокоилъ ее, увѣряя, что если послужишь къ совершенному ея выздоровленію, что въ васъ, любезный Фаустъ, должна заключаться удивительная, можешь быть, до сихъ поръ вамъ самимъ неизвѣстная сила. Я просилъ, чтобы она позволила вамъ приходишь иногда бесѣдовать

съ нею, когда она не спитъ, потому, что даже ошъ сближенія вашего я многоаго ожидаю. Но я не могъ ея преклонитъ къ тому. Она увѣряетъ, что въ васъ есть что-то для нее неспершимое; что развѣ со временемъ, мало по малу она къ вамъ привыкнетъ. Что жъ шутъ дѣлать? Принуждать нельзя, не подвергая ея жизни опасности.“

Такъ говорилъ онъ и спарался, сколько могъ, извинитъ передо мною Горшензію. За шо самъ, въ замѣну ея упрямства и гордости, удостоивалъ меня величайшею довѣренностью: рассказывалъ о своихъ семейственныхъ отношеніяхъ, о своихъ помѣстьяхъ, пляжахъ, разныхъ непріятностяхъ, къ отвращенію кошорыхъ просилъ моего совѣта. Общаваъ показавъ и ошдавъ на мое сужденіе нѣкоторыя бумаги по дѣламъ своимъ, онъ въ шошъ же день сдержалъ слово. Такимъ образомъ ошкрыты были мнѣ всѣ, и самыя шайныя отношенія эшого семейства; я съ каждымъ днемъ спановился необходимѣ Графу, и дружество его ко мнѣ возрастало, казалось, въ шой же мѣрѣ, какъ и отвращеніе его дочери. Наконецъ передалъ онъ на мои руки всю свою переписку, даже ввѣрилъ мнѣ управление своими доходами и хозяйствомъ, такъ, что въ короткое время я сдѣлался для него все. Привязанность его ко

мнѣ была чрезмѣрна, и въ оказываемой мнѣ безпредѣльной довѣренности я видѣлъ его убѣжденіе въ моей честности и совершенной ему преданности. Каковы бы ни были мои хозяйственные распоряженія, никогда не замѣтно было недовольнаго взгляда на лицѣ его; только одно возбуждало въ немъ досаду — мое упорство ограничивать себя самымъ необходимымъ для жизни, и ошвергать даже предлагаемые подарки. Докшоръ Вальперъ и всѣ домашніе смѣкнули, какой чрезвычайный вѣсъ получилъ я въ домѣ такъ скоро и неожиданно. Они спали ко мнѣ ласкашся, снискивали мое вниманіе, мою благосклонность, и мнѣ было не дурно при эшомъ общемъ, хотя и незаслуженномъ доброхотствѣ. Но все эшо промѣнялъ бы я на сколько нибудь сноное обхождение со мною Графини. Она оспавалась непримирима. Уже отвращеніе ея обращалось въ ненависть. Она осперегала ошца, называя меня пролазомъ и обманщикомъ. Въ разговорахъ съ своими женщинами высказывала она меня, какъ бродягу, вкравагося въ довѣренность Графа. Самъ старый Графъ не осмѣливался уже наконецъ упоминашъ обо мнѣ въ ея присутствіи.

Но послѣдуемъ за ходомъ происшествій, не нарушая порядка.

Карманные часы поставил я по спѣшнымъ. Въ самомъ дѣлѣ въ шрехъ минушахъ была разница. За пять минушъ до шрехъ часовъ, не позже и не раньше, вошелъ я безъ доклада въ комнату Горпензии. Уже всѣ вчерашніе свидѣтели собрались. Она сидѣла на софѣ въ задумчивости, блѣдная, спраждающая, но шмъ не менѣе обворожительная для взора. Увидѣвъ меня, съ гордымъ презрительнымъ взглядомъ вспала она поспѣшно, и сказала: „кпо далъ вамъ позволеніе безъ доклада, входить въ мою комнату? . . .“

Сильный крикъ и страшныя судороги удашили ея голосъ. По моему знаку поставили ей стулъ, котораго наканунѣ былъ принесенъ отъ меня. Едва съла она, какъ счастливыми кулаками начала бить себя по чему ни попало, самымъ ужаснымъ образомъ и съ удивительною скоростію. Трепеща, приняла и положеніе, какое вчера было мнѣ предписано, устремивъ пальцы свои противъ ея шѣла. Тушъ, съ ужасно крупящимися глазами и въ жесточайшихъ судорогахъ, схватила она мои руки и крѣпко упирала пальцами у себя *подъ ложкою* (*). Вскорѣ спала она покойнѣе, закрыла глаза и послѣ сильнаго вздо-

(*) Выраженіе анапомическое: конецъ грудной кости.

ха, казалось, заснула. На лицѣ ея напечатлѣно было чувство жестокой боли. Глухіе звуки выходили изъ устъ ея. Вскорѣ болѣ спала, по видимому, утихашъ. Нѣсколько разъ вздыхала она тихо. Черты лица ея мало по малу оживлялись, и прежняя выразительность внутренняго благополучія появлялась на немъ, вмѣстѣ съ пониклымъ румянцемъ, пробивавшимся сквозь смертельную блѣдность.

Спусти нѣсколько минушъ, сказала она: „вѣрный, вѣрный другъ мой! кпо было бы со мною безъ тебя?“ Эти немногія слова произнесены были такимъ мягкимъ, очаровательнымъ голосомъ, какъ будто существомъ неземной обители. Они опозвалися во всѣхъ моихъ нервахъ.

„Хорошо ли вамъ шеперь, Графиня?“ спросилъ я, все еще боясь, чтошъ она опять не указала мнѣ двери.“

— „Очень, очень хорошо, мой Фаустъ!“ отвѣчала она: „какъ вчера, или еще лучше. Мнѣ кажется, швою воля пособишь мнѣ шеперь рѣшительнѣе, швою сила крѣпче и возвышеннѣе. Я дышу, я плаваю въ пространствѣ свѣша, тебя окружающаго, и существо мое, проникнутое швоимъ, въ тебѣ испальваетъ. О, если бъ всегда шакъ мнѣ было!“

Намъ, прозаическимъ слушателямъ, такое поэтическое привѣщаніе было совсѣмъ непонятно; но конечно мнѣ было оно по душѣ. Я сожалѣла только, что Горшензія мыслила не обо мнѣ, а о комъ-то другомъ, и вѣроятно, ошибалась. Однако я утѣшился немного, когда узналъ послѣ опъ Графа, что въ числѣ ихъ рождественниковъ и знакомыхъ нѣтъ никого, кто бы назывался моимъ именемъ.

Когда отецъ ея дѣлалъ какіе нибудь вопросы, она его не слыхала, пошому, что въ это самое время начинала говорить со мною. Когда же сполалъ онъ подлѣ меня, дѣлалась она внимательнѣе. „Какъ, башюшка, и ты здѣсь?“ сказала она наконецъ. На вопросъ мой, опъ чего же прежде она его не примѣчала, получила я въ отвѣтъ: „онъ сполалъ въ темнотѣ; только вокругъ тебя свѣтло. И ты блисташешь, башюшка, но слабѣе, чѣмъ Фаустъ, какъ будто однимъ только его освѣщомъ.“ Я сказалъ ей, что въ компаніи еще много другихъ; — тогда, послѣ долгаго молчанія, назвала она всѣхъ, и рассказала, гдѣ сполалъ каждый. Во все время глаза ея были закрыты, и при всемъ томъ знала она, что происходишь даже позади нея; могла даже опредѣлишь число людей,

проѣзжавшихъ въ гондолѣ по каналу, и безъ ошибки.

„Какимъ же образомъ вы все это знаете?“ спросилъ я ее: „Вѣдь вамъ ничего не видно?“

— „Развѣ я не сказала тебѣ вчера, что я больна? Что не тыло чувствуешь наружныя впечатлѣнія, а душа? Я духъ, но душа моя составляетъ мой глазъ, мое чувство, которымъ я постигаю предметы. Тыло, кровь и костямию оснавъ составляютъ только скорлупу, въ которой содержится благороднѣйшее зерно. Теперь эта скорлупа разбита, и жизненная сила ея спремилась наполнишь недостающее, но не можешь безъ посторонняго пособія. Для того-то духъ пребудешь себя. И душа, выходя изъ своей оболочки — носясь, блуждая во вселенной, находишь себя, и я наполняюсь своею силою. Когда я бодрствую по-земному, я вижу, слышу, чувствую быстрые и живые, но только наружное, близкое, что само сообщается мнѣ; я осязаю это, я узнаю, я угадываю. Въ шеперешнемъ же положеніи, я сама сообщаюсь съ вещами волею и неволею; я не осязаю, а проникаю; не догадываюсь, а знаю положительно. Во снѣ и ты сообщаешься неволью съ предметами, а не самъ они тебѣ представляются; и ты знаешь

ихъ и знаешь, ошъ чего эшо такъ бываетъ. И я теперь, какъ во снѣ; однако я бодрствую — эшо мнѣ извѣстно — только тѣло мое спитъ; мои наружныя силы не помогаютъ мнѣ.“

Почтомъ рассказывала она много о своей юности, о ночныхъ прогулкахъ своихъ, объ одномъ своемъ обморокѣ, и каково ей тогда было, чшо происходило въ ней, чшо она чувствовала и думала въ то время, когда окружавшіе оплакивали ее, какъ умершую. Графъ Гормегъ слушалъ ее съ удивленіемъ, потому, чшо между многими обстоятельствомъ, о которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, коснулась она и такихъ, которыхъ случилось во время ея десяти-часоваго безчувствія, и о которыхъ никто не могъ знать, кромѣ его; напримѣръ, какъ онъ оставилъ ее безъ всякой надежды и, пришедъ въ свою комнату, въ отчаяніи молился на колѣняхъ о ея спасеніи. Онъ никому о помѣ не сказывалъ; никто не могъ и видѣть шого, потому чшо дверь его была замкнута и, въ глубокую, мрачную ночь, комната его не была освѣщена. Теперь, когда Горшензія рассказывала, и онъ не скрывалъ шого. Удивительно было, какъ Горшензія могла знать о помѣ въ обморокѣ; но еще удивительнѣе, чшо она вспомнила теперь, не смотря на

то, чшо сказанный случай происходилъ въ ея дѣтствѣ, когда ей и осьми лѣтъ еще не было.

И то было спранно, чшо она всегда о самой себѣ говорила въ прешьемъ лицѣ, какъ о посторонней. Однажды сказала она: „Я не Графиня, а *она* Графиня.“ Въ другой разъ: „я не дочь Графа Гормега, а *она* дочь его.“

Какъ вся ея наружность казалась перерожденною — покойнѣе, возвышеннѣе, прелестнѣе, нежели обыкновенно, такъ и въ рѣчахъ ея было много отличнаго. Въ нихъ замѣтно было чшо-то порожественное, увлекающее — въ выраженіяхъ болѣе выбора; не рѣдко облакались они въ поэтическую форму. Частію ошъ шого, частію же по ея возвышеннымъ понятіямъ и потому, чшо она говорила о неизвѣстныхъ другимъ предметяхъ или смотрѣла на обыкновенные съ другой точки зрѣнія, въ словахъ ея было много темнаго, даже иногда казались они вовсе несвязными.

Припомъ же говорила она охотно и много; любила, когда ее спрашивали, особливо, когда спрашивалъ я. Иногда погружалась въ какое-шю шихое, продолжительное созерцаніе; на лицѣ ея можно было чистать выраженіе шо недовольнаго, шо удовлетво-

реннаго мысленнаго исканія — признаки удивленія или воспорага. Время ошь времени, прерывала она свое глубокое молчаніе восклицаніями: „Боже, Всемогущій!“ и подобными.

Однажды заговорила она сама: „Теперь я вижу, что Свѣшь совсѣмъ не шаковъ, какъ я его себя предсавляла. Вся вселенная ешь вѣчто одно безконечно-большое. Все образовано изъ чистѣйшаго ээира; все живо, движимо; все подвержено превращенію, потому что все спремится къ совокупности, и одно воздвигаетъ другое. Это безпрерывное броженіе жизни, вѣчное колебаніе между излишнимъ и малымъ. Видишь ли, какъ на самомъ свѣшломъ небѣ собираются облака? Они носятся и клубятся, пока исполнятся масса ихъ, и, привлеченныя земнымъ шаромъ, ниспадають дождемъ или огнемъ. Посмотри на цвѣшокъ: жизненная искра упала въ среду другихъ силъ; она совокупляется со всѣмъ, что должно служить ей, принимаетъ форму, и зародышь дѣлается растеніемъ, кошорое существуетъ, доколь *излишнее* вспомогательныхъ силъ превозрасаетъ и выпѣняетъ ея собственную силу. И какъ скоро не спало эпой живительной искры, потчасъ исчезаютъ и шѣ, ибо ничто не совокупляетъ ихъ

болѣе. Таково же образование, шаково же исчезаніе челоувѣка.“

Еще многое говорила она, для насъ совершенно непоняшное. Ясновидѣніе кончилось, какъ и въ первый разъ. Она опять опредѣлила время своего земнаго пробужденія — шаже и новаго подобнаго припадка на слѣдующій день. Едва раскрылись глаза ея, и она съ шакимъ же, какъ и прежде, гнѣвнымъ лицомъ, высала меня изъ комнаты.

СИМПАТІЯ И АНТИПАТІЯ.

Проходилъ мѣсяць за мѣсяцемъ, и все оставалось по прежнему. Всего примѣчательнаго, о чемъ говорила Горшензія въ своихъ ясновидѣніяхъ, не могъ и не хошѣлъ я записывать. Въ спранный ея болѣзни произошло мало перемѣны, и того нельзя было разобрать, къ лучшему или худшему. Судорогами спрадала она, правда, менѣе, и въ своемъ естественномъ положеніи казалась совсѣмъ здоровою, кромѣ того, что была чрезмѣрно раздражительна; но за шо припадки ея, шакъ сказанъ, бодршвеннаго сна приходили къ ней чаще, шакъ, что я по два и по шри раза въ день долженъ былъ къ ней являться.

Это сдѣлало меня совершеннымъ невольникомъ въ домъ. Я не смѣлъ оплучаться ни на часъ, потому что и малѣйшее промедленіе могло подвергнуть опасности жизнь ея. Но какъ охотно переносилъ я это иго! Всякій разъ съ неперпнѣемъ ожидалъ минуты, когда позовушь меня, и если я видѣлъ, слушала ее хотя часъ времени, для меня довольно было, чтобы воспоминаніями о томъ наполнить осшальные часы, проводимые въ уединеніи. Таково упоеніе первой любви!

Такъ, не скрою, это была любовь; но почти гошовъ я сказалашь, не земная любовь. Всѣмъ бышѣемъ своимъ привязанъ я былъ къ непосижимой, съ шакимъ благоговѣніемъ, въ которомъ умирала самая надежда удостоиться даже равнодушнаго ея взора. Если бы Графиня могла перпнѣть меня, какъ послѣдняго изъ слугъ своихъ, безъ ошвращенія — шакъ думала я тогда — и шо было бы для меня высочайшее счастье. Но бодрствув во снѣ, она во сполько же разъ усиливала свою нѣжность ко мнѣ, во сколько на яву возрастало ея ошвращеніе. И не было повода, не было случая, чтобы она не изъясляла ея самымъ чувствительнымъ для меня образомъ. Съ каждымъ днемъ усильѣе просила она ошца своего удалитъ меня изъ дому;

слезы досады и упрямства сверкали тогда на глазахъ ея; она утверждала, что я никакъ не могу способствовать къ ея выздоровленію; а если бы и могъ, шо все, что бы ни произвела я добраго въ ея безчувственности, уничтожается огорченіемъ, какое терпнѣтъ она ошъ моего присутствія: называя меня бродягой, она говорила, что гнушается мною, какъ человекомъ низкаго происхожденія, которому бы не должно было позволять и дышать однимъ съ нею воздухомъ, не только имѣть споль близкія съ нею сношенія, или пользоваться шакую большою довѣренностію Графа Гормега.

Извѣстно, что женщины вообще, а особливо прекрасныя, изнѣженныя, своеправныя дѣвицы, имѣють свои прихоти, и совсѣмъ не спавяшь себѣ въ вину малѣйшихъ противорѣчій, въ которыхъ иногда, или почти безпрерывно бывають сами съ собою. Но конечно ни въ одномъ смершномъ не бывало большаго противорѣчія съ самимъ собою, какъ въ прелестной Горшенціи. Все, что она на яву думала, говорила, дѣлала, заглаживала опять въ минуты своего соннаго бдѣнія. Она заклнала Графа не слушать ея, что бы она противъ меня ни сказала; говорила швердительно, что мое удаленіе изъ дому непременно усилитъ болѣзнь, и

ускоришь смерть ея. Меня самого умоляла она не сморщиться на ея причуды, великодушно прощать ей глупое ея обращеніе, и бышь увѣреннымъ, что она совершенно ко мнѣ перемѣнилась, какъ скоро получишь облегченіе.

Нельзя было въ самомъ дѣлѣ не удивляться необыкновенной привязанности ко мнѣ Горшензіи въ часы ея перерожденія. Казалось, она живетъ только мною и во мнѣ. Она угадывала, нѣтъ — она знала мои мысли, особливо, когда онѣ относились собственно къ ней. Не нужно было выговаривать ей за наносимыя мнѣ маленькія обиды; она сама бранила себя. Хотя и невѣроянно покажется, но шѣмъ не менѣе справедливо, что даже руки ея невольно сдѣлавали за всѣми движеніями моихъ. Она говорила, что мнѣ уже почти не нужно, какъ прежде, проспирать къ ней свою руку; моего присутствія, дыханія, одной моей воли было для нее достапочно. И малѣйшее мое желаніе считала она непремѣннымъ своимъ долгомъ.

„У меня нѣтъ свободной воли“ — сказала она однажды: „какъ скоро я узнаю твою волю, Фаустъ, то принуждена и сама желаю того же. Мысль твоя владычествуетъ мною. Но именно въ этомъ по-

слушаніи нахожу я свое благо, свое наслажденіе. Я не власна сама надъ собою. Едва мысли твои сообщаются мнѣ, какъ онѣ дѣлаются уже моими мыслями и мнѣ закономъ.“

— „Но какимъ же образомъ сообщаешься вамъ мои мысли, Графиня?“ сказала я: „Признаюсь, что иногда извѣстно вамъ самое сокровеннѣйшее въ душѣ моей. Что за странная болѣзнь, когда она дѣлаешь васъ гораздо совершеннѣе? Кто бы не пожелалъ себя много совершенсва? Но у насъ болѣзнь считается всегда состояніемъ величайшихъ недостатковъ.“

„Такъ и у меня. Не приводи себя въ заблужденіе, Фаустъ. Я очень несовершенна, потому что потеряла большую часть своей самостоятельности. Я только тѣлою существую. Если бы ты умеръ сегодня, твое послѣднее дыханіе было бы и моимъ послѣднимъ.“

— „Не можете ли вы объяснить мнѣ, Графиня, возможность этой странности, которая изумляетъ меня, и при всѣхъ моихъ соображеніяхъ, для меня непонятна?“

Она долго молчала. Потомъ, минушь черезъ семь, сказала: „Нѣтъ! Объяснить я не могу. Не случилось ли тебѣ видѣть кого нибудь во снѣ, такъ, какъ будто знаешь ты и мысли его, или какъ будто за него мыслишь, въ одно

съ нимъ время? Такъ и я; но я при томъ все ясно чувствую; знаю, что я не сплю.“ —

Помощь продолжала она: „Во мнѣ польско по измѣнилось, что духъ мой соединило съ тѣломъ. Моя оболочка раскрылась въ шѣхъ мѣсахъ, къ которымъ, такъ сказать, наиболѣе примыкаешь душа. Жизнь моя истекаетъ и дѣлается слабѣе; ничѣмъ ея не удержишь. Если бъ не нашли тебя, Фаустъ, меня давно бы уже не спало. Но предсавъ себя вырванное растеніе: силы его испаряются, не находя замѣны; когда же его посадишь въ свѣжую землю, оно извлекаетъ изъ нее свою жизнь, пускаетъ опросники и зеленѣетъ: такъ и я. Моя душа, моя жизнь, распускаясь въ цѣломъ мірозданіи, находишь въ полношѣ швоей жизни свою пищу; пускаешь корни въ швоемъ существѣ, выдоравливаешь шобою. Я — пошухающій свѣшъ въ разбишомъ сосудѣ; но высыхающая свѣшпильня моей жизни напишывается опять елеемъ швоей. И такъ я душою влилась въ тебя; я живу одною съ шобою силою; пошому-шо мои желанія, печали, чувства, воля, даже мысли шѣ же, какъ и швои. Ты моя жизнь, Фаустъ!“

При эпшомъ нѣжномъ объясненіи, и горничныя и Докторъ не могли удержаться отъ насмѣшливой улыбки.

Въ пошъ же день сказала мнѣ Графъ Гормегъ: „Испышайте, пожалуй-ше, для шушки, свое могущество надъ Горпензіею самымъ разительнымъ образомъ!“

— „Какъ же?“

„Попребуйте, въ доказательство ея послушанія, чшобы она позвала васъ въ явѣ и подарила вамъ охотно одну изъ лучшихъ своихъ розъ.“

— „Нашъ, эпо было бы слишкомъ нескромно. Вамъ извѣстно, Графъ, какое непреодолимое отвращеніе имѣетъ она иногда къ бѣдному Фаусту, при всей благосклонности своей къ нему въ другое время.“

„Тѣмъ больше я прошу васъ, испышайте — хоня бъ и для того шолько, чшобы узнать, способна ли сила ея воли дѣйствовать изъ состоянія сна въ бодршвенное обыкновенной жизни. Когда она проснется, ей никто не скажетъ о томъ, чего вы желали. Между шѣмъ я распоряжусь, чшобы, когда вы объявите ей свое желаніе, не было шупь никого, кромѣ васъ и меня.“

Я обшцалъ повиноваться; но признаюсь, неохотно.

На другой день, пришел я въ комнату Горшензіи, въ то время, когда она лежала въ дремотѣ, предшествовавшей обыкновенно ясновидѣнію — ранѣе не смѣлъ я и показываться — и заспалъ у нее одного только Графа. Онъ взорами и улыбкою напомнилъ мнѣ о вчерашнемъ условіи.

Горшензія скорѣе начала со мною дружескій разговоръ. Она увѣряла, что уже приближается время, когда болѣзнь ея возьметъ другой оборотъ; что тогда будешь она постепенно уменьшаться, и это легко замѣшшь поному, что наружные предметы будешь ей не столь явственны. Между тѣмъ Графъ безпрестанно кивалъ мнѣ, чтобы я сказалъ о своемъ желаніи, и тѣмъ приводилъ меня въ смущеніе. Отъ моей нерешительности, казалось, спала посковать и Горшензія. Она оглядывалась въ беспокойствѣ по сторонамъ; хмурилась, и какъ будто старалась что-то объяснить самой себѣ.

Желая разсѣять себя и ободриться, прошелъ я, молча, по комнатамъ и у окна, на которомъ спояли Горшензіины цвѣты, спалъ пальцами перебирашь въпочку одного розоваго деревца. Вдругъ шипомъ ея укололъ я себѣ середній палецъ.

Горшензія громко вскрикнула. Я и Графъ бросились къ ней. Она спала жаловаться на ужасную боль въ палецъ, и не только въ томъ самомъ, которій укололъ я у себя, но и на томъ самомъ мѣстѣ. Это явленіе было одною изъ тѣхъ странностей, къ которымъ я, находясь съ нею, уже привыкъ. И въ самомъ дѣлѣ на палецъ ея было замѣшно синеватое пятнышко, а на другой день сдѣлался нарывъ, какъ и у меня — только мой скорѣе зажилъ.

„Ты виновата въ этомъ, Фаустъ“ сказала она черезъ нѣсколько минутъ: „ты укололся розою. Берегись же впередъ, чтобы я за тебя не шерфла.“

Она умолкла; я тоже молчалъ, размышляя, какимъ образомъ сдѣлаю ей свое предложеніе, къ которому теперь предшавалась, казалось, самый лучшей поводъ. Графъ же не переставалъ мнѣ кивать.

„Зачѣмъ ты не хочешь вымолвить“ — сказала Горшензія: „что сегодня въ двѣнадцать часовъ, передъ тѣмъ, какъ ипши мнѣ къ обѣду, я должна позвать тебя и подаришь тебѣ свою, только что распустившуюся розу?“

Изумая, я насилу нашелся, что отвѣчать: „Это желаніе казалось мнѣ слишкомъ нескромно!“ сказалъ я.

— „Вѣдь я знаю, Фаустъ,“ — возразила она, улыбаясь: „что башюшка самъ внушила его шебъ.“

„Однако оно и мое собственное!“ прошептала я. „Но вѣрно, когда вы проснетесь, о томъ и не вспомните.“

— „Почему же?“ опивчала она съ благосклонною улыбкою.

Послѣ этого разговора позваны были горничныя и Докторъ. Горшензія проснулась часовъ въ десять, и потчасъ показала Доктору свой больной палець. Она думала, что укололась булавкою, но удивлялась, не находя совсѣмъ наружнаго шому признака.

Въ одиннадцатъ часовъ сдѣлалась она безпокойна, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, бралась за все и все оставляла; потомъ начала говорить со своими женщинами обо мнѣ, или лучше, спала, по обыкновенію, изливая всю свою прошивъ меня злобу, и напала на ошца съ жалобами, что онъ до сихъ поръ держитъ меня при себѣ.

„Эшотъ навязчивый бродяга“ — говорила она: — „споимъ ли онъ, чтобы я такъ много шеряла для него словъ, чтобы даже проливала слезы? И право не знаю, что принуждаешь меня объ немъ думать и отправлять каждую минушу эшими ненавистными мыслями. Правда, я никогда его не вижу, но

много уже и того, что живу подъ одною съ нимъ кровлею, и знаю, какъ вы, башюшка, къ нему привязаны. Я, право, начинаю уже думать, что эшотъ жалкій человекъ способенъ колдовать. Но берегитесь, башюшка, вы вѣрно раскаетесь въ своемъ добродушіи. Онъ обманетъ васъ и всѣхъ насъ.“

— „Пожалуйсѣна, милая“ — сказала Графъ — „не мучь себя, да и меня не помни своими всегдашними о немъ шолками. Ты не знаешь его — видѣла только раза два, и то мелькомъ: какъ можешь дѣлать ему такой рѣшительный приговоръ? Иное дѣло, если бы я его поймалъ въ какомъ нибудь лживомъ поступкѣ. Пока этого не случится, спарайся себя успокоивать. Довольно и того, что онъ не смѣетъ явиться шебъ на глаза.“

Горшензія не сказала на шо ни слова. Она заговорила о другихъ предметахъ, но безпокойство ея видимо умножалось. Спрашивали, не чувствуешь ли она боли? опивта не было. Она спала плакашь. Напрасно спарались вывѣдать причину ея огорченія или печали. Она спряшала лице свое въ подушки дивана, и просила какъ ошца, шакъ и другихъ, оставитъ ее одну.

Въ шри четверши двѣнадцатаго часа, позвонила она въ колокольчикъ. Вошедшей

служанкѣ вѣдно было сказать мнѣ, чтобъ ровно въ двѣнадцать часовъ, явился я къ ней.

Хоть я ожидалъ этого приглашенія, но все было пораженъ имъ. Необычайность случая, страхъ не понравиться шой, кошорая занимала всю мою душу, приводили меня въ смяшеніе. Нѣсколько разъ подходилъ я къ зеркалу, думая, не въ самомъ ли дѣлѣ такъ дурно лице мое, чтобъ не лъзя было на него смотрѣть безъ отвращенія. Но — ударило двѣнадцать часовъ. Сильно билось мое сердце, когда пошамъ доложишь обо мнѣ Горшензіи. Я былъ допущенъ.

Она сидѣла небрежно на диванѣ, опершись на бѣзую, нѣжную руку прелестною головою, унизанною черными локонами. Когда я вошелъ, она вспала, и на лицѣ ея появилась бѣлая краска. Самымъ нешвердымъ голосомъ, со взоромъ, умоляющимъ о пощадѣ, пролепетала я нѣсколько словъ объ удовольствіи, бытъ призваннымъ къ ея услугамъ.

Горшензія не отвѣчала. Медленно прошла она мимо меня, какъ будто размышляя, что сказать. Наконецъ ошпановилась передо мною и, бросивъ на меня презрительный взглядъ, она сказала: „У меня на языкъ вершился просьба, Г. Фаустъ, чпобъ вы оставили домъ моего отца.“

— „Графиня!“ — отвѣчалъ я, запыхавшись отъ пробужденнаго самочувствія: „позвольте сказать, что я не навязывался ни Графу, ни вамъ. Вы знаете причины, побудившія вашего батюшку уприсить меня оспаться при немъ. Я не охотно согласился на это; но отличная благосклонность Графа и надежда бытъ вамъ полезнымъ заставляють меня теперь не послушаться приказанія вашего, какъ впрочемъ ни горько для меня заслушать вашъ гнѣвъ.“

Она обернулась ко мнѣ спиною, и взявъ лежавшія на окнѣ маленькія ножницы, играла ими около розоваго деревца. Вдругъ отрѣзала она молодую, едва распустившуюся розу, и подавъ ее мнѣ, сказала: „Возьмите лучшее, что у меня теперь лодъ рукою, въ награду того, что вы — отъ меня прятались. Не приходите ко мнѣ никогда!“

Она въ шакомъ замѣшательствѣ и такъ скоро проговорила это, что я едва могъ понять. Помомъ бросилась на диванъ и, отворотивъ лице, замахала рукою, чтобъ я не отвѣчалъ и удалился.

Лишь только я вышелъ, вся обида была мною забыта. Я побѣжалъ въ свою комнату. Не сердитая, но прелестная, спражающая Горшензія, въ ея нѣжной юности, представлялась глазамъ моимъ. Роза изъ ея

руки казалась мнѣ драгоценностію, копча-
рая не можетъ быть оцѣнена. Какъ сумас-
шедшій, прижимала я милый цвѣпочекъ къ
ушамъ своимъ, съ горестію представляла
себѣ плѣнность его, и придумывала, какъ бы
сохранить для себя навсегда это сокрови-
ще. Наконецъ разложилъ я цвѣпочекъ рачишель-
но въ книгу и высушилъ его подъ прессомъ,
а потомъ подожилъ листки между двумя
круглыми стеклышками, которыми велѣлъ
обдѣлать золотымъ обручемъ. И эшотъ ме-
дальонъ спалъ я носить на груди, на золо-
той цѣпочкѣ.

В е к с е л и.

Между тѣмъ это приключеніе подало
поводъ ко многимъ для меня непріятностямъ.
Независть ко мнѣ Горпензіи стала сильнѣе
и рѣшительнѣе. Какъ ни заспупался за меня
отецъ ея, и то уже не помогало. Хорошо,
что хоть на него не дѣйствовали никакія
наущенія. Эшотъ добрыйшій человекъ былъ
совершенно увѣренъ въ моей честности,
припомъ зналъ, какъ могу я быть полезенъ
въ тайныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ его фа-
милии, и все еще былъ неколебимъ въ тѣхъ
мысляхъ, что, дочь его не можетъ безъ метъ

ня выздороветь. Но за то вскорѣ увидѣлъ
я, что только онъ одинъ въ цѣломъ домѣ —
удостоиваетъ меня дружескимъ взглядомъ
или словомъ. Я замѣнилъ, что горничныя
Горпензіи, даже самъ Докшоръ Вальшеръ,
а попомъ и всѣ слуги спали ошь меня бѣ-
гашъ и оказывашъ мнѣ какую-то холод-
ность и невнимательность. Еще добродуш-
ный Зебальдъ оставался истинно мнѣ пре-
данъ, и ошь него-то узналъ я, что замы-
шляютъ всячески выжить меня изъ дому, и
что Графиня поклялась всякаго, кто поль-
ко осмѣлится въ чемъ нибудь угодить мнѣ,
безъ пощады согнать со двора. Эшотъ при-
казъ былъ очень дѣйствителенъ. Ошь дво-
рецкаго до послѣдняго поваренка всякій счи-
палъ за счастье служить въ такомъ бога-
помъ домѣ; а припомъ всѣ смотрѣли на
меня зависплыми глазами, видя, что я
обладаю почти неограниченною довѣренно-
стію Графа — я, котораго почипали они
почипи себѣ равнымъ.

Могъ ли я бытъ покоенъ въ такомъ
положеніи? Въ Венеціи, въ одномъ изъ зна-
чнѣйшихъ домовъ, жилъ я уединеннѣе, неже-
ли въ какой-нибудь пущинѣ — безъ друга,
безъ утѣшительнаго общесипва. Я зналъ, что
наблюдають за каждымъ моимъ шагомъ. Од-
нако первнне мое все преодолевало. —

Графъ также не мало терпѣлъ отъ причудъ Горпензій. Не рѣдко искалъ онъ во мнѣ утѣшителя. И я дѣлалъ краснорѣчивѣйшимъ заступникомъ прелестной своей ширанки, которая, въ минушы необыкновеннаго сна своего, столько же осыпала меня своими, почти гоповъ я сказашъ, нѣжными ласками, какъ въ другое время помила своимъ упрямствомъ и гордостію. Казалось, будто два враждующіе духа обладаютъ ею: одинъ ангелъ свѣта, другой — исчадіе тьмы.

Наконецъ пришло время, что и Графъ спалъ къ другимъ уступчивѣе, а отъ меня скрыпнѣе — и это сдѣлалось уже для меня нестерпимо. Въ послѣдствіи узналъ я, какъ со всѣхъ сторонъ на него нападали, какъ особенно Докторъ Вальтеръ спарался различными злыми намѣками поколебать его ко мнѣ довѣренность, и какое глубокое впечатлѣніе произвели на него однажды упреки Горпензій. „Мы всѣ“ — говорила она: „попали въ зависимость къ этому безродному и неизвѣстному человѣку. Говорить, что жизнь моя у него во власти. Ну, такъ за это можешь онъ получать хорошее жалованье; чего же больше? А то сдѣлашь его хранилищемъ всѣхъ семейственныхъ тайнъ, такъ, что если я и выздоровѣю, то нельзя

безъ опасенія удалить его! Кто поручится въ его молчаливости? За это мнимое безкорыстіе, за эту поддѣльно-честную мину прійдется мнѣ расплачиваться слишкомъ дорого. Графъ Гормегъ — рабъ собственнаго слуги своего, который хитростію умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ насъ шираномъ. Этошь низкій человѣкъ, мѣщанскаго происхожденія, вдругъ спалъ повѣреннымъ, другомъ Графа, который въ родствѣ съ домами владѣтельныхъ Князей, и спалъ имъ вочащъ — сдѣлался главою семейства!“

Къ оскорбленію гордостни почтеннаго старика присоединилось и то, что слуги его какъ будто сговорились исполнять его приказанія съ какою-то нерѣшимостію, въ которой замѣтна была боязнь навлечь мое неудовольствіе. Иные имѣли даже дерзость освѣдомляться, съ моею ли воли дѣлаешь онъ то или другое приказаніе. Все это мало по малу такъ подѣйствовало на Графа, что онъ спалъ недовѣрчивѣе къ самому себѣ; полагалъ, что и въ довѣрчивости ко мнѣ преступилъ границы благоразумія.

Я скоро это замѣнилъ, хотя онъ и спарался скрыть отъ меня переменъ своихъ мыслей. Могъ ли я не огорчаться? Никогда не напрашивался я знать его тайны, никогда не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣла его.

Онъ самъ мало по малу сообщалъ ихъ мнѣ. Прося моего совѣта, онъ ему слѣдовалъ, и не бывалъ въ проигрышѣ. Когда поручилъ онъ мнѣ счеты по доходамъ своимъ, я изъ величайшей запущанности привелъ ихъ въ шаковую ясность, что, по собственному его признанію, онъ бы не могъ безъ меня съ ними сладить, не могъ бы сдѣлать и порядочныхъ распоряженій на счетъ капиталовъ и деревень своихъ. По моему совѣту, двѣ запущанныя сѣзбы, которыя застрянули бы на долгое время, кончилъ онъ полюбовною сдѣлкою, и эта сдѣлка принесла ему больше выгоды, нежели сколько бы онъ могъ имѣть отъ самаго выигрыша по сѣзбамъ. Часто, въ изліяніи своей благодарности или дружества, предлагалъ онъ мнѣ значительные подарки; но я всякій разъ отклонялъ ихъ. Мнѣ оинюдь не хотѣлось быть ему обязаннымъ, чѣмбы опасаться навсегда самому себѣ господиномъ.

Нѣсколько недѣль переносилъ я всеобщую ненависть и непріязненность. Но наконецъ взбунтовалась и моя гордость. Сильно желалъ я вырваться изъ этого непріятнаго положенія, съ копорымъ примиришь меня было нѣкому. Только Горшензія, виновница всего зла, она только ободряла меня непрерывно въ минуты своего духовнаго

перерожденія. Въ это время оказывала она презрѣніе къ самой себѣ; старалась ласками загладить всѣ обиды, и упишишь досаду мою, которую послѣ опять возбуждала сугубо.

Однажды послѣ обѣда, позвалъ меня Графъ Гормегъ въ свой кабинетъ, приказалъ принести свои счетныя книги и недавно присланные вексели на двѣ тысячи луддоровъ. Эту сумму, какъ онъ мнѣ сказалъ, намѣренъ онъ отдать въ банкъ, потому что не надѣвшея ранѣе года выѣхать изъ Венеціи. Я воспользовался случаемъ попросить его, всѣ возложенныя на меня дѣла передать другому, такъ какъ я рѣшился, поспѣвая по выздоровленіи его дочери, оставить домъ его и Венецію. Ходилъ онъ и замѣтилъ, что говоря это, былъ я очень неспокоенъ духомъ, однако ничего не отвѣчалъ — попросилъ только не покидать его дочери прежде времени, а отъ дѣлъ общалъ меня освободить.

Этого было мнѣ довольно. Я увидѣлъ, что ему самому хочется сбыть меня съ рукъ. Въ досадѣ пошелъ я къ себѣ, собралъ всѣ бумаги, пребыванныя и непрѣбыванныя, но векселей не находилъ нигдѣ. Въроятно, подумалъ я, заложилась она какъ-нибудь между бумагами. Мнѣ помнилось, что, получивъ, я завернулъ ихъ особо и положилъ на спорону. Исканье мое было тщетно. Графъ,

приученный мною къ немедленному исполнению всѣхъ его желаній, конечно-долженъ былъ удивляться, что я на этошь разъ такъ мѣшкаю. На другое утро онъ мнѣ напомнилъ о шомъ. Я общалъ принести все къ полудню. Опять перешарилъ и въ своихъ ящикахъ, перебраалъ всѣ бумаги по листамъ. Все напрасно. Ударило двѣнадцать часовъ, а проклятые вексели не отыскались. Я извинился передъ Графомъ, говоря, что куда-то заложилъ ихъ, хотя это очень рѣдко со мною случалось; а послѣ, искавши шоропливо, вѣроятно, принявъ эти бумаги за другія и зарывъ ихъ еще дальше. Я попросилъ сроку до другаго дня, утверждая, что онъ пошерыны бытъ не могушь. Графъ немного нахмурился, однако сказалъ: „не шоропитесь такъ, еще время шерпить!“

Весь мой досугъ употреблялъ я на исканье; въ этошь же занятіи провелъ до полуночи; слѣдующее утро началъ шѣмъ же — и все по пусшому. Я спалъ сильно шревожиться, принужденъ будучи думать наконецъ, что вексели дѣйствительно пропали: украдены или, въ минушу разсѣянности, изорваны мною самимъ вмѣсто негодной бумаги. Никшо, кромѣ слуги моего, не ходилъ въ мою комнату; да и шощъ не умѣлъ ни читать, ни писать, а пришомъ и ключъ отъ

нее всегда былъ при мнѣ. Слуга увирялъ, что и прибирая въ горнищъ, никогда никого не пускалъ въ нее, а самъ и подавно не дошрегивался ни до одной бумаги. Гостей, кромѣ Графа, никогда у меня не бывало, потому, что я вовсе не имѣлъ знакомыхъ въ Венеціи. Я шерлялся въ недоумѣніи и досадѣ.

СТРАННАЯ УЛИКА.

Въ то же утро пришелъ я, по обыкновенію, къ Графинѣ, когда она была въ своемъ перерожденіи, и шущъ замѣнилъ я шощасъ на лицѣ Графа какую-то холодность, говорившую болѣе, нежели самыя слова. Мысль, что онъ сомнѣвается въ моей честности и вѣрности, усугубила во мнѣ безпокойство. Лишь шолько предсталъ я предъ Горшензію, мнѣ пришло въ голову, не можешь ли она, посредствомъ своего ясновидѣнія, открьшь, гдѣ бумаги мои. Не хошѣлось мнѣ шолько, въ присутствіи Доктора Вальшера и горничныхъ, признашья, что я допустилъ шакую небрежность или беспорядокъ въ дѣлахъ своихъ.

Пока я колебался въ самомъ себѣ, Графиня стала жаловашья, что она чувствуетъ нестерпимый отъ меня холодъ, и что

если это не переменялся, она будеть очень спрадашь. „Ты что-то сильно встревожень?“ сказала она. „Ты не владьешь ни своими мыслями, ни своею волею.“

— „Не мудрено, Графиня!“ ошвчалъ я. „Можешь бышь, не въ состояніи ли ваше чудесное свойство возврашшь мнѣ мое спокойствіе. У меня пропали вексели, принадлежащіе вашему батюшкѣ.“

Графъ Гормегъ нахмурился. Докторъ Вальшеръ закричалъ: „Пожалуй-ше, не безпокойте Графини въ ея доложеніи такими вещами!“

Я умоляю. Графиня, казалось, что-то припоминала, и прошло много времени, пока наконецъ сказала она: „Ты не потерялъ векселей, Фаушъ; они у тебя взяты. Успокойся. Вотъ тебѣ ключъ, отвори эшошь шкапъ: тамъ въ ящикѣ найдешь ты ихъ.“

Она вынула маленькій, позолоченный ключикъ, подада мнѣ его, и указала на шкапъ. Я побѣжалъ къ нему. Одна изъ горничныхъ, по имени Элеонора, подскочила къ шкапу и вздумала не пускашь меня отпереть его. „Неужли вы допустите, Графъ, чтобы мужчина рылся въ вещахъ вашей дочери!“ прокричала она въ испугъ. Но прежде, нежели успѣла она кончить, я отшодкнулъ ее сильною рукою, отперъ шкапъ, раскрылъ

ящикъ и — проклятые вексели лежали въ немъ на самомъ верху. Съ радостнымъ лицемъ поспѣшилъ я къ спарому Графу, который ошъ изумленія споялъ безмолвень и недвижимъ. „О прочемъ“ — сказала я ему: „буду я имѣть честь говорить съ вами послѣ.“ Какъ весело спало у меня на душѣ, когда я опять подошелъ къ Горпензіи, и возврашилъ ей ключъ!

„Вотъ, ты совсѣмъ переменялся, Фаушъ!“ воскликнула она съ движеніемъ восторга: „Ты теперь, какъ солнце — блистаешь яркими лучами.“

Графъ закричалъ мнѣ съ замѣтною запальчивостію: „Прикажише Графинѣ моимъ именемъ сказать, какимъ образомъ попалась къ ней бумага.“

Я повиновался. Элеонора упала безъ чувствъ на спуль. Докторъ Вальшеръ бросился къ ней, и думалъ было вынести ее изъ комнаты, но между тѣмъ Горпензіа заговорила, и Графъ, съ необыкновенною въ немъ строгостію, приказалъ молчать и не шумѣшь. Никто не смѣлъ пошевелинуться.

„Изъ ненависти къ тебѣ, любезный Фаушъ, ведѣла большая взять у тебя вексели: Злорадствуя, прежде времени наслаждалась она своею бѣдою, и полагаала, что принудишь тебя къ побѣгу. Но все бы эшо не

удалось ей, поному что въ то время, какъ Элеонора стояла на спражь, а Докторъ Вальтеръ опперъ поддѣльнымъ ключемъ швою комнату, и доспавъ опшуда вексели, лежавшіе вмѣстѣ съ письмами изъ Венгріи, передавъ ихъ Элеонорѣ, въ то время Зебальда стоялъ въ углу корридора, и все видѣлъ, не бывъ самъ примѣченъ. Онъ все бы открылъ, какъ скоро сдѣлалось бы извѣстно, что у тебя пропали важныя бумаги. Докторъ Вальтеръ, видѣвшій прежде у тебя вексели, сдѣлалъ больной предложеніе похитить ихъ. Элеонора вызвалась на помощь. Больная сама ихъ къ тому ободряла, и насилу могла дождаться времени, когда принесешь ей эти бумаги.“

Докторъ Вальтеръ стоялъ вѣв себя, опершись на стуль, на которомъ лежала Элеонора. Лице его покрылось смертельной блѣдностію. Пожимая принужденно плечами, сказалъ онъ Графу: „Изъ этого должно заключить, что Графиня въ своихъ ясновидѣніяхъ можешь и ошибаться. Подождемъ ея пробужденія: тогда яснѣе откроется, какъ попались къ ней вексели.“

Графъ Гормегъ не опвѣчалъ, а позволивъ въ колокольчикъ и вошедшему слугѣ приказалъ позвать Зебальда. Явился и онъ;

его спросили, входилъ ли Докторъ Вальтеръ безъ меня въ мою комнату.

„Не знаю, былъ ли тогда г. Фаустъ у себя, но помню, что въ прошедшее Воскресенье вечеромъ, г. Докторъ оппиралъ ключемъ дверь его комнаты и входилъ въ нее. Элеонора должна лучше объ этомъ знать: она стояла у лѣстницы, и когда г. Докторъ воротился и подалъ ей какія-то бумаги, они еще нѣсколько минушь пихонько разговаривали, а потомъ разошлись.“

Зебальда оппустили. Докторъ и едва пришедшая въ себя Элеонора должны были также, по знаку Графа, удалиться. Гормензіа казалась веселѣе, нежели когда-либо. „Не бойся ненависти больной“ — сказала она мнѣ: „я буду блюсти тебя, какъ швой ангель-хранитель. Ея ненависть пропадетъ вмѣстѣ съ больнію. Уже и теперь иметъ она наклонность исправиться.“

Сльдствіемъ сего достопамятнаго утра было то, что Доктору Вальтеру, Элеонорѣ и еще двумъ слугамъ опказано опъ дому въ топь же день. Ко мнѣ же пришелъ самъ Графъ, и просилъ искренно извиненія, не только въ просупкѣ своей дочери, но и въ своей собственной слабости, съ какою вслушивалъ онъ злобныхъ противъ меня наушниковъ, и даже въ половину вѣрилъ имъ

Онъ обнималъ меня, называлъ своимъ другомъ — единственнѣмъ въ свѣтѣ, которому онъ можетъ повѣрить все, что есть у него на сердцѣ. Наконецъ заклиналъ меня не покидать его и Горпензію.

„Знаю,“ — сказала она: „какъ вы спрашиваете, какъ много жертвуете для насъ. Но положитесь на мою безпредѣльную признательность. Когда Графиня совершенно оправится, тогда конечно и вамъ будетъ у насъ лучше. Посмотрите на меня! Есть ли кто нибудь въ мірѣ несчастливѣе? Я живу только надеждою. И вся моя надежда держится только вашимъ добродушіемъ, вашимъ постояннымъ шепчѣніемъ. Чего уже не перенесъ я, и что еще предстоитъ мнѣ! Свидѣтель всѣхъ необыкновенностей, какія происходятъ съ моею дочерью, я часто бываю въ себя, и думаю: неужели судьба опредѣлила мнѣ быть героиней волшебной сказки?“

Горестъ добраго Графа меня пронула. Я примирился и съ нимъ и со своимъ положеніемъ — конечно все еще непривлекательнымъ. Но неблагородный образъ мыслей Графини чрезвычайно уменьшалъ очарованіе, въ которомъ она доселѣ мнѣ представлялась.

П Е Р Е М Ъ Н Ы .

Въ домѣ возстановился порядокъ. Слуги возымѣли опять уваженіе къ Графу, и никто не смѣлъ показатъ даже недовольнаго вида противъ моего вліянія, которое стало опять почти также неограниченно, какъ было прежде — даже до того, что я самъ иногда смѣдился сего безпрекословнаго повиновенія моей волѣ. Впрочемъ я имѣлъ довольно благородства, чтобы не употреблать этого во зло.

Мои свиданія съ Горпензією, въ минуты ея перерожденія, продолжались, и это время служило мнѣ опрадою — возмездіемъ за всю душевную поску мою въ недѣлительной, лишенной истиннаго назначенія жизни. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было не наслаждаться, смотря на эту неземную красоту, когда она, въ ангельскомъ вдохновеніи, съ закрытыми глазами, но съ живѣйшею выразительностію на лицѣ, повѣдывала тайны природы, вникала во внутреннее устройство челоуѣка и научала его предопредѣленію? Каждый разъ послѣ такого свиданія, повѣрялъ я бумагу, если не все слышанное отъ нее, по крайней мѣрѣ то, гдѣ выражалась она сколько нибудь понят-

но (*). Впрочемъ я и самъ виновать, что не останавливалъ ее во время своими вопросами на нѣхъ предметахъ, которые казались мнѣ темными. Не во всякую минуту своего ясновидѣнія, имѣла она способность познавать и передавать мысли свои вразумительно; а наконецъ неохотно уже говорила о подобныхъ пому вещахъ, и вскорѣ даже совсѣмъ перестала говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ своего здоровья и домашнихъ отношеній.

Хотя не было никакихъ особыхъ признаковъ ея выздоровленія, но она утверждала, что ей непрерывно становится легче. Она продолжала сказывать напередъ, какую даешь ей пищу, и какаѣ вредна для нее. О всякаго лекарства имѣла она опшращеніе; только каждый день предписывала себѣ холодныя ванны, а наконецъ и купанье въ морѣ. Съ приближеніемъ весенняго времени, сны ея сдѣлались короче.

(*) Здѣсь Авторъ, словами Горпензіи, развиваетъ дадѣ свою ипопезу о животноиъ магнетизмѣ, но переводчикъ боится, не слишкомъ ли много онъ и прежде уснувалъ желанію Автора — философствовать въ сказкѣ, нѣмъ болѣе, что не былъ увѣренъ, правильно ли передаетъ не совсѣмъ ясныя его идеи. *Пер.*

Не хочу писать здѣсь исторіи Горпензіиной болѣзни; скажу только, что въ седьмой мѣсяцъ моего пребыванія у Графа, она не только спала принимать посещенія постороннихъ, но и сама взидала въ церковь, въ спектакли и на балы, хотя конечно на самое короткое время. Графъ Гормегъ былъ вѣв себя оиъ радости. Онъ осыпалъ дочь своєю подарками, и устроилъ для нее, съ большими издержками, многообразныя развлечения. Въ Венеціи былъ онъ въ связяхъ со всеми значными домами. Венеціане искали въ немъ, какъ по, его богатству, такъ и по опшвной красотѣ его дочери; почему вскорѣ каждый день въ недѣль обратился для него въ праздничный. И въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ жилъ онъ, какъ пустынный; несчастіе Горпензіи терзало его сердце, а необычайности болѣзни ея заставляли его быть всегда въ принужденномъ, самомъ неприятномъ положеніи. Отсюда-то происходила и неограниченная его ко мнѣ привязанность, просширавшаяся даже до крайности. Но теперь, когда выздоровленіе Горпензіи облегчило его душу, и дало ему болѣе свободы наслаждаться свѣтскимъ разсвнѣемъ, и эта привязанность ко мнѣ стала терять свою силу. Хотя, по слабой ко мнѣ довѣренности и для собственнаго покоя, оста-

дѣлалъ онъ на рукахъ моихъ все управленіе дѣлами и хозяйствомъ, но захотѣлъ уже, чтобы я принялъ какое нибудь особое званіе при его свитѣ. Когда же я твердо опрелекся, быши у него на жалованьи и считаться въ его службѣ, но онъ принужденъ былъ, казалась, самую необходимость вѣнчить себя въ особую добродѣтель. Онъ предсказывалъ меня всѣмъ знакомымъ за своего друга; но какъ и шутъ гордостью запрещала ему быши другомъ челоуѣка незнашнаго, но передъ всѣми выдавалъ меня за дворянина изъ самой лучшей Нѣмецкой фамилии. Сначала я прошиваясь, но послѣ уступилъ слабости шарика, прислунившаго ко мнѣ съ просьбами. Такимъ образомъ попалъ я въ кругъ знаишнѣйшихъ Венеціанъ, и былъ приглашаемъ всюду. Хотя я все еще оставался дѣйствительнѣо другомъ Графа, но уже не совсѣмъ по преднему, пошому что не былъ единственнѣмъ: мы не жили, какъ прежде, исключительно одинъ для другаго.

Еще примѣчательнѣе была перемѣна въ Горшензи при ея выздоровленіи. Уже не шолько въ минушы сна ея была она ко мнѣ ласкова, но и въ прочее время ненависть и ошращеніе ко мнѣ спали въ ней исчезашъ. По внушеніямъ ли отца, или по чувству собшвенной признаиельности, принуждала

она себя не дѣлашъ мнѣ, какъ прежде, огорченій ни словами, ни взорами. Иногда позволяли мнѣ являшся къ ней съ изъявленіемъ моей преданности, въ качествѣ домашняго челоуѣка, друга шараго Графа и наспоищаго врача ея. Наконецъ могъ уже я, не подвергаясь опасности возбудиши ея гнѣвъ, нахоидишся въ шѣхъ же обществахъ, гдѣ и она. Даже до шого простерлось напоследокъ принужденіе или привычка, что она равнодушно смолчала, когда я садился за однимъ столомъ съ нею. Однако шупъ все еще проглядывала въ ней оскорбленная гордость, и я никогда не удостоивался услышати ошъ нее нѣсколько словъ, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ, шребовавшихся приличіемъ.

Самъ я, хотя и чувствовалъ болѣе удовольствія съ предославленной мнѣ болшею свободою, но все еще не наслаждался душевнѣмъ спокойшвіемъ. Разсѣянность, въ кошорую былъ я завлеченъ, забавляла меня, не дѣлая счастливымъ. Часто, среди шумицей шолны, желалъ я перенестишя въ уединеніе, кошорое было мнѣ болѣе по душѣ. Я твердо рѣшился возвратишся къ прежней своей свободѣ, какъ скоро возшаношится здоровье Графини, и съ какииъ непершнѣмъ ожидать я ашой минушы! Уже чудъ

сказывалъ я, что начинающаяся страсть къ прелестной Горшензи можешь завлечь меня въ погибель. Долго боролся я съ самимъ собою, и гордоси Горшензи, ея ко мнѣ ненависть, облегчали мнѣ эту борьбу. Ея дворянскому важничанью противопоставлялъ я чувствво собственнаго достоинства, а ея злобнымъ преслѣдованіямъ — увѣренность въ своей невинности и въ ея неблагодарности. Если бывали иногда мгновенія, въ которыхъ увлекался я прелестію ея наружности — и кто бы могъ быть нечувствительнъ къ такому очарованію красоты? — то было еще болѣе такихъ минутъ, въ которыхъ оскорбительное ея обращеніе возмущало всю мою внутренность. И ея равнодушіе ко мнѣ въ послѣдствіи доказывало столько же неблагодарность ея, какъ и прежнее отвращеніе. Я спалъ наконецъ убѣгая Горшензи болѣе, нежели она меня, и если даже могла она хопя равнодушно смотрѣть на меня, то вѣрно кипала во зорахъ моихъ, какъ велико мое къ ней презрѣніе.

И такъ, съ выздоровленіемъ Горшензи, незамѣтнымъ и спраннымъ образомъ перемѣнились всѣ между нами отношенія.

Князь Карло.

Изъ посѣщавшихъ насъ Венеціанскихъ дворянъ, всѣхъ короче былъ въ нашемъ домѣ богатый молодой человекъ, знавшійшей Италіянской фамиліи, съ шипуломъ Принца. Я назову его Князь Карло. Онъ былъ человекъ пріятной наружности, тонкаго образованія, умный, ловокъ и вкрадчивъ. Чрезмѣрная живость въ чертахъ лица и огненные глаза заставляли предполагать въ немъ большую пылкость нрава. Онъ любилъ пышность, былъ распочипеленъ и не столько гордъ, какъ шпеславенъ. Нѣсколько лѣтъ находился онъ во Французской военной службѣ, а потомъ, соскучась въ ней, вздумалъ побывать во всѣхъ знавшійшихъ городахъ и при всѣхъ знавшійшихъ Дворахъ Европы. Однако жъ случайное знакомство съ Графомъ Гормегомъ заставило его перемѣнить планъ. Увидѣвъ Горшензию, вмѣшался онъ въ полпу ея почитателей и угодинокъ, и вскорѣ мысль, быть счастливымъ ея обладателемъ, приковала его къ Венеци.

Знатная порода его, богатство, пріятная наружность льстили гордости и самолюбію Горшензи. Не отличаясь передъ другими, она любила видѣть его въ кругу своихъ поклонниковъ. Одного дружескаго взгляда

да было достапно для возбужденія въ немъ смѣлыхъ надеждъ.

Старый Графъ Гормегъ, не менѣ ласкаемый искашедьствомъ Князя, предупредилъ его на половинѣ пупи, осыпая своими ласками, оказывая предъ всѣми явное предпоченіе, и перемены простое знакомство на самую дружескую, короткую связь. Я не сомнѣвался, что Князь избранъ уже имъ впаишь въ женихи его дочери. Казалось, не замедлилось бы и ближайшее объясненіе, какъ со спороны оица, такъ и любовника — если бъ не болѣзнь Горшензи, и не спрахъ оишь причудъ ея.

Князь въ искреннихъ разговорахъ съ Графомъ слыхалъ о странныхъ ясновидѣннхъ Горшензи. Подспрекаемый сильнымъ любопышествомъ, онъ просилъ позволенія видѣшь ее хотя однажды въ шакомъ необыкновенномъ положеніи. Горшензи, зная, что она въ эши минушы не только не шереаетъ своей привлекательности, напротивъ приобрѣпаетъ еще болѣе, согласилась, хотя прежде никого изъ постороннихъ къ шому не допускала.

Онъ пришелъ однажды послѣ обѣда, въ шакое время, когда мы знали, что сонъ Горшензи долженъ бышь замѣчашелень, потому, что она всегда предсказывала эшо на-

передъ. Какъ скоро я увидѣлъ вошедшаго Князя, то почувствовалъ въ себѣ — долженъ признаться — маленькую ревность. До сихъ поръ одинъ я быль счастливецъ, для котораго Графиня распочала свои ласки въ минушы удивительнаго перерожденія шѣлесной и душевной красоты своей въ совершенство недосигаемое.

Карло, чуть дыша, на цыпочкахъ, приблизился по мягкому коврау. Видя, что у нее закрышы глаза, онъ думалъ, что она дѣйствительно спитъ. Боязливость и восхищеніе изображались на лицѣ его, когда онъ смотрѣлъ на эшо прелестное созданіе, измѣнившееся во всемъ существіи своемъ. Но вскорѣ, казалось, одинъ только сладострашныя мечты напоилили его голову и зашвили забыть все, его окружающее.

Наконецъ Горшензи спала говорить. Все, что относилось ко мнѣ, по прежнему исполнено было самыхъ привѣшливыхъ выражений. Я опять быль ея Фаустиъ, котораго мысль и воля владычествовали надъ нею. . . . . Эши привѣшества ошзывались очень непрншно въ ухахъ Князя, но для меня были они шѣмъ драгоценнѣе, что произносились въ присутствіи соперника, къ несчастію, слишкомъ опаснаго. Между шѣмъ Горшензи спала шосковать. Нѣ-

сколько разъ говорила она, что чувствуешь боль, но еще не можешь распознать, отъ чего. Я мигнула Князю, чтобы онъ подалъ мнѣ руку. Едва коснулся онъ меня, какъ Горпензія зашрелесала. „Какой холод!“ вскричала она: „Прочь! прочь! Уведите этого человѣка: онъ умертвилъ меня!“ И тупь начали ее мучить страшныя судороги, какихъ она давно уже не имѣла. Карло долженъ былъ немедленно выйти. Онъ былъ видъ себя отъ ужаса. Горпензія оправилась не скоро. „Не приводите ко мнѣ это нечистое существо!“ сказала она.

Этотъ случай, испугавшій и меня самого, произвелъ непріятныя послѣдствія. Князь призналъ меня рѣшительно своимъ соперникомъ, и поному возненавидѣлъ. Графъ Гормегъ, отдавшій уже себя совершенно во власть его, какъ будущаго своего зятя, недоумѣвалъ на счетъ истинныхъ чувствъ Горпензіи. Одна мысль, что въ ней можешь зародиться склонность ко мнѣ, была оскорбительна для его высокомерія. Оба, Князь и Графъ, заключили между собою тѣснѣйшій союзъ; спали держали меня подалѣ отъ Горпензіи, кромѣ нѣхъ минутъ, когда погружалась она въ свои чудесныя сны; условились о бракѣ, и Графъ открылъ желанія Князя своей дочери. Какъ ни лестно было

такое предложеніе Горпензіи, она удержалась отъ рѣшительнаго отвѣта, прося дожидаться совершеннаго ея выздоровленія. Между тѣмъ Князя вездѣ уже считали женихомъ прелестной Графини. Онъ всюду сопровождалъ ее, и всячески старался угождать ей.

Вскорѣ замѣтилъ я, что становлюсь лишнимъ, и прежнее уныніе ко мнѣ возвратилось. Казалось, я всемъ сдѣлался въ пѣгость — только не Горпензіи. Уже не въ одинъ нѣ минуты, когда сонъ смыкалъ глаза ея, а душа бодрствовала, но и въ минуты истиннаго бодрствованія она оказывала ко мнѣ вниманіе. Сперва ненависть и отвращеніе перешли въ равнодушіе, а потомъ, постепенно съ возрастаніемъ тѣлесныхъ силъ ея, самое равнодушіе превратилось въ искреннее уваженіе или дружество, какое люди высшаго званія оказываютъ къ низшимъ себя и къ домашнимъ своимъ за принимаемыя отъ нихъ услуги. Она обращалась уже со мною, какъ съ исполнимымъ врачомъ своимъ, часто просила у меня совѣта или позволенія, когда дѣло шло объ участіи въ какихъ нибудь веселостяхъ; исполняла въ точности мои предписанія; могла превозмогать охоту свою къ шанцамъ, когда я говорилъ, что нельзя продолжать

ихъ безъ вреда здоровью. Иногда казавое мнѣ даже, будто прѣжнее могущество воли моея надъ нею, уменьшась въ минуты ея перерожденій, перешло къ бодрственному ея состоянію.

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О новой книгѣ: *Du perfectionnement moral ou de l'éducation de soi-même*, par M. Dégérando, membre de l'Institut de France.

(О нравственномъ усовершенствованіи; или о воспитаніи самого себя, соч. Г. Дежерандо.)

(Изъ *Revue Ecce l'opédique*.)

Самое названіе сего творенія даешь уже понятіе о содержаніи онаго. Нѣтъ ни одного предмета, который былъ бы столь близокъ сердцу нашему, столь важенъ для человека. Не смотря на это, Наука нравственная принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя мы навыкаемъ почитать излишними: шакова участь вѣхъ знаній, койхъ смена

посыяны въ насъ благоспѣю Провидѣнія, или копорыя входящъ въ кругъ нашихъ вседневныхъ занятій. Мы обыкновенно довольствуемся тѣмъ только, что намъ знать необходимо нужно, — одними первоначальными основаніями, составляющими какъ бы нераздѣльную часть естества нашего, или поверхностными и непочными положеніями, зашверживаемыми на удачу въ вихрь общественныхъ дѣлъ, при безпокойствахъ вышней жизни. Отсюда происходить, что многіе смѣло берутся располагать выгодами политическими, не ознакомясь напередъ ни съ одною теоріей нравственности или хозяйства народнаго; гордясь своимъ невѣжествомъ, они похваляются, что не были столь глупы, чтобъ вдаваться въ шакъ называемыя ими опвлеченности, или (говоря правильнѣе), чтобы ясно постигнувъ нѣсколько понятій общихъ. Отсюда происходитъ, что весьма многіе вознегодовали бы на человека, осмѣливагося сказать имъ, что они не умѣютъ жить; вознегодовали бы и не подозрѣвая даже, что можешь существовать Наука жизни, кошорая хотя и не шворитъ добродѣтели, но просвѣщаетъ, укрѣпляетъ ее, хотя и не есть необходимое условіе для ея существованія, но облакаетъ ее привлекательностію, блескомъ, и служишь

для ея подкрѣпленія, Наука, знаніе коей приобращается изученіемъ, размышленіемъ и упражненіями.

Сей Науку посвящилъ Г. Дежерандо свое сочиненіе. Онъ болѣе, нежели кто либо, имѣлъ право избрать предметъ, споль обильный и важный. Долговременное и основательное изученіе теорій философскихъ, совершенное познаніе Исторіи системъ уполномочивали его на сей подвигъ. Но сильнѣе всего говоришь въ его пользу жизнь, исполненная добрыхъ дѣяній и ознаменованная трудами значительными. При всей многочисленности занятій философическихъ и государственныхъ, онъ былъ самымъ ревностнымъ водворителемъ во Франціи Человѣколюбивыхъ Обществъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ соупрудниковъ Сословій, образовавшихся для облегченія бѣдствій народа, для его просвѣщенія, и для поощренія его промышлености.

Постараюсь въ подробномъ разборѣ представить планъ и главнѣйшія мысли, заключающіяся въ семь важномъ швореніи Г. Дежерандо.

Оно раздѣлено на три книги. Первая имѣетъ предметомъ свойства нравственныхъ способностей; вторая — употребленіе оныхъ; а третія ихъ образованіе. Общяя

цѣль сихъ трехъ книгъ: — представить жизнь человека, въ видѣ непрерывнаго воспитанія. Такое воспитаніе имѣетъ цѣлю усовершенствованіе самаго себя: оно преимущественно старается въ человекѣ; — независимо отъ мѣста, занимаемаго имъ въ обществѣ, но сообразуясь со внѣшними обстоятельствомъ, посреди коихъ онъ поставленъ; — поддерживая совершенную гармонию его нравственныхъ способностей; направляя каждую изъ нихъ къ той цѣли, которая ей въ особенности предопредѣлена Творцемъ бытія нашего; и препятствовать, чшобъ онѣ не вредили взаимно; отвращая другъ друга отъ того назначенія, для котораго каждая намъ дарована.

Не приступая къ изображенію дѣйствій нашихъ нравственныхъ способностей, и къ показанію средствъ употреблять ихъ съ пользою, и содержащъ во взаимномъ согласіи, Авторъ долженствовалъ исчислить оныя, подкрѣпить доводами и описать: посему предметъ первой книги составляетъ исторію жизни внутренней.

Г. Дежерандо признаетъ 5 главныхъ побужденій воли, пять отдѣловъ нравственныхъ способностей; изъ которыхъ каждый имѣетъ свои отличительныя свойства, свое особое назначеніе: жизнь чувственная,

жизнь спрасная (la vie affective), жизнь умшвенная, жизнь нравсвенная, жизнь, основанная на Върѣ, или религіозная.

Чувства вводяшь челоуѣка во враша жизни, и приугошворяють его къ чепыремъ возвышеннѣйшимъ видамъ бытія. Они охраняють наше физическое существованіе; окружають оно удобствами, приащствомъ и удовольствіями; чрезъ нихъ получаемъ мы матеріалы для образованія шѣхъ идей, копорыя не происекають непосредсвенно изъ сокровеннаго чувства сознанія, или не суть плодъ мышленія внушреннаго. Но шѣмъ идеямъ, копорыя возникаютъ въ насъ самихъ, доспавляютъ они пособія и сообщаютъ имъ (равно какъ и всѣмъ идеямъ безъ различія), знаки и языкъ, необходимые для ихъ образованія и напамашованія. Чувства возбуждаютъ и направляютъ наши спрасши и склонности; они даютъ пищу уму; препашствами и искушеніями приууждаютъ совѣшь бороться и побждашь. Жизнь чувсвенная преобладаетъ во время младенчества каждаго челоуѣка въ частности, и во время младенчества всего челоуѣческаго рода.

Если жизнь чувсвенная есть совершенно личная; то жизнь спрасная выступаетъ изъ лѣснаго круга личности. Сочувствіе

(симпатія), сочешая власть свою съ силою сопряженія идей, переноситъ нашу собственную особу въ другихъ, а ихъ особу въ насъ; наслаждается ихъ радостію; спраждаетъ ошь ихъ горестей и, умножая наше бытіе умноженіемъ нашего я, обрѣшаетъ удовольствія и печали, невѣдомыя жизни чувствъ. Жизнь спрасная не ограничивается одними побужденіями сочувствія: она влечетъ далее любовь, преданностію, великодушіемъ, копорыя уже не говоряшь: я; но въ другомъ забывають себя, видяшь только его; жерсвують собою для него, и какъ бы уничтожаютъ себя, полагая наше благополучіе въ его счастья.

Любопытсиво не есть единственное начало жизни умшвенной. Она направляется также чувсвованіемъ прекраснаго и истиннаго. Чувсвованіе прекраснаго есть чувсвованіе величества и порядка; а чувсвованіе истиннаго пребуетъ либо спрогаго и логическаго сѣпленія умшвованій и системъ, либо почности собышій (faits), дознанныхъ наблюденіемъ внѣшнимъ или открываемыхъ сознаніемъ внушреннымъ. Красота возбуждаетъ наше удивленіе; истина, являющаяся намъ въ блескѣ очевидности, властвуетъ надъ нами своимъ могуществомъ.

Чувствованіе долга нищаетъ жизнь нравственную, или жизнь совѣсти. Законъ долга не есть какое либо ошлеченное правило, начерпанное въ неизмѣнчивыхъ и почтенныхъ выраженіяхъ языковъ, нами упоиребляемыхъ. Въ формѣ своей, или въ образъ изясненія, онъ ничего не имѣетъ сходнаго съ нашими человѣческими законами, которыми служимъ источникомъ; ни съ правилами нашего Положительнаго Права, которое заемлетъ отъ него свою законность. Онъ, — лучше сказать, — вовсе не имѣетъ формъ, но обнаруживается, коль скоро настаетъ надобность въ примѣненіи его. Онъ внутренно вѣщаетъ намъ при каждомъ желаніи нашемъ: *ты долженъ дѣлать*, или *ты долженъ не дѣлать*; при каждомъ дѣйствіи воли нашей: *это хорошо*, или *это дурно*. Чтѣ онъ вѣщаетъ намъ при каждомъ изъ нашихъ собственныхъ дѣйствій, произвольныхъ и свободныхъ, то же говоришь онъ и при каждомъ дѣйствіи, производимомъ причиною постороннею, произвольною и свободною подобно намъ. Онъ проявляется въ отношеніи къ другимъ: одобреніемъ или оужденіемъ; въ отношеніи къ намъ: удовольствіемъ или угрызненіемъ. Онъ болѣе нежели признаніе истины, ибо съ нимъ сопряжена обязательность практическая и глубокое убѣжденіе

въ dospойности или недospойности. Видимъ ли мы предъ собою одно настоящее; переносимся ли въ прошедшее, свидѣельствомъ постороннихъ лицъ или собственнымъ воспоминаніемъ; предаемся ли надеждамъ, и опасеніямъ будущности — во всякомъ случаѣ мы слышимъ его голосъ, вѣщающій съ неодолимою достовѣрностію. Сей законъ долга есть законъ естественный. Онъ дѣйствуетъ не одною властію своею: нѣрѣдко убѣждаетъ насъ съ любовію и общаетъ намъ благополучіе, не для того, чтобы склонить насъ къ добру, но чтобы вознаградить за добрые поступки.

Образованіе способностей релігіозныхъ (*) есть верхъ усовершенствованія; не смотря на это, оно доступно и самымъ смиренномудрымъ, отъ которыхъ прѣбуетъ только здраваго смысла и правоты сердечной. Оно научаетъ насъ постигать необходимое и конечное согласеніе благополучія съ добродѣтелію чрезъ воздаяніа Божія, сего верховнаго Законодателя и Судіи верховнаго. Въ образованіи релігіозномъ, очевидность вла-

(*) Способностей чловѣка познавать отношенія его, какъ разумной твари, къ Творцу и Правителю духовнаго и тѣлеснаго міра, служимъ сему Высочайшему Существо, любящъ Его.

сти и действительность любви достигаютъ высшей степени силы; всѣ нравственныя предназначения ожидаютъ тамъ своего полнаго удовлетворенія.

Сія суть пять опдѣловъ нашихъ нравственныхъ способностей, связуемыхъ вмѣстѣ основнымъ единствомъ нашего естества и направляемыхъ личностію, любовію и властію. Вся наша жизнь внутренняя составлена изъ борьбы нашихъ способностей, стремящихся развиться однѣ въ ущербъ другимъ, поглотить или уничтожить другъ друга, воздвигнуть къ преобладанію тѣ, которыя предназначены къ вѣнчественности и подчиненности. Цѣль жизни, ибо она должна имѣть ее — сія цѣль, которую умъ долженъ видѣть, къ которой воля должна стремиться, есть открытіе тайны внутренней гармоніи нашихъ способностей, водвореніе сей гармоніи образованіемъ каждой изъ способностей въ опдѣленности, и направленіе всѣхъ къ назначенію ихъ. На сей конецъ намъ дарована нравственная свобода, и ей въ пособіе — любовь къ добру и самообладаніе.

Во второй книгѣ, въ шрехъ опдѣленіяхъ, изъясняются плоды любви къ добру, плоды самообладанія, и ихъ взаимное согласіе.

Любовь къ добру есть оное влеченіе разсудительное, свободное, великодушное, которое съ полною и чистосердечною преданностію спремится ко всему, безусловно прекрасному, какъ къ мѣтѣ, поставленной для человеческой воли. Она не старается уничтожить личность, но ищетъ просвѣпить ее властію и любовію. Она подкрѣпляетъ наши права, ибо являетъ намъ оныя, какъ слѣдствіе нашихъ обязанности. Она, подобно себялюбію, предписываетъ чловѣку самоохраненіе, но не опдѣляетъ онаго отъ попеченій о его благополучіи, о его достоинствѣ и образованіи. Она вѣрнѣ обезпечиваетъ наше физическое сохраненіе, лучше поддерживаетъ право законной обороны; ибо чувствованіе добра, лучше, нежели самшвенность (эгоизмъ), оберегаетъ насъ отъ насилій и слабостей нашего состоянія или нашего равнодушія. Черезъ нее мы яснѣе постигаемъ истинное благополучіе свое; спремимся къ оному съ меньшимъ неперѣнїемъ и вѣрнѣ, потому, что опытъ просвѣщаетъ насъ въ отношеніи къ послѣдствіямъ добра и зла; мы съ большою выгодною пользуемся правомъ, даннымъ намъ на употребленіе для нашего благополучія всѣхъ вещей, на которыя не простирается еще право другихъ. Черезъ нее мы основываемъ требованія

нашего достоинства на уваженіи къ самимъ себѣ, пользуемся правомъ блюсти свою независимость и свое доброе имя; но не предаемся той гордости, которая вышніе знаки признаетъ за достоинство, а слова за вещи, и поему слѣпому щеславію, которое не видишь и не цѣнишь ни себя, ни другихъ: Черезъ нее, наконецъ, мы спараемся улучшить себя безъ всякаго корыстнаго побужденія, безъ всякихъ расчетовъ выгоды; но потому только, что находимъ удовольствіе въ повиновеніи власти разсудка и совѣсти, и что упражненіе и свободное распорядженіе нашими способностями становится для насъ и правомъ и обязанностію. Любовь къ добру подчиняетъ насъ справедливости, болѣе изъ преданности, чѣмъ изъ благоразумія; она освобождаетъ насъ отъ борьбы, такъ часто возникающей между правами и выгодами; видишь, что первыя должны быть неизмѣнны для всѣхъ людей, а послѣднія уступать другъ другу, сообразно съ потребностями общества; она знаетъ, что выгода частная должна уступать выгоде общей, но что право самаго слабаго изъ людей не можетъ быть нарушено безъ самоволія и насилія. Она не довольствуется однимъ безплоднымъ удивленіемъ справедливости, какъ пре-

красному умозрѣнію, но выполняешь, любишь ее; отъ того и справедливость для нее непремѣнлива, однообразна, всегда одинакова; она преодолеваетъ пылкія желанія мести и научаешь насъ, что нарушеніе долга, со спороны другихъ въ отношеніи къ намъ, не даешь намъ права преслѣдовать своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ; она украшается нѣжною осторожностію (*la délicatesse*), симъ цѣлкомъ справедливости, которая дорожитъ нравственными наслажденіями существъ, насъ окружающихъ; она съ предпочтеніемъ прильпается къ признательности, сей умилительной справедливости сердца. — Любовь къ добру очищаетъ наклонности; она удерживаетъ ихъ для того, чтобы сдѣлать постоянными и продолжительными; снимаетъ съ нихъ оковы личности, которая, кажется, будто любитъ только себя; она подчиняетъ ихъ справедливости, и не допускаетъ, чтобы однимъ наносился вредъ для блага другихъ; частными и гражданскими добродѣтелями оживляетъ она связи семейственныя и преданность къ отечеству; поощряетъ великодушіе и самопожертвованіе для блага всего человеческого рода. Доброта есть плодъ любви къ добру; но она не имѣетъ ничего

общаго со слабостію, которая не умѣешь
ошказывашь и не смѣешь прошиворѣчить:
исполненная силы, рвенія и мужества, она
не дѣйствуешь по внушеніямъ мншупнаго
порыва или причудливости; она наша не-
ошходная спущница во всѣ мгновенія жизни;
убѣгаешь шщеславія, и дѣла предпочиаешь
словамъ; въ составъ ея входящъ: терпи-
мость, которая допускаешь разнообразіе
мнѣній (*), благоволеніе, — безъ слабости
въ ошношеніи къ правиламъ, безъ строга-
ости въ ошношеніи къ лицамъ, — которое
прощаешь обиды, или, — еще болѣе, — за-
бываешь ихъ; наконецъ снисходительность,
которая, не облакаясь въ личину расчеш-
ливаго добродушія, ошочно нисходишь въ
уровень съ шѣми, съ кѣмъ обращается;
обрекаешь себя даже на докучливость и
скуку: на пожертвованія безгласныя, но до-
шохвальныя, которыя тогда шолько совер-
шенны, когда остаюшся неизвѣшными шѣмъ,
для кого дѣлаюшся. Любовь къ добру ошвер-
гаешь ложную чувствительность, подъ ко-
порою всегда укрываешься самолюбивое же-

(*) Но *терпимость* мнѣній не заключаешь въ
себѣ шребованія *неразборчивости* оныхъ: всяко-
му извѣшно, что сіи слова имѣюшь различ-
ныя значенія.

ланіе выказашь себя, которая, вмѣсто на-
стоящихъ дѣлъ, предается мечтамъ рома-
ническимъ; которая шренещетъ при видѣ
крови, но не жертвуешь собою для воспре-
ншшствованія кровопролитію; которая съ
еуевтріемъ хранитъ память друзей разлу-
ченныхъ, и небрежешь о присутствующихъ;
которая стараешся бышь у всѣхъ на виду,
и должна бышь воспламенена для шого, чтобы
дѣйствовашь; которая, если и дѣйствуешь,
шо единшвенно пошому, что побуждается
чувствованіемъ прекраснаго, а если жер-
туешь собою, шо единшвенно для шого,
чѣмъ прельцаешь и что ей нравилась. Лю-
бовь къ добру знаетъ и видитъ, чего жаелаешь;
она ошкровенна съ другими, пошому, что
ошкровенна съ собою; она не увлекается
штысячею прошивоположныхъ впечатлѣній,
какъ шѣ люди, которые, принимая сред-
ства за цѣль, думающъ, что они спремляш-
ся къ вѣрной мѣшѣ, что они положиштельно
знаюшь, чего жаелаюшь, когда ищущъ могу-
щества, богатства, извѣшности. Но всѣ
усилія ихъ шщепны: никогда не будушь они
довольны пріобрѣшненными имъ могуществомъ
извѣшностію, богатствами; никогда не со-
тааешся они сами съ собою, въ разсужденіи
своей цѣли и своихъ желаній. — Правота
намѣреній доставляетъ успѣхъ, хотя и

медленный, но за то болѣ несомнѣнный и прочный, нежели всѣ расчеты хитрости. Впрочемъ, если насъ и постигають бѣдствія, то миръ внутренній и созерцаніе нравственной красоты врачуютъ горести вѣрнѣйшимъ средствомъ къ ушѣшенію.

Самая чистосердечная любовь къ добру можешь заблуждаться, если остаешься несовершенною, если презаешь другихъ чрезмѣрною суровостію, или себя безразсудными мелочами; если, предпочитая одну добродѣтель, пренебрегаешь или жертвуешь другими; если, исключительно занимаясь цѣлю, къ которой стремишься, допускаешь вкрадываться правилу неблагоразумному, нечестивому, ужасному: будно цѣль дѣлаешь законными средствами (*); если, впадая въ противоположное заблужденіе, которому подвержены умы медленные и ограниченные, она заставляешь средства принимать за цѣль; если прилипаясь къ знакамъ и выпускаешь изъ виду означаемое, созидая такимъ образомъ нравственность искусственную и произвольную; и истощая себя въ пустыхъ, наружныхъ дѣлахъ; если изъ нѣсколькихъ особенныхъ замѣчаній извлекаешь правила, которыя считаешь общими, которыя сама

(*) Всѣ, безъ всякаго разбора.

расширять и пѣмъ вдаешь въ обманъ; если, въ пылу рвенія своего, она забываешься, предаешься гнѣву, распрямъ, предубѣжденіямъ, несправедливостямъ.

Самообладаніе служишь орудіемъ любви къ добру: ему принадлежатъ средства къ выполненію. Оно не состоишь въ умнѣхъ управляешь своею внѣшностію, и скрываешь видимыя выраженія страстей; это есть только наружностъ дѣйствительнаго самообладанія, иногда истинная, нерѣдко обманчивая. Настоящая власть надъ собою господствуетъ надъ волею, шворишь ее независимо отъ порочныхъ наклонностей и внѣшнихъ препятствій, но покорною разуму и совѣсти. Человѣкъ можешь обратнo дѣйствовать на просныя ощущенія и на ихъ изображенія вниманіемъ, которое усредляется на нихъ, или отъ нихъ отклоняешь, безмолвіемъ, къ которому ихъ принуждаешь, или сопротивленіемъ, которое имъ оказываешь. Равнымъ образомъ можешь отъ склонности своими направляешь предумышленностію и искуснымъ расположеніемъ случаевъ, способныхъ пипать или погашать оныя, — и внутреннимъ одобреніемъ, охотно предаваясь стремленію своихъ естественныхъ побужденій, или противоборствомъ впечатлѣніямъ, на него производимымъ, когда

онъ ощущаетъ ихъ только противъ воли, и спарается имъ прошивиться; наконецъ, онъ можетъ бороться съ ними, укрощать и побждать ихъ: ибо склонности не имѣютъ обязательной силы для воли; онъ суть только убъжденія, которыя она можетъ отвергнуть, будучи подкрѣплена долгомъ и подерживаема долговременнымъ навкомъ подчиняется одной нравственной власти (*). Человѣкъ ошвсюду ограниченъ, но всегда стремится прешупить сіи границы, иногда для собственной пользы, иногда же ко вреду своему. Изъ сихъ границъ нѣкоторыя суть препоны добру: таковы предѣлы, полагаемые ему невѣдніемъ, лѣнностію, дурными склонностями — ихъ надлежитъ перешупать. Другія служатъ къ охраненію его конечнаго и стѣсненнаго естества; онъ суть законы общіе, постановленные въ гла-

(*) Г. Дежерандо, въ сочиненіи своемъ, вездѣ подъ именемъ власти (autorité) разумѣетъ: силу повелѣній, которая говоритъ совѣсти голосомъ долга, и силу убъжденія, которая покоряетъ умъ очевидностію истины. Нельзя понимать его книги, не имѣя въ виду сего опредѣленія. Желательнаго, чшобъ онъ избралъ иное слово, подверженное меньшему двусмыслію и неимѣющее столь много различныхъ знаменованій въ обыкновенномъ языкѣ. *Сог.*

ву порядка вселенной: таковы законы частныя, которые оберегаютъ цѣлосію и устройство общества человѣческихъ: — ихъ надлежитъ уважать, имъ должно покоряться безъ ропоша и охотно. Требованія личности, своеволіе спрасшей, ихъ слѣпая сила, которая есть не иное что, какъ слабость, спарается разрушить преграды охранительныя, но смиряются и изнемогаютъ предъ препятствіями къ добру. Напротивъ того разсудительная умѣренность знаетъ, что служитъ только для ея обузданія, и что ея стѣсняетъ; она просвѣщаетъ мужество, показываетъ ему, что оно остается несовершеннымъ, если управляется однимъ благоразуміемъ; а не внутреннимъ чувствованіемъ долга; она направляетъ склонности, укрощаетъ душевныя волненія, не предполагая себя для невозможнаго — совершеннаго ихъ истребленія: ибо ихъ существованіе есть законъ природы. Истинная сила душевная, сіе упражненіе нравственной свободы, не находится ни въ воображеніи, ни въ органахъ: престоль ея въ совѣсти; она не отрицаетъ спраданія: она ощущаетъ его и пріемлетъ; она не раздражается опасностями: она видитъ ихъ, измѣряетъ всю величину ихъ, и спокойно идетъ имъ навспрѣчу; какъ сила дѣйствительная, она предпринимаешь и со-

храняешь прудныя намѣренія; какъ сила спрадательная, она съ мужествомъ и терпѣливостію прошившися физическимъ бдѣствіямъ и всѣмъ нравственнымъ опасеніямъ, причиняемымъ выгодами, спрасшиями, мнѣніемъ, благосклонностію. Ей наиболее удивляюшся, когда героизмъ ея является на обширномъ позорищѣ; она наиболее достойна удивленія въ минувшы оной сокровенной и безкорыстной борьбы, которой никто не бываетъ свидѣтелемъ. Она почерпаетъ всю силу свою въ повиновеніи власти разсудка, который производитъ убѣжденіе, въ очевидности истинны, и власши совѣсти, которая обнаруживается закономъ долга. Сіе повиновеніе, будучи основано на уваженіи, довѣренности и любви, есть независимость; оно одно никогда не устукаетъ физическому насилию, своевластію эгоизма, обманчивымъ софизмамъ страстей; между тѣмъ какъ ложная независимость, которая не хочетъ видѣть истинны, не хочетъ повиноваться долгу, есть не иное что, какъ рабство, слабость; при малѣйшемъ препяшствіи, готово ножерпывать справедливостію матеріальной силы, и цѣною своего внутренняго уничтоженія покупаетъ нѣсколько преходящихъ наслажденій для личности, ее поработившей. Самообладаніе даетъ спасительное направленіе

дѣятельности человѣка, какъ во вѣннемъ употребленіи его органовъ, такъ и во внутреннихъ движеніяхъ воли и дѣйствіяхъ ума. Оно научаетъ человѣка наблюдать надъ самимъ собою, укрощаетъ самого себя; оберегаетъ его отъ собственнаго его непостоянства; защищаетъ отъ дурнаго расположенія духа (еще мало изслѣдованнаго моралистами); отъ причудъ, отъ унынія. Поощряя его въ выборѣ постояннаго цѣля, оно препяшствуетъ, чтобы его дѣятельность не обратилась во вредъ ему самому; внушаетъ ему духъ соображенія (*esprit de suite*), который долженъ беречь, собирать, скрѣплять силы его, соединяя ихъ около одной главной идеи; и духъ порядка (*esprit de l'ordre*), который научаетъ искусному распредѣленію подробностей и направленіи ихъ къ содѣйствію благоу цѣлаго; который побуждаетъ не пропускать безъ пользы ни одного мгновенія, ни одного усилія, ни одной части матеріи; который богатство шворитъ выгоднымъ; множеству даруетъ простоту; дѣйствію общаетъ легкость и вѣрность.

Почитаетъ самообладаніе, подобно Стоикамъ, цѣлю нашихъ усилій, значить употребляетъ оное во зло: ибо оно служитъ намъ только средствомъ, средствомъ сильнымъ, дѣйствительнымъ, — но легко превращаю-

щимся въ бесплодное упражненіе, если онъ только покоряешь человека своему владычеству, не исполняя въ отношеній къ нему обязанности всякой власти вообще, обязанности покровительствовать, и не направляя его къ добрымъ дѣламъ благосклонностию и кротостию.

Любовь къ добру и самообладаніе должны находиться въ взаимной гармоніи; она образуешь характеры полные, которые, даже при посредственныхъ способностяхъ, болѣе приближаются къ совершенству, нежели характеры не полные, имѣющіе нѣкоторыя блестящія качества. Возвышенность души заимаетъ отъ любви къ добру великодушіе, отъ самообладанія — силу. Совершенно полагаясь на добродѣтель, она преданна какъ доврчивость; не удовлетворяется чувствованіемъ частнымъ, слишкомъ одностороннимъ, и питается уваженіемъ, удивленіемъ, воспоргомъ, производишь величайшія дѣла какъ обыкновенныя; забываетъ себя не изъ равнодушія, но изъ дѣйствительнаго самопожертвованія, которое дѣлаетъ охотно для достойнаго предмета; она оптимаетъ себя любіе поному только, что любовь благороднѣйшая, чистѣйшая, заступила и поглотила оное. Достоинство характера состоить въ поддержаніи чувство-

ваніями и поступками той степени, на которую мы поставлены Провиднѣемъ, и нашихъ правъ какъ человека и гражданина. Будучи гордо безъ высокомерія, смиренно безъ низости, охотно покровительствуя, помогая другимъ, оно украшаетъ добродѣтель, какъ скромность возвышаетъ красоту, какъ умѣренность согласуется съ справедливостию, какъ простота умножаетъ величіе. Оно видить болѣе, чего недостаетъ ему, чувствуетъ, что оно сдѣлало; шлоритъ добро не въ надеждѣ похвалы и удивленія, но чтобы выполнить свое назначеніе, и, довольствуясь внутреннимъ сознаніемъ чистоты намѣреній, оно опспраняетъ несправедливость и клевету, не дозволяя имъ приближаться къ себѣ; шоржестивуетъ среди искушеній; чувствуетъ свое превосходство надъ матеріальною силою, которая гнететъ ее, и презирая низкія выгоды, признаетъ истину и свободу своими неразлучными спутницами. Тишина внутренняя есть нѣчто болѣе, нежели душевное спокойствіе, ибо зависишь отъ самообладанія, отъ опспущенія безпокойства и смятенія; она оживляется любовью къ добру; изливаетъ наружу свою внутреннюю свѣтлость, и есть залогъ постоянства и продолжительности чувствованій; она не есть безмолвіе, но гармонія; не бездѣй-

ствіе, но равновѣсіе, не сонъ но благосостояніе; не ничтожество, но здравіе души. Она есть пишина, исполненная жизни, укрощающая всѣ печали, возвышающая цѣну всѣхъ наслажденій и оживляющая всѣ силы. При помощи гармоніи между любовью къ добру и самообладаніемъ, нравственное усовершенствованіе сильно содѣйствуетъ усовершенствованію умственному: умъ наблюдательный, собирающій событія (faits), обрѣтаетъ внимательность болѣе свободною, размышленіе болѣе независимымъ, уединеніе, углубленіе въ самого себя пріятнѣе, вѣрнѣе; — разсудокъ, приводящій въ порядокъ событія, опирается на здравый смыслъ, а смыслъ предохраняется добродѣтелию отъ предубѣжденій и софизмовъ страстей, отъ заблужденій добровольнаго невѣжества, отъ щеславія, примѣшивающагося къ прекраснымъ побужденіямъ любознанія, отъ высокомерія, которое, при изысканіи истины, упорствуетъ и ослѣпляетъ себя самовольно, думая, что она найдена, вмѣсто того, чтобъ продолжать изысканія и изслѣдованія. Способность творческая, безъ сомнѣнія, можетъ весьма часто существовать независимо отъ нравственной доброты характера; но разобравъ качества оной, увидимъ, сколь великую пользу получаетъ она,

когда внутренняя свобода ума подкрѣпляется независимостію воли, когда чувствованіе порядка поддерживается гармоніею любви къ добру; когда на умственныхъ соображеніяхъ напечатлѣваются здравіе и сила душевныя; когда любовь къ добру и прекрасному воспламеняется примѣромъ совершенствъ безконечныхъ; поддерживается склонностію къ важнымъ размышленіямъ; увеличивается надеждою на общенародную полезность, укрѣпляется навыкомъ судить о самомъ себѣ. Развитіе нравственныхъ способностей приводитъ къ Религіи (*). Это есть почка, на которой, если мы ее достигнемъ, станемъ мы понятию предусмотрительная заботливость Провидѣнія; тамъ находимъ мы свидѣтельства о Божествѣ и доказательства бытія Его; тамъ уничтожающа сомнѣнія въ безсмертіи души, и необходимость вѣчности доказывающа необходимостію вознагражденій

(*) То есть, къ благочестію, или къ познанію отношеній и исполненію обязанностей чедовѣка къ Творцу и Правителю міра. Своиственные разумной твари, чувство зависимости ея отъ Высочайшаго Существа и живое стремленіе ея къ Нему составляютъ общій характеръ Религіи.

и наказаній. Религія есть потребность для добродѣтельнаго челоѣка; онъ призываетъ ее, готовится понимать ее и созидаетъ для нее храмъ въ своемъ сердцѣ. Въ его глазахъ она не есть орудіе, но цѣль; не раздѣленіе, которое удаляетъ его отъ людей, но союзъ, связующій его шъсье съ его собратіями. Скептицизмъ, недугъ умовъ несовершенныхъ, равнодушіе, порожаемое легкомысліемъ и приверженностію къ предметамъ грубымъ, чувственнымъ, уныніе духа, незнающее неисчерпаемыхъ сокровищъ Божественной благодати: вотъ причины безвѣрія! Безнравственность, развратъ, невѣжество: вотъ враги Религіи! Идеи благочестивыя, растушь и развивающія вмѣстѣ съ умомъ, образованностію и познаніями. Чувствованія благочестивыя питающіяся и укрѣпляющія добрыми дѣлами (*).

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

(*) Изъ сего изясненія можно заключить, что Христіанская Вѣра должна быть единая истинная, и что она по всѣмъ отношеніямъ превосходитъ всѣхъ другихъ вѣръ въ свѣтъ: сіи послѣднія или вовсе несообразны, или мало отвѣчаютъ высокому назначенію Религіи; многія изъ нихъ не удовлетворяють даже пребываніямъ сердца и разума проснаго, ещественнаго челоѣка.

III.

АНТИКРИТИКА.

Господину *β*, въ отвѣтъ на два его ко мнѣ посланія, помѣщенные въ N№ 12 и 16 Сына Отечества.

Вы непременно хотѣли, чтобы я вамъ отвѣчалъ, и самъ я вижу, что отъ васъ не ошмолчишься. Такъ и бытъ! хоть не радъ, да готовъ побесѣдовать съ вами въ первый и въ послѣдній разъ! На это есть у меня двѣ причины: во-первыхъ, чтобы не подать вамъ повода повспорить спарую поговорку: *кто молчитъ, тотъ соглашается*, а я во многомъ съ вами не согласенъ. Во-вторыхъ, чтобы вы, или добрые ваши пріятели, Греческія буквы отъ *Алфы* до *Омеги*, не причили мнѣ молчанія въ гордость, *настойчивость*, и — чего добраго! — даже въ *неучтивость*. Я написалъ въ разборъ Полярной Звѣзды самое крашкое замѣчаніе о переводѣ Г. Раича, а вы напустили на меня пятнадцатъ страницъ въ С. О., наполненныхъ ошибками кашательно предмета, о которомъ вы взяли писать, и намѣками на мой счетъ, хотя вы не знали меня ни прямо, ни, какъ я вижу, по догадкамъ. Я не отвѣчалъ вамъ;

но изложилъ, сколько можно увѣреннѣе, судь мой о вашей антикриптикѣ и мнѣніе о предметѣ ея, даже извинялъ васъ за нарушеніе свѣтскихъ приличій, въ отношеніи къ чловѣку незнакомому, и все это на чешырехъ спраничкахъ, въ копорыхъ относился не къ вамъ, а вообще къ читателямъ С. О. И вопшь снова являешся пропивъ меня на семи спраницахъ грозная Филиппика, распещренная привычными вашими выраженіями. Здѣсь вы себя высказываете какимъ то аплепомъ въ сравненіи со мною, говоря, что *Логика ваша мнѣ не по силамъ*: ou donc la force, va-t-elle se nicher.... Я не смѣю принять на себя званія *Корифея читающей публики*, въ которое вы меня шакъ щедро жалуете. Намѣки ваши на недогадливосшь и безнапшливосшь мою, принимаю по *относительной* ихъ цѣнѣ; и надѣюсь, многіе со мною согласятся, что шрудно понашъ непонашное.

Какъ, напримѣръ, выразишь вашу шеорію *Изящныхъ Искусствъ*? Сказавъ, что *Художникъ шворитъ безусловно свою идею красоты*, вы, кажется, хопише увѣрише другихъ, что идея Художника существовала прежде формъ, въ природѣ находящихся. Я признаюшъ, что это для меня и въ самомъ дѣлѣ непонашно. Я думалъ, по-

вѣряя собственными своими чувствами и понашіями читанное и слышанное мною, что воображеніе чловѣка имѣетъ свои границы, что если оно иногда и шворитъ чудовища, несуществующія въ природѣ, то составляетъ ихъ изъ частей, или, если хопише, *формъ частныхъ*, дѣйствительныхъ въ природѣ находящихся. Такимъ образомъ создало оно Химеру, Сѣинкса, Кеншавра, Минопшавра, Ипогрифа и ш. п. Составныя части сихъ мечпательныхъ существъ супшь же руки, ноги чловѣчьи, или пшичьи головы, крылья, змѣйные хвосты и проч. и проч., слѣдовательно формы, подлежащія напшимъ чувствамъ. Иначе воображеніе ничего не можетъ совворитъ, ничего изобрѣсть небывалого: область природы стошь обширна и разнообразна, что въ ней есть все, что самое запшйливое воображеніе чловѣка могло бы придумашъ. Запшьте, М. Г., что всѣ сіи мечты воображенія не супшь *совершенства*, а *чудовища*, ш. е. созданія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка вещей, и сложенные изъ формъ разныхъ, часто между собою несомѣспныхъ. Но довольно о *чудовищахъ*! Побешѣдуемъ шеперь о *красотѣ*.

„Идея красоты, или *изящное*, полько „идеально нами понимаемое.“ говорите вы, „составляя гдавное условіе Искусства, осу-

„существовавшая Художникомъ въ его произведе-
 „деніи, кошорое и носить названіе изящнаго,
 „только потому, что проникнуто сею иде-
 „ею; но будучи лишено сего преимущества,
 „оно спланившись ничтожнымъ: ибо Худож-
 „никъ, шворящій безусловно, единственно по
 „непреодолимому для него побужденію, еще
 „прежде исполненія можешь въ душѣ хра-
 „нить свое швореніе во всей подношѣ его,
 „а пошому и наслаждается имъ безъ суще-
 „ственного воззрѣнія.“ Изъ всѣхъ сихъ словъ
 можно подько понять, что Художникъ лю-
 буется своимъ произведеніемъ, еще не начи-
 ная его выполнятъ въ формахъ веществен-
 ныхъ. Кшо жъ противъ этого спорить? Но
 дѣло не о томъ; вопросъ, подлежащій ва-
 шему разрѣшенію, былъ, кажется, ошъ какой:
 Существовали ль въ природѣ формы, по ко-
 торымъ воображеніе Художника создало свой
 идеаль? Существовали ль образцы красоты
 женской и мужеской, въ цѣломъ, или ошдѣльно
 въ тысячѣ разныхъ шѣлъ и лицъ, прежде не-
 жели творческій умъ совокупилъ ихъ въ од-
 но, даалъ имъ еще высшія совершенства (NB.
 не выходя изъ предѣловъ, предписываемыхъ
 природою) — и явилъ намъ Венеру Медичій-
 скую, Антинаю и Аполлона-Бельведерскаго?
 — Я говорю, что формы сіи существовали,
 что по нимъ соспавился идеаль Художника,

который и въ воображеніи своемъ, и въ вы-
 полненіи вещественномъ, еще болѣе ихъ
 сгладилъ и усовершенствоваль, и такимъ
 образомъ создалъ образцовыя свои произведе-
 нія. Иначе и бытъ не могло: сотворить что
 либо внѣ природы, или, по крайней мѣрѣ, не-
 сходное съ какимъ-либо изъ предметовъ
 чувственныхъ, есть физически-невозможное
 для челоука, даже съ самымъ пылкимъ во-
 ображеніемъ, съ самымъ изобрѣшательнымъ
 умомъ (*). Это доказываетъ тѣмъ, что
 челоукъ, желая постигнуть воображеніемъ
 даже мѣръ невидимый, духовный, часшо его
 себѣ представляешь, въ формахъ ошупишель-
 ныхъ (**): онъ можешь ихъ увеличить, или

(*) Идея красоты раждаешя въ челоука по
 сравненію: всѣ народы ее имѣють; но у наро-
 довъ другихъ формъ шѣла и цвѣша кожи, она
 ошлична ошъ нашей; слѣдовательно понятіе
 сіе есть отношительное. Довольно напомнишь
 вамъ, Г. В., что Негры воображали себѣ злаго
 духа *Бвльмъ*, ш. е. Европейцемъ. Да и кого прель-
 стяить распуснушый носъ, скуловатыя щеки,
 полостыя губы и лоснящаяся чернота краса-
 вицы Гоншпеншонской? С.

(**) Вамъ угодно было покритиковать меня за
формы видимыя, и намъ, гдѣ я говорилъ о Ваяшелѣ,
 Живописцѣ и Зодчемъ, а изъ шого выводите вы за-
 ключеніе, что по моей теоріи музыкантъ есть су-
 щество химерное, и вовсе неимѣющее права назы-

уменьшить въ своемъ воображеніи, придавъ имъ необыкновенное совершенство, соразмѣрность, стройность, шпнокость, легкость,

вашся Художникомъ. Спрошу васъ, чего больше въ эпомъ вашемъ заключеніи, привязчивости, или опромешчивости? Взгляните на 100 стр. XIII книжки С. О., и памъ вы найдете, что, сказавъ о *видимыхъ формахъ* въ отношеніи къ *Ваятелю, Живописцу* и *Зодчему*, я сдѣлалъ общее „заключеніе: что идея есть послѣдствіе формъ „видимыхъ и *ощутительныхъ*, и новосъ и прелестъ ея зависить отъ особаго сочепанія „шѣхъ же самыхъ формъ.“ Неужели, по вашему, семь чистыхъ нотъ, или первообразныхъ звуковъ въ Музыкѣ, съ ихъ полу-тонами и измѣненіями, не суть формы ошупительныя? И развѣ формы не могутъ также существовать для слуха, какъ и для зрѣнія? Или по вашему, формами должно называть только тѣ, въ которыхъ лѣпщики ошлѣпливаютъ, а лишейчики ошлывающъ свои произведенія? — А вы сами пакъ гнѣвались на меня за *вещественность*, Г. џ!... Ксашаи объ эпомъ: я сказалъ, что, судя по вашему, форма есть *вещь второстепенная*, и, кажется, имѣлъ на это основательныя причины. Говоря о *поняціяхъ ошлеченныхъ*, мы часло, чтобы облизить ихъ съ собою и чрезъ то сдѣлать болѣе, пакъ сказать, *ослзательными* для разумнія, ошлествляемъ или олицетворяемъ ихъ; и пошому даемъ названіе вещи, вида и проч. такимъ поняціямъ, кои сами по себѣ не суть вещи и не имѣющъ вида. С.

блескъ и прозрачность, но все основываясь на свойствахъ, дѣйствительно въ природѣ существующихъ. Какъ же послѣ этого согласиться съ вами, что *Художникъ творитъ свою идею красоты безусловно?*

И пакъ, Милоспивый Государь, судя по вашему, *Художникъ творитъ безъ формъ*: что жъ онъ шворишъ, если смѣю васъ спросить? Какъ же составляется, и въ чемъ проявляется его идеаль, если форма въ *Изящныхъ Искусствахъ* есть не что иное, какъ *обликъ, въ которомъ Художникъ представляетъ свою идею, сотворившуюся по способу его возрбнія на предметы* (*)? Слѣдовательно, онъ можетъ представить себѣ что-то не подлежащее формамъ чувственнымъ? Признаюсь, мнѣ кажется, что

(*) *Формы*, М. Г., не суть только извѣсныя предѣлы и очершаніе предметовъ міра физическаго: формами называются пакже извѣсныя законы въ мірѣ умшвенномъ. Всѣ наши способности, всѣ дѣйствія нашего ума и воображенія, подчинены симъ формамъ, пакъ какъ и дѣйствія нашей *вещественности*. Законы сихъ формъ, въ обоихъ отношеніяхъ, суть законы природы. Разность ихъ, относительно къ времени, пространству и движенію, опредѣляется ограниченностію нашихъ способностей *физическихъ* и обширностію способностей *умшвенныхъ*. С.

въ семь умсвенномъ его созданіи былъ бы хаосъ. Но примѣръ яснѣ доказательствъ: укажите мнѣ хоть одного Художника, который такимъ образомъ совершилъ что либо. Вы — то хопшите увѣришь, что Художникъ представляешь свою идею независимо ошь предмешовъ внѣшнихъ, то снова обращаешесь къ тѣмъ же предметамъ, и говорите, что *между совершенствомъ естественнымъ и совершенствомъ искусственнымъ есть разница*. Важное открытіе, Г. β! но сію *разницу*, которой вы боялись, чтобы не завлекла васъ за предѣлы — я спарался объяснить вамъ въ этомъ письмѣ, говоря, какимъ образомъ Художникъ въ идеаль и произведеніи своемъ совершенствуешь формы ошущительныя. Замѣчательнъ слѣдующій вашъ вопросъ: „На чемъ основывать будешь „Художникъ пребуемое мною ошь него усо- „вершенствованіе, не получивъ ошь приро- „ды никакого къ шому средства, и почему „будешь ему извѣстно, что избранные имъ „предмешы несовершенны, и что онъ въ со- „стояніи сдѣлать ихъ лучшими?“. Что на это ошвѣчать? — То, что Художникъ безъ ума, вкуса и дарованій будешь дурнымъ Художникомъ, какихъ ешь много.

Нельзя также оставить вовсе безъ замѣчанія вашей приписки. Вы говорите, что

я, можетъ быть, напишу еще что нибудь; но вы ошвѣчашь мнѣ будеше только тогда, когда написанное мною *найдете (!) дѣйствительно дѣльными*. Оговорка очень мила! Съ эпокою оговоркой можете вы никогда и ничего не найти *дѣйствительно дѣльными*, пошому, что судьбою въ семь дѣлъ вы спавите самого себя, и предоспавляете себѣ исключительное право судить по волю. Для чего жъ бы не сказать прямо вашей мысли? Въ семь случаѣ, я ошкровеннѣ васъ, какъ увидите послѣ.

Долгъ плашежемъ красенъ. За совѣтъ вашъ, и я взаимно вамъ посовьшую: говорите, М. Г., ясно о такихъ предмешахъ, которые, будучи возвышенны въ простотѣ своей, ничего не выигрываюшь ошь узорчатыхъ фразъ. Безконечные періоды доказываюшь только то, что Сочинитель ихъ спарался наборомъ словъ и длиною предложеній обременить умъ читателей. Но эта литературная спрашагема не всегда удаешся. Лашинское изрѣченіе: Non omnis Græculus Nomenus, оставляю при васъ. Я господинъ своего слова, и однажды мною даннаго не беру обратно: за симъ, писавый, кланяюсь....

C....

P. S. Ошвѣща вашего не жду. Будешь съ насъ и шого, что насъ, волею и неволею,

по два раза прочли въ Сынѣ Отчества. Для васъ, можешь быть, этого мало; но я боюсь, чшобъ для чинашелей не было слишкомъ много.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Опыты СЪВЕРНЫХЪ АМЕРИКАНЦЕВЪ ПЕРЕСЕЛИТЬ ЧЕРНЫХЪ СООТЧИЧЕЙ СВОИХЪ ОБРАТНОВЪ АФРИКУ.

Предразсудокъ, ставящій черное Африканское поколѣніе, которое шакъ долго осуждено было на шагостное рабство, гораздо ниже блага, споль повсемѣстно царствуетъ въ Америкѣ, что и просвѣщенные Соединенные Штаты не могли освободиться отъ онаго. Черный цвѣтъ шѣла въ глазахъ Американцевъ служить признакомъ душевныхъ недостатковъ, и почти поводомъ къ презрѣнію. Негръ опнущенный, выходитъ изъ рабства, но не вспунаетъ въ число гражданъ, даже въ единственной Республикѣ на землѣ, гдѣ гражданское равенство доведено до высшей спенени. Цвѣтъ его и воспоминаніе прежняго рабства неизгладимы, и хо-

шя бы онъ пользовался правами, которые дарованы ему законами, съ богатствомъ, талантами и добродѣтелями, онъ останешся одинокимъ, и если захочешъ войши въ связи съ бѣлыми, шо варварскій предразсудокъ его къ шому не допуститъ. Друзья человечества согласны между собою, что это предразсудокъ и даже несправедливостъ, но они не въ силахъ переменить общественнаго мнѣнія о семъ предметѣ. Впрочемъ намъ неизвѣстно, приложено ли должное стараніе, чшобы поселитъ въ народъ пояншіе справедливейшее. По крайней мѣрѣ сію цѣль имѣли въ виду нѣкоторые изъ любимыхъ новѣйшихъ Писателей Американскихъ, какъ напр. Кунеръ.

Изъ сего можно заключить, что Негры въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ составляютъ особенный народъ, который, вѣроятно, никогда не смѣшаешся съ кореными жителями. Не смотря на шо, успѣхи въ просвѣщеніи и непомѣрное размноженіе онаго поспешенно его усиливають. Правительство начинаешъ уже о семъ беспокоиться. Вошь, что говоритъ Г. Гарнеръ: „Нѣтъ сомнѣнія, что существенная причина къ опасенію заключается въ шомъ, что жители Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ нѣдрахъ отчества своего питають общ-

дѣльный народъ, который никогда не можешь смѣшаться съ ними, между тѣмъ, какъ быстро возрастаетъ числомъ и просвѣщеніемъ, народъ, который научается отъ нихъ искусствамъ военнымъ и мирнымъ, и, не смотря на то, слѣдуя чувствамъ и выгодамъ своимъ, никогда не престанетъ быть врагомъ ихъ, не можешь съ ними соединиться, и участвовавъ въ выгодахъ, коими пользуются Американцы.“

Сей предметъ заслужилъ вниманіе Правительсва Соединенныхъ Штатовъ. По зрѣломъ размышленіи, лучшимъ средствомъ къ отвращенію угрожающей опасности наши, опыскавъ мѣсто для поселенія вольноопущенныхъ. Весь проѣкъ состоить въ томъ, чтобы мало по малу содѣйствовать къ опущенію на воду всѣхъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и пошомъ перевезти ихъ въ сію колонію, дабы никакое живое воспоминаніе ихъ тягостнаго рабства не угрожаало общественной безопасности. Для приведенія въ дѣйство сего проѣкта, потребны долговременныя и большія усилія. Необходимо было начать со важнѣйшаго и нужнѣйшаго, описканіемъ мѣсна, удобнаго для поселенія. Для сей цѣли избрали Африку, о которой, прежде всѣхъ другихъ странъ, упоминають при мысли о переселеніи. За 30

лѣтъ предъ симъ Джефферсонъ, тогдашній Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, находился по сему предмету въ перепискѣ съ Монро, бывшимъ Губернаторомъ Виргиніи. Въ то время Джефферсонъ вздумалъ переселити свободныхъ Негровъ въ Англійскую колонію Негровъ въ Сьерръ-Леонъ. — Сей опытъ былъ столь же неудаченъ, какъ и въ послѣдствіи другой, учиненный въ содѣйствіи съ Португальскимъ Правительствомъ. Между тѣмъ однако же Законодательная власть въ Виргиніи, ожидавшая отъ этого наибольшей пользы, по причинѣ великаго множества Негровъ, находящихся въ сей области, не хотѣла отказаться отъ сего полиническаго предпріятія, и въ 1816 году, уполномочила Исполнительную власть, вступить въ переговоры съ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, о переселеніи освобожденныхъ Негровъ. Таковыя же рѣшенія послѣдовали въ Законодательныхъ Палатахъ Мериланда, Тенесси и Георгіи; однако же кажешся, что общій Сеймъ нимало еще симъ не занимался. Мало по малу учредилось тамъ, спараніями Доктора Богословія Финлея, частное сословіе, подъ названіемъ Общества переселеній. Сіе Общество, въ 1817 году, послало двухъ агентовъ въ древнюю часть Свѣша для описканія мѣста, годнаго для колоній. Они чрезъ

Ангаю прибыли въ Сиерру-Леону, гдѣ два Негра, принимавшіе участіе въ ихъ предпріятіи, предложили имъ свои услуги для посредничества и переводовъ, въ сношеніяхъ ихъ съ шамошними Королями. Въѣхавъ оправились они въ страну Шербро, и вступили въ переговоры съ двумя владѣльцами, копорыхъ они нашли въ Бонду. Первый назывался Сомано, и былъ Королемъ въ семь городъ, другой, именемъ Сафо, владѣлъ спраною нѣсколько отдаленнѣйшею. Первый ходилъ въ Европейскомъ плащѣ съ серебряными галунами, въ шреугольной шляпѣ и Королевскомъ плащѣ, но босикомъ; другой былъ одѣтъ съ головы до ногъ. Совѣщаніе было открыто; въ ономъ присутствовали два Короля. Оба владѣльца ссылались на главнаго владыку своего, Короля Шербройскаго, и въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, выговаривали себѣ по просби съ серебрянымъ набалдашникомъ, и по лошадиному хвосту на драгоценномъ шестѣ, ибо шаковый бунчукъ и у Африканскихъ властителей служилъ главнѣйшимъ знакомъ оплачія.

Опшуда агеншты повѣхали въ Іонию, столицу Короля Шербройскаго. Онъ далъ имъ торжественную аудіенцію въ многочисленномъ палаверѣ или народномъ собраніи. Они объявили ему желаніе, купишь землю для пе-

реселенія людей Африканскаго происхожденія. Имъ опвѣществовали, что для шого должно созвашъ всѣхъ начальниковъ, и съ ними начашъ переговоры. Агеншты нашли плодоносную спрану при успѣхъ рѣки Багру, и нѣкопорые начальники объявили готовность продавашъ свои земли. Американское Общество для учрежденія колоній, которое между шѣмъ собрало значительные капиталы, преимущественно при помощи сошваричесствъ, сосшавившихся въ различныхъ частяхъ Соединенныхъ Шщатовъ, снарядило корабль, и посадивъ на оный нѣсколько свободныхъ Негровъ, опправило ихъ въ Африку. Однако же сей пошпунокъ былъ слишкомъ пошпшенъ, ибо низменное положеніе спраны близъ Шербро причинило лихорадки, опъ копорыхъ, въ печеніе короткаго времени, умерли 3 агеншты и 20 поселенцевъ. Безпоридокъ распросшранился между остальными. Одинъ изъ нихъ, похитивъ у колоніи нѣсколько съешныхъ припасовъ, бѣжалъ; не лучше были и прочіе его шоварицы, собранные въ пошпшенности. Наконецъ рѣшились перевести ихъ въ Сиерру-Леону, и шамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій Американскаго Общества. Оно опправило другой корабль съ агенштами и 28 колонисштами. Корабль опплылъ въ началѣ 1821 года, но въ

сей разъ поступили осшорожнѣ при выбо-
рѣ мѣста для переселенія. Прислали къ
спранѣ Велико-Басской, къ сѣверу отъ Гви-
нейскаго перечекаго берега, близъ мыса Мезу-
радо, около 300 Англійскихъ миль отъ Сьер-
ры-Леоны. Тамошняя земля показалаь пло-
дородною, самое положеніе мѣста высокимъ
и климатъ здоровымъ; однако же агенты,
хотѣвшіе возложитъ на тамошнихъ владѣль-
цевъ обязанность, отказались отъ шорга
невольниками, обратили на себя гнѣвъ ихъ;
двое изъ нихъ умерли отъ лихорадки, шре-
шій возвратился въ Америку.

Къ счастью Общества переселеній, при-
обрѣло оно въ Докшорѣ Или Эйрсѣ (Ely Ayres)
ревностнаго и дѣятельнаго Агента. Онъ
отправился въ колонію, разсмотрѣлъ спра-
шу Велико-Басскую, и нашель, что она такъ
нездорова и не имѣеть удобныхъ приспаней.
Напротиль того, нашель онъ всѣ же-
лаемая выгоды у самаго мыса Мезурадо, гдѣ
вѣющъ морскіе вѣтры, земля имѣеть высо-
кое положеніе, и припомъ плодоносна; и гдѣ
находится гавань, которую можно защи-
питъ башареею. Послѣ нѣсколькихъ перего-
воровъ, купили у шести Королей за нѣсколь-
ко сотъ долларовъ изобильную водою об-
ласть, которую Г. Эйрсъ цѣнитъ въ миллионъ
долларовъ, и немедленно начали строить дома

или хижины для переселенцевъ. Между тѣмъ,
тѣкоторые изъ тамошнихъ начальниковъ, не-
довольные тѣмъ, что не спрашивали ихъ
совѣта, возбудили жителей къ мятежу; они
напали на едва возникшую колонію, но бы-
ли опражены силою. Капитанъ Американ-
скаго карабля построилъ тамъ крѣпость, и
оставилъ переселенцамъ шкуру. Съ тѣхъ
поръ колонія пребываетъ въ спокойствіи.

Въ 1823 году, она состояла только еще
изъ 150 переселенцевъ. Природные жители
припасали имъ жизненные припасы и рабо-
тали для нихъ за плату. Одно Общество
въ Балтиморѣ имѣеть, какъ говорятъ, на-
мѣреніе установитъ постоянное сношеніе съ
колонію на мысѣ Мезурадо, посредствомъ
пакетбота. Издамель Сѣверо-Американской
Газеты The North-American-Review, опираясь
на примѣръ Англійской колоніи Негровъ въ
Сьерры-Леонѣ, которая сначала боролась съ
пакетами же неудачами, а нынѣ имѣеть цвѣ-
тущую торговлю, надѣется, что то же
можетъ случиться и съ Сѣверо-Американ-
скою колонією, и что она сильно будетъ
содѣйствовать къ уничтоженію шорга не-
вольниками. До тѣхъ поръ, пока не будетъ
Христіанскихъ заведеній на самыхъ берегахъ
Африки, недостаточна будетъ бдительность
кораблей; для прекращенія ненавистнаго

торга Неграми. Правительство Соединенных Штатов предвидяло сіе, и пошому всеми силами поощряло учрежденіе сихъ колоній, хотя само и не принимало въ помъ явнаго участія. Однако же неподвержено сомнѣнію, что крѣпостца на мысъ Мезурадо построена на щель Американской казны, и что нынѣшній агентъ, Докторъ Эйръ, опправляетъ должность свою, какъ чиновникъ Правительства. Вѣроятно, что Соединенные Штаты вскорѣ признають свою колонию. Она можеть имѣть весьма благодытельное вліяніе на просвѣщеніе Африки. Примеръ Сьерры-Леоны можеть служить къ шому поощреніемъ: въ сей колоніи уже 22,000 жителей, и до 12 церквей и школь. Участіе, повсюду принимаемое въ заведеніи на мысъ Мезурадо, подаешь поводъ думать, что Американскій Союзъ съ своей стороны не упуститъ случая, чпобы заставить уважать оное и привести въ дѣйствующее состояніе. — Американское Общество поселеній обратилось съ просьбою къ Президенту Республики Гаишской, о позволеніи перевозить на сей островъ свободныхъ Негровъ; и Гаишское Правительство не только принимаетъ свободныхъ Негровъ Соединенныхъ Штатовъ, но еще улачиваетъ часть суммы, издерживаемой за

перевозъ оныхъ, и безденежно надѣляетъ ихъ землею. Еще въ Августъ и Сентябрь прошедшаго года, опправлены въ Гаици двѣ экспедиціи, на коихъ находилось 180 Негровъ.

(Переведено изъ *Politisches Journal*, Sept. 1825.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И

1 8 2 5.

63. *Подробное наставленіе объ изготовленіи, употребленіи и сбереженіи огнестрѣльнаго и благо солдатскаго оружія. Съ шестью чертежами. Съ Высочайшаго соизволенія изданное бывшимъ Инспекторомъ Сестротъцакаго Оружейнаго Завода Артиллеріи Генералъ-Лейтенантомъ Гогелемъ г. С. П. б. 1825, въ пип. Медіц. Депарш. М. В. Д., въ 8, 580 стр.*
64. *Систематическое обзорніе существующихъ правъ и обязанностей управле-*

- ня казенныхъ крестьянъ Губернскаго, Водостнаго и Сельскаго. Составленное Контролеромъ Рязанской Казенной Палаты, Титулярнымъ Советникомъ Петромъ Гуляевымъ. М. 1825, въ шип. П. Кузнецова, въ 8, V и 62 стр.
(См. No 118 Свв. Пчелы.)
65. *Исторія народовъ и Республикъ Древней Греціи, изложенная Константиномъ Арсеньевымъ. Часть первая, содержащая въ себѣ времена отъ первыхъ извѣстій о Грекахъ до конца войны Пелопоннесской.* С. П. б. 1825, въ шип. Медц. Мен. М. В. Д., въ 8, V и 494 стр.
66. *Теорія о механизмѣ сводовъ, изданная Коллежскимъ Советникомъ и Кавалеромъ Гавриломъ Мягковымъ, въ пользу воспитанниковъ вышняго класса Архитекторскаго Кремлевскаго Училища.* М. 1825, въ Унив. шип., въ 8, 248 стр. съ чертежами.
67. *Событія древнихъ вѣковъ. Соч. Фюльмира. Переводъ съ Французскаго Аванасія Аматава.* М. 1825, въ шип. Семена, въ 8, 195 стр.
(См. No 122 Свв. Пчелы.)
68. *Отечественная строгость, или Исторія Г. Вальмонта. Соч. Августи Лафон-*

мена, въ четырехъ частяхъ. Перевелъ съ Французскаго Николай Базильевъ. М. 1825, въ Унив. шип. въ 1 ч. 277, во 2й 264, въ 3й 245 стр.

(См. No 123 Свв. Пчелы.)

69. *Битва Задонская, или Пораженіе Малая на поляхъ Куликовскихъ. Историческое событіе, происшедшее 1380 года Сентября 8 дня.* М. 1825, въ шип. Семена, въ 12, 174 стр.

(См. No 124 Свв. Пчелы.)

VI.

С М Ъ С Ъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающемъ 1826 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно;

1) Сынъ Отечества, Журналъ Литературы, Полиптики и Современной Исторіи, будутъ заключать въ себѣ слѣдующія статьи:

1) *Русская Словесность.* Краснорѣчіе духовное и свѣшское. Разсужденія о Русскомъ языкѣ и Русской Литературѣ.

2) *Иностранная Словесность.* Извѣстія объ успѣхахъ Словесности въ чужихъ краяхъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) *Изъясняющая Словесность.* Повѣсти, Сказки, Разговоры, острывки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ и ш. п., легкія живописныя пушешесствія.

4) *Критика*. Разборъ новыхъ, достойныхъ вниманія произведеній Русской словесности.

5) *Поэзія*. Спихошворенія отдѣльныя, и отрывки изъ большихъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и пр.

6) *Науки и Изящныя Искусства*. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ Наукъ и Изящныхъ Искусствъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Спашья, относящіяся къ теоріи Наукъ и Художествъ.

7) *Современная Исторія и Политика Европы*. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ Журналовъ; важнѣйшіе Государственные акты, рѣчи, договоры и пр.; отрывки изъ записокъ знаменитыхъ мужей, характеры современниковъ; новѣйшіе историческіе анекдоты.

Сей Журналъ будетъ выходить по два раза въ мѣсяць, 1 и 15 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

II) *СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ*, Журналъ древностей и новостей, по части Исторіи, Статистики, Путешествій и Нравовъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

1) *Всеобщая Исторія*. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей; біографіи сихъ Писателей; разсужденія о предметахъ Всеобщей Исторіи; изысканія и п. п.

2) *Россійская Исторія*. Достопамятности древней, средней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ; важнѣйшіе историческіе акты; критическія изысканія; раз-

боръ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій; древности; монеты.

3) *Статистика и Политическая Экономія*. Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею Государствахъ. Теоретическія изысканія и описанія практическихъ способовъ, клонящихся къ усовершенію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и пр.

4) *Путешествія*. Путешествія Россіянъ по чужимъ краямъ, еще ненапечатанныя; Россіянъ и иностранцевъ по Россіи. Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ Свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) *Правовѣдѣніе*. Теорія Судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы.

6) *Нравы*. Спашья о нравахъ, и обычаяхъ, въ родѣ Адиссонова Зрителья, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи и п. п.

7) *Перегень новыхъ извѣстій и открытій* по части Исторіи, Статистики и Географіи.

8) *Смѣсь*. Критическое разсмотрѣніе историческихъ, статистическихъ и географическихъ сочиненій, картъ, плановъ и пр. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картахъ, планахъ и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ карты, виды, планы и поришья Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ.

Сей Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяць 8 и 22 числа, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

III. *СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА*, Журналъ новостей по части Исторіи, Политики, Литературы и Нравовъ, или новая политическая и либера-

турная Газета, въ коей помѣщаемъ будуще всѣ крапкія и легкія сшашья, по вышенсчисленныѣмъ предмешамъ, получающія цѣну свою ошь скорого и незамедлительнаго выхода ихъ въ свѣтъ. Въ сей Газетѣ будуще содержашся:

1) *Новости Политическія заграничныя*, полученныя съ послѣднею почтою.

2) *Новости внутреннія*. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ природѣ и общежитіи; о благотворительныхъ подвигахъ; о новыхъ общепользыхъ заведеніяхъ и ш. д.

3) *Новости не-политическія*. О новыхъ изданіяхъ и предиріаніяхъ; о произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и ремесль.

4) Извѣстія обо всѣхъ, выходящихъ въ свѣтъ *Русскихъ книггахъ*, съ крапками о содержаніи и достоинствѣ ихъ замѣчаніями.

5) *Правы*. Небольшія сшашья о нравахъ; критическія и правоучительныя замѣчанія.

6) *Словесность*. Легкія стихотворенія и разныя сшашья въ прозѣ. Переписка. Пешербургскія записки.

7) *Смѣсь*. Небольшія сшашья, неподходящія подъ вышенсчисленные разряды. Выписки изъ иностранныхъ Журналовъ и пр.

8) Извѣстія о новѣйшихъ *модахъ*.

Сія Газета будещъ выходить листами, шрижды въ недѣлю, по Вторникамъ, Четвершкамъ и Субботамъ.

Неоднократно получали мы опзывы почтенныхъ опщевъ семействъ (особенно живущихъ въ провинціяхъ) съ изъявленіемъ желанія, чшобъ въ сихъ изданіяхъ помѣщаемы были не-

большія сшашья для дѣшей. Не видя возможности исполнить сіе требованіе безъ перемѣны плана нашихъ прехъ Журналовъ, и не имѣя увѣренія, чшо введеніе *дѣтскаго чтенія* въ Журналы будещъ принятою всѣми съ равными одобреніемъ, мы рѣшились, въ изъявленіе признапельности почтеннымъ читателямъ, принимающимъ съ благосклонностью шруды наши, съ будущаго 1826 года присовокупить къ симъ прехъ изданіямъ четвертое: *Дѣтскій Собесѣдникъ*, которое будещъ сосшоять изъ чешырехъ часней въ годѣ, и раздаваться *безденежно* особамъ, подписавшимся на три прежные Журнала. Въ сосшавъ онаго входящъ:

1) *Отечественная Исторія*, въ видѣ уроковъ или въ особенномъ повѣствованіи о важныхъ происшествіяхъ и подвигахъ, достойныхъ удивленія и подражанія потомства.

2) *Отечественная Географія*, также въ видѣ уроковъ или расказовъ о малоизвѣстныхъ спрахахъ обширной Россіи.

3) *Русскій языкъ*. Грамматическіе уроки. Примѣры чистоты и правильности языка, которыми должно подражать, и неправильности, коихъ должно избѣгать; шрудности грамматическія и ш. п., изложенныя легкимъ и удобопонятнымъ для дѣшей образомъ.

4) *Науки*. Уроки Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ и пр., вообще изложенные легко и понятно.

5) *Словесность*: правоучительныя повѣсти и любопытныя анекдоты. Стихотворенія, приоровленныя къ понятію дѣшей.

Въ сихъ изданіяхъ принимаютъ постоянное участие многіе доспойные Императоры и Ученые. Сверхъ того приглашаемъ всѣхъ любителей Наукъ и Словесности доставлять въ наши Журналы свои произведенія, но обязуемся печатать только то, что сообразно съ цѣлю изданія, что содержаніемъ и слогомъ доспойно вниманія просвѣщенной публики. Въ семъ случаѣ принимаемъ на себя обязанность оппечатавать на свой счетъ до двухъ сошъ экземпляровъ доставленной намъ снашью особо, въ пользу Автора; но въ случаѣ невозможности помѣстивши какую либо снашью, оппказываемся оппъ всякой по сему предмету переписки, и оппъ обязанности доставлять рукопись обратно. Изъ сего исключаются историческіе акты и ш. п., кои, по снятіи съ нихъ копи, возвращаются доставившимъ съ благодарностію.

Цѣна сихъ Журналовъ есть слѣдующая :

	Въ С. П. бургѣ.	Съ пересыл- кою или до- спавленіемъ на домъ.
1) За годовое изданіе, или 24 книжки <i>Сина Отечества</i>	40 р.	45 р.
2) За годовое изданіе, или 24 книжки <i>Свернаго Архива</i>	40 р.	45 р.
3) За годовое изданіе, или 166 листовъ <i>Сверной Пчелы</i>	40 р.	50 р.

За всѣ три изданія вмѣстѣ здѣсь въ С. Пешербургѣ 120 руб., съ доставленіемъ на домъ 130 руб., съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ три изданія получаютъ безденежно въ годъ чешыре часши *Дятскаго Со-*

бездника, на которыи особо подписки не принимаешся.

Подписывашся можно въ С. Пешербургѣ : въ шипографіи Коллежскаго Совѣтника Греча, на Исакиевской площади, въ домѣ Бреммера, подъ No 180; у Издашеля Ѳ. В. Булгарина, въ большой Офицерской улицѣ, въ домѣ Спрутовщикова, подъ No 156; въ книжныхъ лавкахъ Гг. Смирдина, Сленина, Глазунова, Свѣшниковова и Заикина; въ Москвѣ: у Гг. Ширяева и Свѣшниковова. Иногородные благоволяш адресовашся прямо въ Газетную Экспедицію С. Пешербургскаго Почтамша.
Н. Грегъ. Ѳ. Булгаринъ.

4 Окшября 1825.

Конецъ сто третей части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Т Р Е Т Ь Е Й Ч А С Т И .

Спран.

I. Изящная Словесность.

1. Изъ жизни Гепе, имъ самимъ описанной 4
2. Квипанція послѣ смерти 99
3. Неожиданность 138
4. Ясновидящая 199
(Прод.) 397
5. Графъ Сень-Жермень 347

II. Новая Исторія.

- Взятіе Измаила 42

III. Биографія.

- Докшоръ Философіи Дорошеля фонъ Родде 160

IV. Иностранная Словесность.

1. Опыты о Романах Вальшера Скопша 355
 2. О новомъ сочиненіи Г. Дежерандо . 444

V. Критика и Антикритика.

1. Разборъ фонъ-деръ-Борговыхъ перево-
 довъ Русскихъ стихопвореній 68
 2. Опыты на замѣчанія Г. Полеваго . . . 84
 3. Журнальная перекичка 87
 4. Господину β , въ опыты на два его
 ко мнѣ посланія 469

VI. Стихотворенія.

- Взглець, Повѣсь 182
 (Прод.) 373

VII. Современная Исторія.

1. О силѣ Фанариошовъ въ Турецкомъ
 Правительствѣ 381
 2. Опыты Сѣверныхъ Американцевъ
 переселивъ черныхъ союзчицъ сво-
 ихъ обратно въ Африку 478

VIII. Современная Политика.

- Взглядъ на происшествія текущаго года 187
 (Оконч.) 391

IX. Современная Русская Библиографія 97

196

396

487

X. Смѣсь.

1. Къ Чипашелямъ С. О. 198
 2. Объявленіе 489

Къ сей часши Сына Отечества, принад-
 лежишь Прибавленіе къ оному, No 1.